

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

651

ГРАММАТИЧЕСКИЕ
И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

Труды по русской и славянской
филологии

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 65I ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ
И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

Труды по русской и славянской
филологии

ТАРТУ 1983

Редакционная коллегия:

Е.И. Гурьева, А.Д. Дуличенко, С.В. Смирнов,
М.А. Шелякин (отв. ред.).

ПАРАДИГМА ИМПЕРАТИВНЫХ ФОРМ (ОПЫТ ИСЧИСЛЕНИЯ)

Володин А.П., Храковский В.С.

В комплексе проблем, возникающих при изучении императива, вопрос о составе императивной парадигмы отнесится к числу наиболее дискуссионных.

Императив традиционно рассматривается как одно из глагольных наклонений, однако статус императива как наклонения оспаривался уже неоднократно. Первым эту мысль отчетливо сформулировал Р.О. Якобсон в 1932 г.: "подлинный императив обособляется от остальных глагольных категорий" (цит. по Якобсон 1971). Ак. В.В. Виноградов высказал сходную точку зрения в 1938 г.: "императив в его прямой функции (а не в переносных значениях) находится на периферии глагольной системы. Он стремится отпасть от нее, так как его притягивают междометия" (Виноградов 1938). В последнее время статус императива как одного из наклонений глагола ставится под сомнение в работах разных авторов (Штелинг 1973, 1982, Пазухин 1974, Ермолаева 1977). Все они, в более или менее эксплицитной форме, указывают на функциональное своеобразие императива, отличающее его от остальных глагольных форм. Не входя сейчас в подробности обсуждения вопроса о статусе императива как глагольного наклонения, ограничимся указанием на то, что мы солидаризируемся с высказанным мнением и считаем, что императив в сфере глагола (как и вокатив в сфере имени) выполняют аппеллятивную или призывную функцию, не свойственную остальным глагольным и именным формам, которые в их прямом употреблении выполняют коммуникативную функцию.

Своеобразие функционального назначения императива определяет и специфику его семантики. Принято считать (напр. Исаченко 1960, АГ-70, Апресян 1974, РГ-80 и др.), что содержательно формы императива отражают референтную ситуацию аппеллятивного общения (=побудительную ситуацию), включающую двух участников: говорящего и слушающего, причем совершенно справедливо подчеркивается, что в императивных формах обозначено волеизъявление говорящего относительно совершения действия. Момент волеизъявления, побуждения, каузации выделяется в любом из многочисленных определений императива; однако далее у исследователей наблюдаются разногласия, связанные с различным пониманием того, кто может быть исполнителем каузируемого действия: только ли слушающий или также говорящий и лицо/лица, не участвующие в речевом акте. Практическим итогом этих разногласий является необычайная многовариантность императивных парадигм, выделяемых не только в разных языках (что в общем неудивительно), но и в разных описаниях одного и того же языка.

Следует подчеркнуть в этой связи, что если в ка-

ком-либо конкретном языке глагол изменяется по лицам и числам, то состав парадигмы индикатива, конъюнктива и других наклонений остается стабильным практически во всех описаниях данного языка. Иное дело - парадигма императива: состав ее меняется от грамматики к грамматике. Достаточно сравнить две последних академических грамматики русского языка, чтобы убедиться в этом. В АГ-70 аналитические формы 3 л.: 'пусть сделает, пусть принесет' - включаются в императивную парадигму, а в РГ-80 исключены из нее, поскольку им отказано в статусе аналитических форм. Дискуссия о составе императивной парадигмы не прекращается, например, и в тюркологии, где "горячей точкой" является вопрос о статусе форм 1 л. Одни специалисты (например, Н.К. Дмитриев, С.К. Кенесбаев, А.Н. Кононов, Н.М. Мелиоранский) исключают формы 1 л. (либо обе, либо, чаще, только форму 1 л. ед. ч.), мотивируя это как семантическими ("алогичность", "неестественность" самоприказания, самопобуждения), так и формальными причинами (генетически формы 1 л. императива в тюркских языках являются формами оптатива). Другие тюркологи (например, Н.А. Баскаков, А.К. Боровков, Н.З. Гаджиева, Н.П. Дыренкова, Е.И. Коркина, В.И. Рассадин), напротив, включают формы 1 л. в императивную парадигму, также находя для этого как семантическую, так и формальную аргументацию. В результате, например, в разных описаниях турецкого языка императивная парадигма включает либо четыре формы (2 и 3 л.), либо пять форм (добавляется еще форма 1 л. мн. ч.) (см. Джанашиа 1981), а в разных описаниях якутского языка, по данным Е.И. Коркиной, "императив настоящего времени" (иначе: императив близкого будущего) у разных авторов включает четыре (О. Бётлингк, Д.И. Хитров), пять (С.В. Ястремский, Н.Н. Поппе, М.Н. Григорьев, Е.И. Убрятова) и шесть форм (В. Радлов, Л.Н. Харитонов), причем парадигмы, совпадающие по количеству форм, не всегда совпадают по их составу. Например, в грамматике С.В. Ястремского в императивную парадигму включены формы 2 и 3 л. и мн. ч., а также форма совместного действия 1 л. - итого пять форм; а в написанной на якутском языке грамматике М.Н. Григорьева императивная парадигма включает формы 2 и 1 л. ед. и мн. чисел, а также форму совместного действия (которую автор определяет как форму "совместного числа") - также пять форм, но состав парадигмы иной. Наконец, сама Е.И. Коркина включает в указанную парадигму семь личных форм - ее мы приводим ниже, см. табл. 3. Если, далее, сравнить различные описания грузинского языка, то мы обнаружим, что в одном из них императивная парадигма включает две личных формы (Чикобава 1967), в другом - четыре (Шанидзе 1973), а в третьем - пять (Руденко 1940). Подобные примеры можно было бы продолжить.

Очевидно, что при интерпретации парадигмы как в разных языках, так и в одном и том же языке, различные авторы опираются на несовпадающие исходные положения. Столкновение этих исходных положений, предпочтение од-

них другим является одной из важнейших причин дискуссионности вопроса о составе императивной парадигмы. Скажем, когда А.В. Исаченко, исходя из семантических соображений, категорически заявляет: "в императиве" исключается 'третье лицо'" (Исаченко 1960) (причем в этом своем мнении он далеко не одинок) - подобное утверждение может сыграть свою роль при практическом выделении императивной парадигмы в русском и других индоевропейских языках, где 3 л. выражается аналитическими формами, которые уже по формальным основаниям относительно просто не включать в состав парадигмы; но, например, для тюркологов семантические соображения А.В. Исаченко - это глас вопиющего в пустыне. Ведь в тюркских языках есть специализированная форма императива 3 л., которая не имеет омонимов в других парадигмах, и этого достаточно для того, чтобы все тюркологи единодушно включили ее в императивную парадигму. В тюркологии, как было уже отмечено, дискутируется вопрос о включении в парадигму форм 1 л., особенно формы 1 л. ед. ч.; однако в традиции описания, например, венгерского языка, типологически весьма близкого тюркским, сомнений в императивном статусе формы 1 л. ед. ч., насколько нам известно, никогда не возникало. Следовательно, соображения авторитетных тюркологов об "алогичности" самопобуждения (и в этом они также не одиноки!) почему-то остаются чуждыми специалистам по венгерскому языку. В связи со всем сказанным возникают следующие два принципиальных вопроса.

Во-первых - можно ли дать такую универсальную трактовку императива, которая позволила бы положить конец дискуссии о составе императивных парадигм в различных конкретных языках?

Во-вторых - достаточно ли обоснованно широко распространено утверждение, что собственно императивное значение имеют только формы 2 л. (в чем никто не сомневается), а формы других лиц, даже если они и включаются в парадигму по формальным основаниям, имеют значение, отличное от значения форм 2 л. - так сказать, "несобственно императивное" значение?

Начнем с ответа на второй вопрос. О том, что формы разных лиц императива содержательно неоднородны или не вполне однородны, писали многие; но мы проанализируем здесь лишь одну работу (Пазухин 1974), в которой эта проблема сформулирована, по нашему мнению, наиболее четко и где учитывается материал не только привычных теоретикам флективных индоевропейских языков, но также и агглютинативных, в частности, финского; в этом языке, как и в тюркских, и в венгерском, традиционно выделяется форма императива 3 л. Рассматривая разнообразные эмпирические данные, Р.В. Пазухин приходит к выводу, что "функция 'личных форм' императива отнюдь не сводится к тому, что они регулярно соотносят какое-то одно лексическое и модальное значение с различными грамматическими лицами субъекта действия. --- Поэтому содержательные отношения между 'личными формами' императива отнюдь

не параллельны формальным отношениям между ними" (ук. соч. 89).

Аргументируя это принципиально важное утверждение, Р.В. Пазухин сопоставляет структуру плана содержания "несомненных" наклонений (индикатива и конъюнктива) и императива, причем в императиве рассматриваются только "несомненно императивные" формы 2 л. Результаты этого анализа выглядят следующим образом.

Структура плана содержания индикатива (и конъюнктива) такова: лексическое значение + "модальное" значение + лицо + число. Итак, данная структура (Р.В. Пазухин называет ее "формула 1") включает один предикат и как минимум одного участника - исполнителя действия. Любая личная форма любого из "несомненных" наклонений имеет такую структуру; личные формы этих наклонений организованы в парадигму и "соотносят какое-либо одно лексическое и "модальное" значение с разными лицами (всех чисел) субъекта действия" (ук. соч. 88).

Переходя к императиву, точнее, к формам его 2 л., Р.В. Пазухин устанавливает для них следующую структуру плана содержания: говорящий (приказывающий) + отношение к будущей деятельности слушателя + лицо слушателя (исполнителя) + название зменяемого действия. Данная структура (формула II) включает, в отличие от формулы 1, два предиката и, как минимум, двух участников. Первый предикат - это предикат побуждения и, соответственно, первый участник - это тот, кто побуждает (говорящий). Второй предикат называет действие; которое должно быть выполнено, и, соответственно, второй участник - это тот, кого побуждают к выполнению названного действия (слушающий = исполнитель).

Из этих, по нашему мнению, в целом справедливых суждений Р.В. Пазухин делает вывод, с которым уже трудно согласиться: "если сравнить между собой несомненные или спорные формы "повелительного наклонения" какого-либо одного глагола, относящиеся к разным лицам, мы не обнаружим в них одной и той же неизменной структуры содержания, в которой от формы к форме имеются лишь показатели лица и числа" (ук. соч. 88). Р.В. Пазухин отказывает императиву в семантической однородности. Императив, по Р.В. Пазухину, представляет собой не связанную общим значением парадигму, а ряд специализированных глагольных форм, называющих несколько типов практически наиболее важных побудительных ситуаций. В итоге Р.В. Пазухин считает, что "'побуждение к 3 лицу' немислимо" (ср. А.В. Исаченко: "в императиве исключается третье лицо"), и что "формы 1-го лица" (имеются в виду исключительно формы совместного действия, т.е. формы 1 л. мн. ч.) также не могут быть признаны императивными. Таким образом, Р.В. Пазухин убежден в том, что сфера императивной семантики ограничивается тождеством "слушающий = исполнитель" (2 лицо). Между тем, как мы полагаем, к сфере императива относится как указанный случай, так и те случаи, когда исполнителем является либо говорящий (1 л. ед. ч.), либо лицо, не участвующее в рече-

вом акте (3 л.). Принимая эту интуитивно естественную точку зрения, можно утверждать, что в императивную парадигму входят формы не только 2 л., но и других лиц, и при этом структура плана их содержания так же однородна, как и в парадигме индикатива (конъюнктива). Иными словами, мы считаем, что парадигма императива строится на тех же содержательных основаниях, что и парадигмы других наклонений. Так мы отвечаем на второй вопрос.

Ответу на первый вопрос посвящено дальнейшее изложение. Мы полагаем, что универсальная трактовка императива не только возможна, но в принципе является единственно правильной. Ниже мы предлагаем модель универсальной парадигмы императива, включающей все логически возможные комбинации элементов императивного значения, т.е. такие комбинации, каждой из которых теоретически могла бы соответствовать отдельная императивная форма¹. Иными словами, речь идет о таком исчислении гипотетических императивных форм, что реальные императивные парадигмы конкретных языков представляют собой некоторый фрагмент этого исчисления.

Приступая к построению универсальной парадигмы императива, мы считаем целесообразным прежде всего дать определение понятия парадигмы. При этом, с нашей точки зрения, необходимо разграничивать понятия общей и частной парадигмы.

Общая парадигма - это совокупность всех словоформ одной лексе - мы данной части речи, организованный в систему частных парадигм. Частная парадигма - это совокупность системно организованных словоформ одной лексе - мы данной части речи, регулярно выражающих одно и то же грамматическое значение (=грамматическую категорию) (ср. АГ-70, 367)².

Согласно предложенным определениям, императивная парадигма, как реальная, так и универсальная, является частной. Ее члены имеют общее грамматическое значение, которое можно определить как адресованное слушающему волеизъявлению говорящего относительно выпол-

¹ Первая попытка построения универсальной императивной парадигмы была предпринята нами в 1977 г. (Володин-Храковский 1977). Независимо от нас исчисление русских императивных форм было предложено немецким ученым В. Лефельдтом (В. Лефельдт 1979). Обе работы базировались на примерно одних и тех же исходных положениях, и поэтому в них были получены сходные результаты.

² Другой подход к определению парадигмы см. например в работах: Реформатский 1955, Ярцева 1961, Маслов 1975, Москальская 1975, Абрамов 1980, Панов 1980.

нения называемого действия. Помимо волеизъявления, каждая императивная форма передает информацию об исполнителе каузируемого действия, и мы полагаем, что таким исполнителем может быть не только слушающий. Аналогичный взгляд был высказан немецким русистом В. Лефельдтом, который считает, что императивные формы выражают "эксплицитное побуждение", и если словоформе присуще это значение, то она является императивной вне зависимости от того, на кого или на что распространяется побуждение (Лефельдт 1979, 123). Кроме грамматического значения волеизъявления и указания на исполнителя, каждая императивная форма выражает то номинативное значение, которое свойственно всем словоформам данной лексемы, т.е. называет действие, которое должно быть выполнено. Помимо этого, все императивные формы содержат одинаковую информацию о говорящем, т.е. о лице, от которого исходит побуждение - это всегда 1 л. ед. ч.

Моделируя универсальную императивную парадигму, мы исходим из того, что входящие в нее теоретически возможные словоформы отличаются друг от друга тем, что передают различную информацию об исполнителе действия, точнее, об его лице и числе. Иными словами, мы считаем, что принцип формирования императивной парадигмы в основном тот же, что и у других наклонений, которые также строятся на противопоставлении разных лиц и чисел субъекта действия. Специфика императивной парадигмы заключается в том, что в ней может передаваться еще различная информация о слушающем (2 л.), точнее, об его числе - единственном или множественном. В этом отношении императивные формы отличаются от форм других наклонений, которые не передают никакой информации о слушающем.

Итак, структура плана содержания императивных форм содержит компоненты двух видов:

1. Постоянные компоненты

1) грамматическое императивное значение волеизъявления, 2) номинативное значение действия, 3) значение 1 л. ед. ч. говорящего. Эти компоненты значения входят в план содержания любой императивной словоформы.

II. Переменные компоненты

1) грамматическое значение лица и числа исполнителя, 2) грамматическое значение числа слушающего. Все словоформы императивной парадигмы содержат различную информацию о лице-числе исполнителя и/или различную информацию о числе слушающего.

Располагая моделью плана содержания императивных форм, мы имеем все необходимое для того, чтобы построить универсальную парадигму императива. Нетрудно понять, что в эту парадигму должно входить столько форм, сколько существует теоретически допустимых комбинаций переменных компонентов плана содержания - значений лица-числа исполнителя и слушающего.

Как уже отмечалось, семантическая структура императивных словоформ отражает дейктическую ситуацию, т.е. ситуацию речевого акта, участниками которого являются говорящий (отправитель) и слушающий (получатель)/ слушающие (получатели). В процессе апеллятивного общения говорящий доводит до сведения слушающего/слушающих информацию, содержащую прямое волеизъявление относительно исполнения действия и указания на непосредственного исполнителя называемого действия.

Введем обозначения: А - говорящий (отправитель, побуждающий при апеллятивном общении): 1 л.ед.ч.; В - слушающий (получатель): 2 л.ед.ч.; ВВ - слушающие (получатели): 2 л.мн.ч.; С - лицо, не участвующее в речевом акте: 3 л.ед.ч.; СС - лица, не участвующие в речевом акте: 3 л.мн.ч.; Д - исполнитель действия (побуждаемый субъект действия при апеллятивном общении).

Исполнителем (побуждаемым субъектом действия) может быть:

А - говорящий,

В - слушающий, ВВ - слушающие,

С - лицо, не участвующее в речевом акте, СС - лица, не участвующие в речевом акте,

все теоретически допустимые комбинации перечисленных элементов:

А+В, А+ВВ, А+С, А+СС, В+С, В+СС, ВВ+С, ВВ+СС, А+В+С, А+ВВ+С, А+В+СС, А+ВВ+СС - но никто более. Всего, таким образом, существует 17 логических возможностей для выражения исполнителя действия. Если при этом учесть, что слушающий бывает единичным или множественным, то всего исчисление включает 34 допустимых комбинации переменных элементов семантической структуры императива.

Представим наше исчисление в виде таблицы.

Таблица 1. Универсальная парадигма императива

№ групп	№ конъюнкций	конъюнкции постоянных и переменных элементов семантической структуры императивных форм			примерное соответствие в плане выражения
		гвр	слш	исп	
I	1	А	В	Д=В	спой (ты)
	2	А	ВВ	Д=В	?
	3	А	В	Д=ВВ	?
	4	А	ВВ	Д=ВВ	спойте (вы)
II	5	А	В	Д=С	(слушай) пусть он споет
	6	А	ВВ	Д=С	(слушайте) пусть он споет

(продолжение таблицы)

II	7	A	B	D=CC	(слушай) пусть они споят
	8	A	BB	D=CC	(слушайте) пусть они споят
III	9	A	B	D=A	дай (я) спю. Вариант этой конъюнкции, 9а: A B=A D=A в плане выражения имеет соответствие: дай, думаю, спю
	10	A	BB	D=A	дайте (я) спю
IV	11	A	B	D=B+C	спой (ты с ним)
	12	A	BB	D=B+C	?
	13	A	B	D=BB+C	?
	14	A	BB	D=BB+C	спойте (вы с ним)
	15	A	B	D=B+CC	спой (ты с ними)
	16	A	BB	D=B+CC	?
	17	A	B	D=BB+CC	?
	18	A	BB	D=BB+CC	спойте (вы с ними)
V	19	A	B	D=A+B	давай споем (я с тобой)
	20	A	BB	D=A+B	?
	21	A	B	D=A+BB	?
	22	A	BB	D=A+BB	давайте споем (я с вами)
VI	23	A	B	D=A+C	дай спю (я с ним)
	24	A	BB	D=A+C	дайте спю (я с ним)
	25	A	B	D=A+CC	дай спю (я с ними)
	26	A	BB	D=A+CC	дайте спю (я с ними)
VII	27	A	B	D=A+B+C	давай споем (с ним)
	28	A	BB	D=A+B+C	?
	29	A	B	D=A+BB+C	?
	30	A	BB	D=A+BB+C	давайте споем (с ним)
	31	A	B	D=A+B+CC	давай споем (с ними)
	32	A	BB	D=A+B+CC	?
	33	A	B	D=A+BB+CC	?
	34	A	BB	D=A+BB+CC	давайте споем (с ними)

Итак, исчисление включает 34 конъюнкции компонентов семантической структуры императива, каждой из которых могла бы соответствовать отдельная императивная форма. Однако в их число входит 12 конъюнкций (№№ 2, 3, 12, 13, 16, 17, 20, 21, 28, 29, 32, 33), отражающих прагматически неинтерпретируемые ситуации: либо при множестве слушающих исполнителем является единственный слушающий, либо, наоборот, при единственном слушающем исполнителем яв-

ляется множество слушающих. Эти конъюнкции являются прагматически запрещенными, и поэтому в конкретных языках им не могут соответствовать реальные императивные формы.

Что касается остальных конъюнкций, то им в принципе могли бы соответствовать реальные императивные формы, хотя априори очевидно, что нет такого языка, который имел бы императивную парадигму из 22 личных форм.

Универсальная парадигма разделена на семь групп, характеризующихся специфическим составом исполнителей (Д). В группе I (конъюнкции 1-4) Д = слушающий/слушающие. В группе II (конъюнкции 5-8) Д = лицо/лица, не участвующие в речевом акте. В группе III (конъюнкции 9-10) Д = говорящий. В остальных группах исполнитель совокупный. В группе IV (конъюнкции 11-18) Д = слушающий/слушающие + лицо/лица, не участвующие в речевом акте; в группе V (конъюнкции 19-22) Д = говорящий + слушающий/слушающие; в группе VI (конъюнкции 23-26) Д = говорящий + лицо/лица, не участвующие в речевом акте; в группе VII (конъюнкции 27-34) Д = говорящий + слушающий/слушающие + лицо/лица, не участвующие в речевом акте.

Рассмотрим каждую группу более детально.

В группу I входят конъюнкции 1 и 4, которым соответствуют реальные императивные формы 2 л. ед. и мн. числа. Эти формы, по общему мнению, являются центральными в любой императивной парадигме и, соответственно, наиболее широко представлены в конкретных языках. Они выражают прямое побуждение. Конъюнкции 2 и 3 в этой группе являются прагматически запрещенными.

Группа II включает конъюнкции 5-8, каждой из которых в принципе могла бы соответствовать реальная форма 3 лица. Однако на практике четырем конъюнкциям этой группы обычно соответствуют только две формы 3 лица: конъюнкциям 5 и 6 - форма 3 л. ед. ч., конъюнкциям 7 и 8 - форма 3 л. мн. ч. Из сказанного следует, что при переходе от конъюнкций плана содержания к реальным словоформам императива оппозиция слушающий/слушающие в этой группе оказывается иррелевантной. Форм 3 лица, противопоставленных по значениям этой оппозиции, очевидно, не бывает. Формы 3 лица выражают так наз. косвенное побуждение.

В группе III представлены конъюнкции 9-10, которым соответствуют формы 1 л. ед. ч. Любопытно подчеркнуть, что эта группа - единственная, где может быть релевантной оппозиция слушающий/слушающие: конъюнкция 9 может соответствовать форме, в которой обозначен единственный слушающий, а конъюнкция 10 - форма, в которой обозначены многие слушающие. Релевантность оппозиции слушающий/слушающие в данном случае объясняется, очевидно, тем, что только в рассматриваемой группе конъюнкций исполнителем является уникальный говорящий, которому чужда оппозиция единичность/множественность. Конъюнкция 9 выступает в двух вариантах, поскольку в роли слушающего может выступать и сам говорящий (обращение к самому себе). Прагматически такая ситуация представляется важной, поскольку она может специально маркироваться в плане выражения (дай, думаю, скажу). Формы 1 л. ед. ч., как

и формы 2 л., выражают прямое побуждение, которое в данном случае выступает как прямое самопобуждение.

Группа 1У состоит из восьми конъюнкций, четыре из которых (№№ 12, 13, 16, 17) являются прагматически запрещенными. Каждой из остальных четырех конъюнкций (№№ 11, 14, 15, 18) в принципе могла бы соответствовать отдельная императивная словоформа, однако, насколько нам известно, в конкретных языках словоформ такого рода нет, а вместо них употребляются словоформы, соответствующие конъюнкциям группы 1. Так, конъюнкциям 11 и 15 соответствует словоформа, которая соотносится с конъюнкцией 1, а конъюнкциям 14 и 18 - словоформа, которая соотносится с конъюнкцией 4. Таким образом, конъюнкциям группы 1У, где $D=V/BB+C/CC$, на практике, по-видимому, всегда соответствуют словоформы, соотносимые с конъюнкциями группы 1 ($D=V/BB$); что же касается информации о члене C/CC , входящем в состав совокупного исполнителя, то она выражается не грамматически в императивной словоформе, а лексически в императивной конструкции или в более широком контексте.

Группа У включает четыре конъюнкции, из которых две (№№ 20 и 21) являются прагматически запрещенными. Конъюнкциям 19 и 22 соответствуют императивные формы "совместного действия" или формы 1 л.мн.ч. Конъюнкция 19 соответствует императивная форма "совместного действия" ед.ч. ($D=A+V$), конъюнкция 22 - форма "совместного действия" мн.ч. ($D=A+BB$). Исполнители в конъюнкциях группы У представляют собой совокупность исполнителей из групп 1 и Ш, которым соответствуют императивные словоформы, выражающие прямое побуждение. Следовательно, и словоформы, соответствующие конъюнкциям группы У, также выражают прямое побуждение, которое адресуется одновременно слушающему/слушающим и самому говорящему.

Каждой из четырех конъюнкций (№№ 23-26), входящих в группу У1, в принципе могла бы соответствовать отдельная императивная словоформа, однако практически языков, в которых такие словоформы были бы представлены, по-видимому, нет. Вместо этих словоформ употребляются словоформы, соответствующие конъюнкциям группы Ш. При этом конъюнкциям 23 и 25 соответствует словоформа, соотносимая с конъюнкцией 9, а конъюнкциям 24 и 26 - словоформа, соотносимая с конъюнкцией 10. Таким образом, конъюнкциям группы У1, где $D=A+C/CC$, соответствуют императивные словоформы, в которых грамматически выражается $D=A$; что же касается информации о члене C/CC , то она выражается не грамматически в императивной словоформе, а лексически в императивной конструкции или в более широком контексте.

Группа УП включает восемь конъюнкций, из них четыре (№№ 28, 29, 32, 33) является прагматически запрещенными. Остальные конъюнкции (№№ 27, 30, 31, 34) могли бы иметь соотносительные императивные формы, однако такого рода форм в конкретных языках не обнаружено. Вместо них, очевидно, употребляются словоформы, соотносимые с конъюнкциями группы У, если они представлены в конкретных языках. В этом случае конъюнкциям 27 и 31 соот-

ветствует словоформа, соотносимая с конъюнкцией 19, а конъюнкциям 30 и 34 - словоформа, соотносимая с конъюнкцией 22. Таким образом, конъюнкции группы УП, где $D=A+V/BB+C/CC$, практически не имеют "собственных" императивных форм. Им могут соответствовать либо формы, где грамматически выражается $D=A+V/BB$, либо, при отсутствии в конкретной парадигме таких форм, формы, где грамматически выражается $D=V/BB$, или (что эмпирически наименее вероятно) $D=A$. Во всех этих случаях информация о грамматически выраженных членах совокупного исполнителя (C/CC , $A+C/CC$, $V/BB+C/CC$) будет выражаться лексически в императивной конструкции или в более широком контексте.

Семь групп конъюнкций универсальной парадигмы разбиты на три разряда (в таблице они выделены двойными горизонтальными чертами).

К первому разряду относятся группы 1-Ш, где исполнителем являются либо слушающий/слушающие, либо лицо/лица, не участвующие в речевом акте, либо говорящий. Тенденция к грамматикализации в этом разряде убывает от группы I к группе Ш. Это значит, что в конкретных языках, где традиционно выделяется парадигма императива, в ней обязательно будут формы 2 лица (соответствующие конъюнкциям группы I), а формы 3 лица (соответствующие конъюнкциям группы II) будут отмечаться существенно чаще, чем формы 1 лица ед. числа (группа Ш).

Ко второму разряду относятся группы 1У-У1, в которых исполнителем совокупно являются: слушающий/слушающие + лицо/лица, не участвующие в речевом акте; говорящий + слушающий/слушающие; говорящий + лицо/лица, не участвующие в речевом акте. Тенденция к грамматикализации наиболее отчетлива у конъюнкций группы У, в которых исполнителем совокупно выступают оба участника речевого акта, говорящий и слушающий/слушающие. Именно конъюнкциям этой группы в конкретных языках соответствуют формы так наз. "совместного действия". Тенденция к грамматикализации у конъюнкций группы У1 ($D=A+C/CC$) значительно ниже; в сущности, она приближается к нулевой. Она может быть реализована только в том случае, если конкретный язык различает оппозицию инклюзивного/эксклюзивного "мы" (т.е. мы = я+ты/вы и мы = я+он/они). Отражение этой оппозиции в личных формах императива дало бы отдельные формы, различающие совокупного исполнителя $A+V/BB$ и $A+C/CC$. В просмотренном нами материале подобные факты не отмечены. Языки, различающие инклюзивное/эксклюзивное "мы" (например, кавказские, особенно языки Дагестана), не отражают этого различия в глагольных формах.

Конъюнкции группы 1У, относящейся ко второму разряду, не имеют специализированных императивных форм; вместо них употребляются формы, соответствующие конъюнкциям группы I первого разряда ($D=V/BB$).

К третьему разряду относится группа УП, в которой исполнитель также совокупный: говорящий + слушаю-

щий/слушающие + лицо/лица, не участвующие в речевом акте. Конъюнкции этой группы обладают нулевой тенденцией к грамматикализации и соответственно не имеют специализированных императивных форм. Вместо них употребляются формы, которые соответствуют конъюнкциям группы У второго разряда.

Сказанное позволяет прийти к следующему заключению. Вероятность наличия специализированной императивной формы, соответствующей той или иной конъюнкции значений, определяется качеством и количеством лиц, выступающих в роли исполнителя действия. Конъюнкции, в которых исполнителем является одно лицо, теоретически с большей долей вероятности имеют соотносительную императивную форму, чем конъюнкции, в которых исполнителем является совокупность разных лиц. В свою очередь, конъюнкция, где $D=B/BB$, практически всегда имеет специализированную глагольную форму, тогда как конъюнкция, где $D=C/CC$ и особенно где $D=A$, судя по имеющимся описаниям конкретных языков, могут не иметь собственных императивных форм. Среди конъюнкций, в которых исполнителем являются совокупно разные лица, с наименьшей долей вероятности свои императивные формы будут иметь конъюнкции, где исполнителем выступают участники речевого акта ($A+B/BB$). Конкретный языковой материал свидетельствует, что такие формы отмечаются значительно чаще, чем словоформы 1 л.ед.ч.

Учитывая изложенные выше общие соображения, а также существующие описания императивных парадигм, мы полагаем, что максимальная реальная парадигма, которую можно было бы обнаружить в каком-либо конкретном языке, включает следующие восемь форм:

1. Форма 2 л.ед.ч. - 'спой'. Эта форма прямо соответствует конъюнкции 1 (группа 1) и косвенно - конъюнкциям 11, 15 (группа 1У).

2. Форма 2 л.мн.ч. - 'спойте'. Эта форма прямо соответствует конъюнкции 4 (группа 1) и косвенно - конъюнкциям 14, 18 (группа 1У).

3. Форма 3 л.ед.ч. - 'пусть он споет'. Эта форма прямо соответствует конъюнкциям 5 и 6 (группа П).

4. Форма 3 л.мн.ч. - 'пусть они споют'. Эта форма прямо соответствует конъюнкциям 7 и 8 (группа П).

5. Форма совместного действия ед.ч. - 'давай споем'. Эта форма прямо соответствует конъюнкции 19 (группа У) и косвенно - конъюнкциям 27, 31 (группа УП).

6. Форма совместного действия мн.ч. - 'давайте споем'. Эта форма прямо соответствует конъюнкции 22 (группа У) и косвенно - конъюнкциям 30, 34 (группа УП).

7. Форма 1 л.ед.ч. - 'дай я спой'. Эта форма прямо соответствует конъюнкции 9 (группа Ш) и косвенно - конъюнкциям 23, 25 (группа У1).

8. Форма 1 л.ед.ч. - 'дайте я спой'. Эта форма прямо соответствует конъюнкции 10 (группа Ш) и косвенно - конъюнкциям 24, 26 (группа У1).

Моделируя универсальную парадигму, а также выделяя на ее базе реальную максимальную восьмичленную па-

парадигму, мы исходили из представления, что императивные словоформы всегда содержат различную информацию о лице/числе исполнителя и/или различную информацию о числе слушающего. Таким образом, семантические признаки лица/числа исполнителя и числа слушающего рассматриваются нами как необходимые и достаточные для формирования императивной парадигмы.

Вместе с тем надо учитывать, что глагол в различных конкретных языках может иметь грамматические категории, которые хотя и не являются существенно необходимыми для формирования императивной парадигмы, но могут влиять на количество форм, входящих в нее, поскольку оппозиция по значениям этих категорий формально маркируется в ней, как, впрочем, и в других частных парадигмах.

К числу таких категорий относится, например, категория рода/класса. В арабском языке различаются формы 2 л. ед. ч.: 'уктуб 'читай' (м.р.) и 'уктуби 'читай' (ж.р.). По классу различаются императивные формы в абхазском языке, ср. у=ца 'иди' (в обращении к мужчине) и б=ца 'иди' (в обращении к женщине). В некоторых языках имеется оппозиция этикетных глагольных форм или, иначе, форм вежливости. Эти формы выражают различное отношение говорящего к слушающему; они характерны, в частности, для японского и корейского языков. Так, в корейском имеется пять различных форм, в которых реализуется грамматическая категория ориентации или личного отношения (Мазур 1960, 64). Вот эти формы от глагола ха=да 'делать', имеющие значение делай/те: ха=си=о (I ступень - вежливая), ха=о (II ступень - учтивая), ха=ге (III ступень - интимная), ха=йо=ра (IV ступень - нейтральная), хэ (V ступень - фамильярная). Возможность увеличения числа императивных форм за счет родо-классных и этикетных оппозиций не учитывалась при моделировании императивной универсальной парадигмы.

Не принималось во внимание также и то обстоятельство, что в отдельных конкретных языках категория числа у глагола бывает представлена формами не только ед. и мн., но и двойств. числа. Например, в императивной парадигме нганасанского языка (самодийская группа) выделяются формы 2 и 3 лица в трех числах: туй=" 'приди', туй=нури 'приходите двое', туй=нуру" 'приходите многие'; туй=нэ 'пусть придет он', туй=нэгай 'пусть придут они двое', туй=нэ" 'пусть придут они многие'. Учет форм дв. числа естественно должен привести к увеличению числа форм, включаемых в универсальную парадигму.

В отдельных языках наряду с обычными или стандартными императивами выделяются специфические, так наз. эмфатические императивы. Оппозиция стандартных и эмфатических императивных форм, которые образуются с помощью вспомогательного глагола do, представлена, например, в английском языке, ср.: (1a) Come in! 'Войди!', (1б) Do come in! 'Входи же!', (2a) Sit down! 'Сажись'

дись!', (26) Do sit down! 'Садись же!', (3a) Be careful! 'Будь осторожен!', (36) Do be careful! 'Будь же осторожен!', (4a) Let's go to John! (46) Do let's go to John! 'Идемте же к Джону!', (5a) Let's be glad of it! 'Давайте радоваться этому!', (56) Do let's be glad of it! 'Давайте же радоваться этому!' (Болинжер 1974). Эмфатические императивы не принимались во внимание при моделировании императивной парадигмы.

С нашей точки зрения, учет перечисленных выше грамматических категорий должен проводиться на этапе установления соответствий между сформированной на базе предложенного исчисления максимальной восьмичленной парадигмой и конкретными императивными парадигмами различных языков. Таким образом, наше исчисление конъюнкций семантических признаков, составляющих план содержания императивных форм, теоретически не является абсолютно полным, поскольку учитывались не все признаки, способные принимать разное значение в императивных формах, а только те из них, которые, по нашему мнению, являются наиболее существенными.

В заключение нам хотелось бы иллюстрировать максимальную восьмичленную парадигму двумя-тремя конкретными примерами.

Восьмичленную парадигму в дальнейшем будем называть эталонной. Порядок следования форм в этой парадигме отражает языковую эмпирию: в соответствии с существующими описаниями императива возможность реализации той или иной конъюнкции плана содержания в специализированной форме императива наивысшая у форм 1 и 2, составляющих первую пару, и минимальная у форм 7 и 8, составляющих четвертую пару (см. табл. 2).

Не входя сейчас в подробное рассмотрение вопроса о различных концепциях парадигмы, используемых в современном языкознании - это отдельная тема - кратко сформулируем те формальные требования, которые мы предъявляем к словоформам, включаемым в императивную парадигму. Эти требования минимальны: словоформы должны регулярно образовываться от тех лексем, которые по своей семантике допускают образование словоформ с императивным значением, а также должны опознаваться в контексте как формы, имеющие императивное значение. Формальные признаки, по которым словоформы опознаются как императивные, могут быть любыми (специальная морфема, определенный порядок слов в конструкции, наличие/отсутствие в конструкции определенных слов, специфическая интонация конструкции и т.п.), причем эти признаки могут выступать как порознь, так и в различных комбинациях.

Сформулированные нами формальные требования представляются слишком слабыми практически всем лингвистам, выделяющим императивные парадигмы. Поэтому ни в одном из просмотренных нами описаний (было привлечено к составлению свыше 150 языков, в частности, практически все языки народов СССР), не выделяется парадигма импе-

Таблица 2. Эталонная парадигма императива

№№ пар	№№ конъюнкций	гвр	слш	исп	примерное соответствие в плане выражения
I	1	A	B	B	спой ты
	2	A	BB	BB	спойте вы
	3	A	B/BB	C	пусть он споет
II	4	A	B/BB	CC	пусть они споят
III	5	A	B	A+B	давай споем
	6	A	BB	A+BB	давайте споем
IV	7	A	B	A	дай я спю
	8	A	BB	A	дайте я спю

ратива из восьми членов³. Максимально близка к ней семичленная парадигма якутского императива (Коркина 1970); напомним, что подобная трактовка отнюдь не является единственной, ср. выше, с. 4. Якутская императивная парадигма (ближайшего будущего) приводится в табл.3, переводы форм принадлежат Е.И. Коркиной.

Таблица 3. Якутская императивная парадигма

1. бар 'иди'	2. барынг 'идите'
3. бардын 'пусть он идет'	4. бардыннар 'пусть они идут'
5. барых 'давай пойдем мы с тобой'	6. барыаҕынг 'давайте мы пойдем', 'пойдемте-ка'
7-8. барыым 'пойду-ка я'	

В этой парадигме, в отличие от эталонной, конъюнкциям 7 и 8 соответствует одна императивная форма.

В соответствии с нашими формальными требованиями в парадигме императива могут быть и аналитические формы, обычно допускаемые весьма неохотно или вовсе не допускаемые в состав парадигмы. По нашему мнению, если ана-

³ Среди альтернативных описаний императива одного и того же языка мы естественно отдавали предпочтение описаниям с наиболее слабыми формальными требованиями к словоформам парадигмы.

литические формы опознаются как императивные, то они должны включаться в парадигму. Это в ряде случаев позволяет превратить конкретные императивные парадигмы в восьмичленные. Проиллюстрируем это утверждение на материале грузинского и немецкого языков.

Выше уже было отмечено, что парадигма грузинского императива у разных авторов включает две, четыре и пять форм (см. с. 4). При этом ни один из специалистов не ставит вопроса о возможности включения в парадигму аналитических форм, образуемых побудительной частицей *modi/modit* и личной формой полнозначного глагола в опитативе. Учет этих аналитических форм дает основания утверждать, что в грузинском языке существует восьмичленная парадигма императива, совпадающая с эталонной (см. табл. 4).

В грамматиках немецкого языка обычно выделяется трехчленная императивная парадигма (ср. например Зиндер-Строева 1957). В ее состав входят: форма, соответствующая конъюнкции 1: *arbeite* 'работай ты'; форма, соответствующая конъюнкции 2: *arbeitet* 'работайте вы', и форма совместного действия, соответствующая конъюнкциям 5 и 6, которая существует в двух вариантах:

Таблица 4. Грузинская императивная парадигма⁴
(в нашей интерпретации)

парадигма А.С.Чикобавы	1. <i>aiṽe</i> 'возьми ты'	2. <i>aiṽet</i> 'возьмите вы'
парадигма А.Г.Шанидзе	3. (dae) <i>aiṽos</i> 'пусть он возьмет'	4. (dae) <i>aiṽon</i> 'пусть они возьмут'
	5. <i>modi aviṽot</i> 'давай возьмем'	6. <i>modit aviṽot</i> 'давайте возьмем'
парадигма Б.Т.Руденко	5-6. <i>aviṽot</i> 'возьмем-ка мы'	
	7. <i>modi aviṽo</i> 'давай я возьму'	8. <i>modit aviṽo</i> 'давайте я возьму'
	7-8. а) <i>aviṽo</i> 'возьму-ка я'	б) <i>aviṽeb</i> 'возьму я'

а) *wollen wir arbeiten* 'давайте поработает', б) *arbeiten wir* 'поработаем'. Отсюда видно, что формальные

⁴ Авторы весьма признательны кандидату филол. наук И.О. Гецадзе за консультации по грузинскому языку.

требования, предъявляемые к немецкой императивной парадигме, достаточно слабы: допускаются аналитические формы и формы, имеющие омонимы в других парадигмах. Однако можно утверждать, что учтены не все императивные формы, в частности, аналитические формы с каузативным глаголом lassen 'позволять, допускать'. Состав этих форм: глагол lassen в императиве + соответствующая объектная форма личного местоимения + полнозначный глагол в инфинитиве. С учетом этих форм в немецком языке реализуется восьмичленная императивная парадигма, соответствующая эталонной (см. табл. 5).

Мысль о том, что конструкции с императивом глагола lassen представляют собой императивные формы, ранее уже высказывалась (Недялков 1971, 142).

Таблица 5. Немецкая императивная парадигма
(в нашей интерпретации)

1. arbeite 'работай'	2. arbeitet 'работайте'
3. а) laß ihn arbeiten 'пусть он работает'	4. laß sie arbeiten 'пусть они работают'
б) laß sie arbeiten 'пусть она работает'	
5. laß uns arbeiten 'давай поработаем'	6. laßt uns arbeiten 'давайте поработаем'
5-6. а) wollen wir arbeiten 'давайте поработаем'	
б) arbeiten wir 'поработаем'	
7. laß mich arbeiten 'давай я поработаю'	8. laßt mich arbeiten 'давайте я поработаю'

В заключении отметим, что конкретные императивные парадигмы не всегда состоят из восьми личных форм. Довольно часто в парадигмах одна форма соответствует как конъюнкциям 7,8 (форма 1 л.ед.ч.), так и конъюнкциям 5,6 (форма 1 л.мн.ч.). Вместе с тем можно думать, что представленные в конкретных описаниях императивные парадигмы, которые включают четыре, три и даже две формы, скорее всего являются редуцированными и не точно отражают реальное положение вещей.

Л и т е р а т у р а

- Абрамов 1980 - Абрамов Б.А. О микропарадигме немецкого глагола. Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd 33, Heft 4.
АГ-70 - Грамматика современного русского литературного языка. М.

- Апресян 1974 - Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.
- Болинжер 1974 - Bolinger D. Do imperatives. Journal of Eng. Ling. N 8, March.
- Виноградов 1938 - Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. II, М.
- Володин-Храковский 1977 - Володин А.П., Храковский В.С. Функционально-типологическая характеристика императива (на материале агглютинативных языков). Советская тюркология, № 5.
- Джанашиа 1981 - Джанашиа Н.Н. Морфология турецкого глагола. Изд. Тбилисского университета. Тбилиси.
- Ермолаева 1977 - Ермолаева Н.М. Типология системы наклонений в современных германских языках. ВЯ № 4.
- Зиндер-Строева 1957 - Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык. М.
- Исаченко 1960 - Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Т. II. Братислава.
- Коркина 1970 - Коркина Е.И. Наклонение глагола в якутском языке. М.
- Лефельдт 1979 - Lehfeldt W. Zur Bestimmung der Imperativformen im Russischen. Slavistische Beiträge. Bd 133. München.
- Маслов 1975 - Маслов Ю.С. Введение в языковедение. М.
- Москальская 1975 - Moskalskaja O.J. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 2. Aufl. M.
- Недялков 1971 - Недялков В.П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л.
- Пазухин 1974 - Пазухин Р.В. Так называемое "повелительное наклонение" и его парадигма. Studia Rossica Posnaniensia, N 6.
- Панов 1980 - Панов М.В. О парадигматике и синтагматике. Известия АН СССР, Серия литературы и языка, № 2.
- Руденко 1940 - Руденко Б.Т. Грамматика грузинского языка. М.-Л.
- РГ-80 - Русская грамматика, т. 1. М.
- Реформатский 1955 - Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.
- Чикобава 1967 - Чикобава А.С. Грузинский язык. Языки народов СССР, т. 1У, М.
- Шанидзе 1973 - Шанидзе А.Г. Основы грузинской грамматики. Тбилиси (на грузинском языке).
- Штелинг 1973 - Штелинг Д.А. Целенаправленность речи и категория наклонения. "Русский язык за рубежом", № 3.
- Штелинг 1982 - Штелинг Д.А. О грамматическом статусе повелительного наклонения. Известия АН СССР, Серия литературы и языка, № 3.
- Якобсон 1971 - Jakobson R. Строй украинского императива. Jakobson. Selected Writings, t. 2, The Hague.
- Ярцева 1961 - Ярцева В.Н. Проблема парадигмы в языке аналитического строя. В кн.: "Вопросы германского языковедения. Материалы второй научной сессии по вопросам германского языковедения" М.

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

А.И. Пихлак

Общий признак функционально-семантической категории аспектуальности "ограниченность-неограниченность действия" проявляется в эстонском языке в ряде особенностей, из которых в данной статье рассматриваются следующие: 1) способность переходных глаголов требовать партитивный или тотальный (номинативный и генитивный) падеж дополнения в зависимости от предельности/непредельности глагола и способность глаголов выступать в определенных морфологических формах в том или ином значении в зависимости от предельности/непредельности; 2) существование производных суффиксальных глаголов с акциональным значением (суффиксальные способы действия); 3) регулярное образование от непредельных глаголов предельных и непредельных сложных глаголов (типа "глагол + наречие", "глагол + имя", "глагол + глагол"); 4) использование при непредельных глаголах результативных распространителей, в результате чего образуется синтагма с предельным значением (синтаксическая предельность); 5) существование сочетаний "финитная форма + инфинитив" в функции составного глагольного сказуемого с акциональным значением (синтаксические способы действия).

В качестве вводного замечания отметим, что основным понятием аспектуальности в безвидовом эстонском языке следует считать понятие "предельность - непредельность"; предельные глаголы, в свою очередь, делятся на предельные с двойной аспектуальной характеристикой (перфективной и неперфективной) и предельные *perfectiva tantum*. Основная масса эстонских простых глаголов непредельны, но равновесие в пользу предельности устанавливается путем образования сложных глаголов.

Различия в поведении глаголов, обусловленные предельностью/непредельностью, отмечены эстонскими лингвистами давно. Х. Рятсеп говорит, например, что в эстонском языке есть глаголы, в лексическом значении которых есть определенные временные границы начала или окончания действия. Эти глаголы потенциально перфективные (*lõppema-кончиться, surema-умереть, näritsima-увядать*). В противоположность им есть такие глаголы (дуративные), действие которых временно не ограничено (*sõõma-есть, jooma-пить*) (Рятсеп 1957, 77). Из последних работ, в которых используется это понятие см. (Устгал 1981). В работе (Пихлак 1978) мы касались вопроса предельности/непредельности в эстонском языке, беря в основу членения поведение глаголов в формах причастий прошедшего времени. Однако ряд простых переходных глаголов, не выступающих в актуальном настоящем (**Vaadake*,

ma solvan praegu oma õde - Смотрите, я обижая сейчас свою сестру), и в силу этого предельные, имеют в эстонском языке дополнение в партитивном падеже (jätka-ma - продолжать/продолжить, kuulma - слышать/услышать, solvama - обидеть/обижать) и оказываются в разряде не-предельных. Это обусловлено тем, что выбор падежа дополнения не всегда зависит от актуального характера глагола, а зависит также от специфики самого глагола (Конт 1963, 76) и от характера предмета, обозначенного дополнением (Раянди 1979). Поэтому оказалось целесообразным расширить круг критериев предельности/непредельности поведением глаголов в формах V_{mas} (инессив инфинитива на -ma) и V_{des} (деепричастие).

В работах по финскому языку отмечается, что перфектная синтагма не встречается в инессиве 3-го инфинитива и что это является лингвистическим признаком аспекта в языке (Ваврзиняк 1980, 341 - "Perfektii-vinen syntagma ei esiinny 3. inf. inessiivissä, mitä voidaan sanoa aspektin kieliopilliseksi ominaisuudeksi"-Olin lukemassa kirjan) (имеется в виду, что форма -mas не допускает тотального падежа дополнения). Предельные глаголы perfectiva tantum и предельные глаголы в перфективном значении выражают в этой форме непосредственное будущее, будущее, которое вот-вот наступит (мы отметили это в статье (Пихлак 1982, 93). Например, Ma olin ehmunas, kui kuulsin müra - Я вот-вот испугался, когда слышал шум). В форме деепричастия эти глаголы имеют значение предшествования основному действию (Jõudes linna, ta helistas sõbrale - Прибыв в город, он позвонил другу. Taibates nalja mõtte, ta vihastus - Поняв смысл шутки, он рассердился). Непредельные глаголы и предельные в неперфективном значении выражают в форме V_{mas} актуальное настоящее или сопутствование основному действию (Ta suitsetab, istudes toolil - Он курит, сидя на стуле, Lapsed olid mängimas, kui ema tuli - Дети играли, когда мама пришла).

Поскольку всегда возможны маргинальные случаи, где все критерии "не срабатывают", предельными будем считать глаголы, которые дают два положительных ответа из трех возможных (в этой связи М. Эрельт пишет, что многие лингвистические категории, очевидно, должны определяться как категории, обладающие каким-то минимумом из определенного числа возможных признаков (Эрельт 1978, 5).

	Переходные		Непереходные	
	Пред.	Непред.	Пред.	Непред.
N_n^1 olema ($N_{g/p}^2$) V_{nud} со значением завершеного результативного действия	+	-	+	-
N_n^1 olema (N_p^2) V_{nud}	-	+	-	+

со значением завершенного
нерезультативного (делими-
тативного) действия

N_n^1 olema (N_p^2) V_{mas}	-	+	-	+
-------------------------------------	---	---	---	---

со значением актуального
настоящего или сопутст-
вующего действия

N_n^1 olema (N_p^2) V_{mas}	+	-	+	-
-------------------------------------	---	---	---	---

со значением непосредствен-
ного будущего

V_{des} (N_p)	-	+	-	+
---------------------	---	---	---	---

со значением сопутствую-
щего действия

V_{des} (N_g)	+	-	+	-
---------------------	---	---	---	---

со значением предшествую-
щего действия

где n- номинатив, g- генитив, p-партитив, V_{nud} - при-
частие прошедшего времени действительного залога, V_{des} -
деепричастие (единственная форма), V_{mas} - инессив ин-
финитива на -та, + "как правило, да", - "как правило,
нет", () переходные глаголы имеют дополнение. Неко-
торые примеры: непердельные - ajama (asju) вести (де-
ла), armastama любить, imema (rinda) сосать (грудь),
imiteerima имитировать, elama жить, haukuma лаять, ko-
gelema заикаться; предельные - alustama начать, kaeva-
ma (kraavi) копать (канаву).

На основе поведения глаголов в формах V_{mas} и V_{des}
можно предполагать наличие грамматической аспектуаль-
ности в эстонском языке: по значению актуального на-
стоящего или непосредственного будущего конструкции

N_n^1 olema (N_p^2) V_{mas} можно судить о предельной/непредель-
ной семантике глагола, не прибегая к контексту (Ta oli
parajasti sõbrale kätt ulatamas, kui... Он как раз про-
тягивал/собирался протянуть другу руку, как ... - дво-
якое осмысление в зависимости от перфективного/непер-
фективного прочтения предельного глагола ulatama); о
значении сопутствующего/предшествующего действия V_{des}
непереходных глаголов можно судить по предельности/не-
предельности глагола, не прибегая к контексту (Jõudes
linna, ta helistas sõbrale - Прибыв/прибывая в город,
он позвонил/(всегда) звонил другу - V_{des} переводится
формой деепричастия прошедшего времени при перфектив-
ном прочтении и формой деепричастия настоящего времени
при неперфективном прочтении). То, что одним из значе-

ний при перфекте неопределенных глаголов является ограниченность (делIMITативность) действия (laps on imenud rinda; rinda on imetud - Ребенок пососал грудь; грудь пососали), очевидно, также можно отнести к проявлению грамматической аспектУальности.

II

В эстонском языке выделяются терминативно-временные, длительные и итеративные суффиксиальные способы действия. Терминативно-временные способы действия, указывающие на проявление действия по отношению к ограниченному моменту объективного времени, представлены одним, одноактным способом действия. Формальным признаком этого способа действия являются суффиксы a(h)ta; -a-; показателем семантической валентности - наречие üks kord (один раз), перевод на русский язык осуществляется как правило русским глаголом с суффиксом -ну- (võrta ma drognut) (длительные способы действия, указывающие на формы длительного, непрерывного проявления действия во времени, представлены тремя способами действия. Длительный - формальным признаком являются суффиксы -i-, -u-; валентным показателем - наречия pidevalt (постоянно), kogu aeg (все время), päevad läbi (целыми днями напролет) и т.д.; перевод осуществляется неитеративной формой несовершенного вида соответствующего глагола (lõpsuma лизать, näksima откусывать, sülgima плевать (ся), praksuma трещать). Длительно-смягчительный - формальным признаком является суффикс -tse-, семантической валентностью - pidevalt vähehaaval (постоянно понемногу), omaette (про себя) и т.п. При переводе на русский язык длительность передается неитеративной формой несовершенного вида, деминутивностью - дополнительными словами (mõnutsema наслаждаться, смакуя понемногу, sõbrutsema дружить слегка, tusatsema быть временами не в духе). Существующий в русском языке итеративный процессно-смягчительный способ действия (образуется приставкой "на-" и суффиксами "-ива/ыва-": насвистывать, напевать, наигрывать) не подходит для перевода, так как вносит признак итеративности, отсутствующий у эстонских глаголов (кроме этого, глаголы в способах действия разные). Длительно-неторопливый - действие, обозначенное корневой морфемой, проявляется как длительное, распространяющееся в разных направлениях, с оттенком неторопливости совершения. Формальным признаком являются суффиксы -uta-, -rda-, -nda-, -lda-, -ta-, семантической валентностью pikalt-laialt (нерасторопно), pidevalt (постоянно), kiirustamata (медлительно), igale poole (во все стороны). Характеристика длительно-неторопливого способа действия частично совпадает с характеристикой итеративных процессно-длительных русских глаголов, образуемых при помощи формантов "раз-" и "-ива/ыва-" (расхаживать, распевать, распивать). Однако, перевод это не облегчает, так как в русском способе действия представлены в основном другие глаголы.

Например, *longerda* можно перевести как "расхаживать", *pillutama* как "разбрасывать" (если игнорировать избыточный компонент итеративности русских глаголов), но: *tuigerda* (про пьяного) кренделя писать, *korrutama* повторять без конца, нудно, одно и то же, *pargitama* дразнить постоянно (длительность переводится неитеративной формой несовершенного вида, остальные компоненты - дополнительные словами). Итеративные способы действия, указывающие на формы кратности проявления действия, представлены в эстонском языке двумя способами действия. Прерывисто-смягчительный - формальным признаком являются суффиксы *-(e)le-*, *sk(e)le-*, *a(h)t(e)le-*; семантической валентностью *vahetevahel vähehaaval* (время от времени понемногу). Для семантики прерывисто-смягчительных глаголов характерно, что прекращение и возобновление действия носит случайный характер (*õpiskelema vahetevahel, kui on aega* заниматься время от времени, когда есть время) (той же характеристикой обладают соответствующие финские глаголы (Вийк 1975, 155). Перевод на русский язык возможен итеративным прерывисто-смягчительным способом действия (форманты "по-" и "-ива/ыва-"): *kõhatlema* покашливать, *lamasklema* полеживать или неитеративной формой несовершенного вида плюс контекстуальные показатели итеративности и деминутивности (*nautlema* наслаждаться время от времени, понемногу).

Прерывисто-взаимный - формальным признаком является суффикс *-(e)le-*, семантической валентностью *teineteisele, teineteisega, omavahel* (друг другу, друг с другом, между собой). Перевод на русский язык возможен глаголом дистрибутивно-взаимного приставочного способа действия (форманты - "пере-" и "-ива/ыва-" и "-ся"): *sõimlema* переругиваться, *hõiklema* перекликиваться, но чаще перевод осуществляется возвратной неитеративной формой несовершенного вида плюс контекстуальный показатель итеративности (*rõiklema* сталкиваться (между собой) время от времени).

III

Сложными глаголами в эстонском языке являются составные глаголы (*ühendverbid*) и идиоматические глаголы (*väljendverbid*).

Составные глаголы представляют собой сочетание простого глагола и наречия (*kirjutama* писать, *alla kirjutama* подписать). Под наречиями понимаются тут специфические "приставки" - адвербы" (по терминологии А.Ахуджы: "В английском языке принципиально есть возможность осложнять глагол, меняя его значения или оттенки значения, отдельными "приставками" - адвербами" (Ахуджа 1982, 11), т.е. *to get up* подниматься, *to come on* продвигаться и т.д. Большинство составных глаголов характерно минимальная ограниченность сочетаемости между глаголом и наречием; фразеологических, несвободных составных глаголов меньше (*sisse vehkima* стянуть, *maha materdama* раскритиковать, *maha pidama* (*kõnet*) держать

(речь), peale ajama (hirmu) нагнать (страх), maaha tege-ma раскритиковать). Наречия, образующие составные глаголы, распределяются по трем группам: 1. наречия ориентации -alla, üles, juurde, sisse, peale, kõrvale, et-te, taaha, и т.д. 2. наречия перфективности ära, minema и т.д. 3. наречия состояния - lahti, kinni, kokku, laiali и т.д. (Рятсеп 1973, 26). То, что наречия составных глаголов (наречия перфективности) иногда дублируют свое значение, выступая с предельными глаголами (например, Ma tegin selle töö - Ma tegin selle töö ära) не свидетельствует о не-видовом характере этих наречий. К.Куре пишет, что в эстонском языке характерно использование в глагольной рамочной конструкции после дополнения вспомогательных наречий (Vii raamatud ära Отнеси книги). Он указывает, что правильным является также Vii raamatud, но без ära данное предложение кажется незаконченным - на ära падает ударение, ära завершает предложение интонационно; наблюдается также разница в семантике - Vii raamatud можно понимать, что надо отнести именно книги, а не, скажем, тетради (Куре 1963, 54-55). Х.Раянди отмечает, что наречие в этом случае указывает на определенность предмета, обозначенным дополнением, и называет его псевдоадвербиалом (Раянди 1979, 36-37).

Идиоматические глаголы представляют собой сочетания существительного и глагола (tähele panema заметить) или глагола с глаголом (lõi käima запустил (мотор)). Э.Пяльль пишет, что особенностью эстонского языка является тот факт, что в сочетаниях инфинитива с глаголом происходит значительное смещение семантики как спрягаемой формы глаголы, так и самого инфинитива. Инфинитив и глагол как бы сливаются в единое, нерасчлененное сочетание для обозначения одного осложненного действия. Например, в Ma lähel kala püüdma Я иду ловить рыбу "lähel" обозначает не столько процесс передвижения в пространстве - шагами, сколько именно приготовление, намерение и другие оттенки сбора на рыбную ловлю (Пяльль 1954, 352). "Если рассмотреть такую часто встречающуюся конструкцию как pani piibu suitsema (закурил трубку), то видовое значение сочетания образуется не спрягаемой формой глагола panema, а также инфинитивом, а именно нерасчленяемым сочетанием глагола и инфинитива. Этим способом эстонский язык восполняет отсутствие категории вида в своем грамматическом строе, образуя один из разновидностей видового класса (Пяльль 1954, 318 - разрядка наша А.П.).

Идиоматический глагол отличается от обычного словосочетания тем, что существительное или инфинитив - определенные представители класса, несущие смысловую нагрузку, при этом спрягаемая форма может варьироваться (plehku panema/pistma убежать, armu heitma/andma помиловать, lõi/pani/lükkas käima запустил). Как составные, так и идиоматические глаголы функционируют в предложении как синтаксический центр (идиоматические глаголы типа "существительный+глагол" и составные глаголы подробно рассмотрены в работах Х.Рятсепа (Рятсеп 1969, 1973).

Своеобразное место в идиоматических глаголах типа "глагол+глагол" занимают инфинитивы *minema* (идти) и *tulema* (прийти). Отмечается (Пялль 1954, 13; Пялль 1956а, 71; Рятсеп 1973, 26), что глагол *minema* приобретает аспектуальное значение, эквивалентное наречию *ära - minema viskama* (выбросить), *kargas minema* (отсочил), *jooksis minema* (убежал), *tulin tulema* (ушел). Широко распространены также идиоматические глаголы со знанием интенсивности - в позиции финитной формы выступают тогда дескриптивные и экспрессивные глаголы в смещенном значении - *kasis minema* (убрался прочь), *tormas minema* (умчался).

Все нефразеологические составные глаголы являются предельными: наречия, приведенные в списке Х.Рятсепа (Рятсеп 1973), обозначают предел действия и сообщают простому глаголу значение, сравнимое со значением, сообщаемом в русском языке префиксами: *alla tulema* спускаться, *ette tulema* подходить вперед, *juurde tulema* подходить к, ... *üles tulema* подниматься, *taha tulema* подходить назад, *sisse tulema* входить, *peale tulema* (kaalule) стать (на весы), *lahti tulema* развязаться, *kinni minema* (uks) закрыться, *kokku tulema* сходиться вместе, *laiali minema* расходиться, *ära minema* уходить, *välja viskama* выкинуть. Часть идиоматических глаголов, в основном многочисленные сочетания "финитная форма+инфинитив на -da" (*müristas naerda* букв. "гремел смеяться"), и фразеологических составных глаголов являются непределными. Большинство идиоматических глаголов - предельные. Например: предельные - *magama jääma* засыпать, *keema ajama* вскипятить, *andeks andma* простить, *seisma jätma* остановить, *heaks kiitma* одобрить, *aru saama* понять, *hinge tõmbama* передохнуть, *istet võtma* присесть, *põlema süttima* загореться; непределные - *aus pidama* держать в почете, *lugu pidama* уважать, *käia kakerdama* букв. "ковылять ходить" = ходить ковыляя.

IV

Х. Рятсеп выделяет группу глаголов, которые в определенных условиях имеют трехпадежное дополнение (т.е. в тотальном или в партитивном падеже), а в определенных условиях только в партитивном падеже. Он полагает, что у этих глаголов (типа *veeretama* катать) есть какое-то "результативное начало", поскольку в сочетании с результативными распространителями они приобретают результативное содержание и трехпадежное дополнение (Рятсеп 1975, 16-18) (т.е. непределный глагол приобретает характер предельного А.П.). Х. Рятсеп говорит, что таких глаголов около 250 (*arstima* лечить, *ehmata* пугать, *hõbruma* тереть, *iharma* точить и т.д.). Распространители, сообщающие непределному глаголу значение предельности, следующие: N в иллативе (*Masin pressib heina pallidesse* Машина спрессует сено), N в элативе (*Eit arstis haige kopsupõletikust* Баба выле-

чила больного от воспаления легких), N в аллативе (Peeter hoidis leiva vennale Peeter sberег хлеб для брата), N в транслативе (Jaak lõikas liha tükkideks Яак разрезал мясо на куски), Adj в транслативе (Poiss kõhutас noa teravaks Мальчик наточил нож), N в терминативе (Kaupmees tõstis hinna rublani Торговец поднял цену до рубля), N järele (Peeter sõidutas mehed raha järele Peeter повез мужчин за деньгами), läbi N (Kokk hõbrus juurvilja läbi sõela Повар протер овощи через сито), üle N (Peeter vedas kauba üle väina Peeter перевез товар через залив), Inf_{ma} (Sanitar talutas haige sõõma Санитар повел больного кушать), N в падеже, отвечающем на вопрос kust? (откуда?) (Peeter valas vee pudelist Peeter налил воду из бутылки), N в падеже, отвечающем на вопрос kuhu? (куда?) (Mehed veeretasiid vaadi õue Мужчины вкатили бочонок во двор), интралокальные модальные наречия (Lind sirutas tiivad laiali Птица распростерла крылья), наречия, выражающие результативность (Korjas-marjad ära Собрал ягоды) (ук.соч. стр. 18-19). Таким же образом функционирует обстоятельство меры действия при непереходных непердельных глаголах движения (как предложено в работе (Ваврзьян 1980, 342): Juss suusatab seitset kilomeetrit pool tundi/Juss suusatab seitse kilomeetrit poole tunniga Юссу требуется полчаса, чтобы пройти семь километров на лыжах/Юсс пройдет на лыжах семь километров за полчаса).

V

Из синтаксических аспектуальных способов действия, образуемых сочетанием "финитная форма + инфинитив" можно отметить: 1) начало действия, 2) интенсивное начало действия, 3) начало состояния, 4) длительность действия, 5) конативность, 6) имминентность в прошлом, 7) прекращение действия. Термином "способы действия" указанные сочетания названы еще не были, хотя своеобразие их отмечалось в литературе. К.Куре, например, использует последовательно термин "аспектуальные глаголы" для обозначения спрягаемой формы в конструкции типа "финитная форма + инфинитив"; он говорит об аспектуальных глаголах *asuma*, *minema*, *jääma*, *hakama* и т.д. (Куре 1963, 49), о подгруппе аспектуальных глаголов, выражающих характер начала действия или протекания действия, например *vehib niita*, *lõhub kända*, *pühkis minema*, *puhkes naerma* (Куре 1955, 362-363). Э.Пяльль отмечает, что фразеологические сочетания, образованные при помощи инфинитива, представляют собой новый уровень фразеологии, где сдвиг лексического значения сопровождается появлением новых грамматических значений: в предложении *Maa lõi üleöö roheta* (Земля зазеленела за ночь) выражается аспектуальное значение (Пяльль 19566, 139).

1) Начало действия выражается сочетанием глаголов *asu-*

ма (приниматься), hakkama (начать), seadma (собираться) с предельными и неопредельными глаголами разной семантики (hakkas armastama полюбил, hakkasid avanema (bied) (цветы) стали раскрываться), asus koorima (kartuleid) стал чистить (картошку), seadis (end) kirjutama принялся писать, hakkas hürrama запрыгал).

2) Интенсивное начало действия: в позиции финитного глагола выступают ониматопэтические и дескриптивные глаголы и экспрессивные глаголы со смещенным значением, в позиции инфинитива - предельные и неопредельные глаголы разной семантики (финитный глагол может везде заменяться глаголом hakkama): pahnatas naerma захохотал, pahnatas käima заработал с шумом, puhkes nutma зарыдал, välgatas põlema загорелся, вспыхнул, kukkus torisema разворчался.

3) Начало состояния выражается сочетанием глагола jääma (оставаться) с неопредельными глаголами, обозначающими состояние. Во всех употреблениях подчеркнуто произвольное "достижение" состояния¹ - с глаголами, действие которых предполагает активное участие деятеля (пахать, говорить) jääma дает другое значение - "оставаться, продолжать заниматься чем-то, чем занимались ранее" (ср. Ma nimetasin ta nime ja jäin hirmuga ootama vastust Я назвал его имя и ждал со страхом ответ (состояние ожидания) и Ma jäin kündma Я остался пахать, т.е. продолжал пахать). При переводе на начало указывать не следует: ütles paar sõna ja jäi kogelema Сказал пару слов и "зазаикался", т.е. не "начал заикаться", а "впал в состояние заикания". Лучше всего, очевидно, передать это значение какой-то видовой формой, не осложненной значением начала, например: Ta jääb küsivalt raunihärra otsa vaatama Он смотрит вопросительно на барона (пример из (Пяльль 1954, 90), Prõška tõstis kahvi ja jäi oma lihatükki uurima Прошка поднял вилку и уставился на свой кусок мяса, Siis aga jäi ta jahmunult kuulama Он "оторопело" прислушался, Vaidlus jäi torrama Спор заглох, "Noh", jäi tüdruk uudishimulikult kuulama "Ну", девочку разбирало любопытство.

4) Длительность действия - в этом типе в позиции финитного глагола используются в основном ониматопэтические и дескриптивные глаголы, семантически близкие или совпадающие со значением инфинитива (naerda kihistama беззвучно смеяться, joosta sibama быстро мелкими шажками бежать, rabama haarata чрезвычайно интенсивно

¹ М. Лейнонен пишет в этой связи, что a state is connected with a point-like achievement, which marks its beginning, achievement is typically non-agentive, non-voluntary, or at least not preceded by a terminative activity of the same denomination", приводя примеры to see (a state) - to catch sight of (an achievement), to understand (a state) - to realize (an achievement) и русские "видеть/увидеть, понимать/понять" (Лейнонен 1982, 36-37).

хватать, käia koperdama ходить ковыляя. В пользу нашей трактовки можно указать, что конструкция имеет значение действия с сопутствующим действием и не сочетается с наречиями непродолжительности (лишь час, только пять минут), зато легко сочетается с наречиями длительности (часами, постоянно...).

5) Конативность - в позиции финитной формы выступают глаголы kibelega, kippuma, kiskuma, tikkuma, tõmbama, tükkiama с общим значением "стремиться что-то делать", "иметь склонность что-то делать" и глагол hakkama (начать). Фактический материал показал, что hakkama имеет конативное значение только в сочетании с инфинитивами предельных идиоматических глаголов (hakkas pimedaks vedama темнело, ta hakkas juba hiljaks jääma он (уже) опаздывал, hakkas piinlikuks minema становилось неловко). Другие указанные глаголы сочетаются также с другими предельными глаголами. При инфинитивах точечных, моментативных глаголов (включать/включить) перевод осуществляется формой несовершенного вида, где она выражает тенденцию (период, который ведет к рассматриваемому акту или событию). Ср. переводы: öeldakse, et vahel kipuvad teised liikuma Говорят, что иногда они приходят в движение, Mõtted kippusid käest lagunema Мысли поневоле распались.

6) Имминентность в прошлом (действие назревало, но не осуществилось). В позиции финитной формы выступают глаголы pida (долженствовать), tahtma (хотеть), в позиции инфинитива только предельные глаголы perfectiva tantum и предельные глаголы в перфективном употреблении (включая также все одноактные глаголы). Перевод на русский язык осуществляется по модели: "чуть не ... крикнул, засмеялся, упал". Например: pidi kohvikusse sisse astuma вошел было в кафе... pidi juhtuma õnnetus чуть было не случилось несчастье, süda tahtis rinnust välja hüpata сердце чуть не выпрыгнуло из груди, poiss tahtis uppuda мальчик чуть не утонул.

7) Прекращение действия выражается сочетанием финитной формы глагол lakka (прекращаться) и элативной формы неопределенного инфинитива (lakkas armastamast перестал любить).

В настоящей статье некоторые явления эстонского языка отнесены к аспектуальным впервые (разряды суффиксальных глаголов и сочетания "финитный глагол + инфинитив" как способы действия, идиоматические глаголы (особенно типа "глагол + глагол") как носители аспектуальности). Представляется, что это расширение аспектуальных категорий оправдано, особенно в связи с тем, что обычно значение аспекта усматривается только у переходных глаголов в зависимости от падежа дополнения. Падеж дополнения, однако, играет лишь второстепенную роль в выражении аспектуальности, к тому же - во многих случаях оппозиция тотальности-партитивности падежа дополнения вообще нейтрализована (Detektiiv leidis te-

lefonitorult retsedivististi sõrmejäljed/...jälgi - Детектив обнаружил на телефонной трубке отпечатки пальцев рецидивиста).

Л и т е р а т у р а

1. Ахуджа 1982 - А.Ахуджа. Русские приставочные глаголы в сопоставлении с языками Хиндустани (урду и хинди) и английским. АКД, МГУ, 1982
2. Ваврзиняк 1980 - R. Wawrzyński. Aspektista suomen kielessä. Virittäjä, 1980, N: 4
3. Вийк 1975 - K. Wiik. Suomen frekventatiivi ja kontinuaatiivi. Virittäjä, 1975, N:2
4. Конт 1963 - K. Kont. Käändsõnaline objekt läänemeeresoome keeltes. Tallinn, 1963
5. Куре 1955 - K. Kure. Tegusõnalisest liitõeldisest eesti keeles. Nõukogude Kool, 1955, N: 6
6. Куре 1963 - K. Kure. Eesti keele lauseehituse põhi küsimusi. Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused VIII, Tallinn, 1963
7. Лейнонен 1982 - M. Leinonen. Russian Aspect, "Temporal'naja Lokalizacija", and Definiteness/Indefiniteness. Academic Dissertation. Neuvostoliitto-Instituutin Vuosikirja 27. Helsinki, 1982
8. Пихлак 1978 - А.И. Пихлак. Актуальность в эстонском языке. (в сопоставлении с русским). Уч. зап. ТГУ, вып. 439, Тарту, 1978 Вопросы русской аспектологии III
9. Пихлак 1982 - А.И.Пихлак. Отношение видов русского языка к эстонским временам. Сб. Вопросы сопоставительного изучения лексики и грамматики (на материале эстонского и русского языков). Таллин, 1982
10. Пялль 1954 - Э.Н. Пялль. О роли инфинитива в грамматическом строе эстонского языка. Канд. диссертация. Институт языкознания АН СССР, Москва, 1954 (рукопись)
11. Пялль 1956a - E.Päll. Infinitiiv alusena ja õeldisena eesti keeles. Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused I. Tallinn, 1956
12. Пялль 1956b - E.Päll. Infinitiiv eesti keele fraseoloogia allikana. Emakeele Seltsi Aastaraamat. Tallinn, 1956
13. Раянди 1979 - H. Rajandi, H. Metslang. Määramata ja määratud objekt. Tallinn, 1979
14. Рятсеп 1957 - H. Rätsep. Aspektikategoriast eesti keeles. Emakeele Seltsi Aastaraamat III. Tallinn, 1957
15. Рятсеп 1969 - H. Rätsep. Ühendverbide rektsoonistruktuuride iseärasustest eesti keeles. Emakeele Seltsi Aastaraamat 14-15, 1968-1969. Tallinn, 1969

16. Рятсеп 1973 - H.Rätsep. Eesti keele väljendverbi olemusest. Keel ja Kirjandus, 1973, N: 1
17. Рятсеп 1975 - H.Rätsep. Eesti keele verbisüntaksi põhimõtteid ja reegleid. Emakeele Seltsi Aastaraamat 19 - 20, 1973 - 1974. Tallinn, 1975
18. Эрельт 1978 - M.Erelt. Märkmeid partsiaalsubjekti kohta eesti keeles. Keel ja struktuur 10. "Eesti keele grammatika küsimusi", Tartu, 1978
19. Устал 1981 - Ü.Ustal. Perfekti kasutamise semantilisest tingimustest tänapäeva eesti keeles. TRU Toimetised, vihik 574, Eesti keele grammatika probleeme. Tartu, 1981

ТИПЫ МНОГОКРАТНОГО ДЕЙСТВИЯ
В КОНСТРУКЦИЯХ С ВИДО-ВРЕМЕННЫМИ ФОРМАМИ
АРМЯНСКОГО ГЛАГОЛА (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ)

Н. А. Козинцева

Различные типы количественной характеристики действия и средства ее выражения в языках различных типов в настоящее время привлекают все большее внимание исследователей, ср. [4, 6, 8, 11-14]. Количественная характеристика действия состоит в указании на: 1) количество повторений действия; 2) степень длительности действия; 3) степень интенсивности действия (6). Между характеристиками некоторых ситуаций по степени длительности и степени интенсивности может существовать взаимозависимость: выражение обоих признаков при некоторых типах предикатов бывает совмещено: 'Он очень плакал (долго и интенсивно)', 'Он немного посмеялся' (не долго и не очень сильно). Повторение действия может быть связано с усилением степени его интенсивности: 'Он кричал все громче, стучал все сильнее' и т.п. Вместе с тем перечисленные признаки являются логически независимыми и могут одновременно с разных сторон характеризовать одну и ту же ситуацию: 'Он часто и подолгу разговаривал по телефону'; 'Каждый раз он очень радовался моему приезду', тем самым каждый из них может быть предметом специального анализа. Задача настоящей работы - выделить основные типы количественной характеристики действия в плане его повторяемости (многократности), передаваемые армянскими видо-временными формами и их окружением, и определить их основные русские соответствия.

По отношению к возможности выражения повторяемости действия выделяются квантифицируемые и неквантифицируемые предикаты [4]. Неквантифицируемые предикаты обозначают постоянные свойства, качества, отношения: 'Вода кипит при 100 градусах'; 'Он обладает редкими качествами'; 'Он знаком с Петей' и т.д. Данное ограничение связано с логическим типом предиката и имеет универсальный характер. И в армянском, и в русском языках неквантифицируемые предикаты бывают выражены имперфективными формами глагола: Na zbaıvum er nkarčuthjamb 'Он занимался рисованием'; Хтсւյւն ցաւ եր կիպակիս զմքս բոկս 'Шоссе шло за город' и т.д. Соответствующие им перфективные образования (в русском - однокоренные глаголы совершенного вида, в армянском - аорист) выражают начинательность или ограниченную длительность: Na zbaıves nkarčuthjamb 'Он занялся рисованием' или Voroš žamanak na zbaıve nkarčuthjamb 'Определенное время он прозанимался рисованием', либо вообще неупотребительны.

В армянском языке, как и в русском, нет специальных глагольных форм, обозначающих многократное действие. Это значение описывается в грамматиках рассматри-

ваемых языков как вторичное, реализуемое при соответствующем окружении видо-временной формы, а также в зависимости от лексического значения глагола. Первичные (категориальные) значения видо-временных форм обуславливают подтипы значений многократности, передаваемых в конструкциях с этими формами. Здесь будут рассмотрены употребления форм презенса, имперфекта, аориста, перфекта и плюсквамперфекта в конструкциях, выражающих многократное действие, в текстах художественной литературы на армянском языке. При этом учитываются результаты исследований, содержащиеся в общих и специальных работах [1, 2, 5, 9] и др.

АОРИСТ. Первичным значением армянского аориста является выражение единичного конкретного действия, достигшего предела, начинательного или ограниченно-длительного: *gnac 'ушел', las jeḡav 'заплакал', 'проплакал'*. В конструкции с формой аориста может быть введено обстоятельство точного счета, указывающее на более или менее определенное количество повторений действия: *Čors angam basves u pḡakves sareri tČamrhan* букв.: 'Четыре раза открылась и закрылась дорога в горы'. В рассматриваемой конструкции возможно также употребление обстоятельства, указывающего на ограниченный период, охватывающий повторяемые действия: *Ənthriki anthakḡum mi kḡani angam xmesin Nalbandjani kepacə* (Араксманян) 'Во время ужина несколько раз выпили за здоровье Налбандяна'. Конструкции с аористом обычно выражают повторяющиеся действия, непосредственно следующие друг за другом, которые все вместе могут осмысляться как единая ситуация. Б. Комри называет данное значение повторяемости итеративом [12]. В конструкциях с итеративным значением чаще всего выступают глаголы, обозначающие такие действия, результат которых не должен быть аннулирован перед последующим актом действия, например, глаголы речи: *Na jereḡḡ angam asac: "Gna, gna, gna"* 'Она три раза сказала: "Уйди, уйди, уйди"'; глаголы, обозначающие точечное действие: *Melkḡona mi kḡani angam irar jetevic glxov ages...* (Халафян) 'Мелкон несколько раз подряд кивнул головой...' В том случае, когда глагол выражает действие, результат которого должен быть отмечен перед следующим актом действия, при выражении итеративного значения употребляется сочинительная конструкция, содержащая антонимичные глаголы в формах аориста: *Na mi kḡani angam gres u džndžec* 'Он несколько раз написал и зачеркнул'.

Конструкциям с аористом, содержащим обстоятельство точного счета, соответствуют русские конструкции с формами совершенного вида, выражающими суммарную разновидность конкретно-фактического значения, см. [10]. Конструкции с обстоятельством точного счета, относящимся к сказуемому, представленному формой совершенного вида, в русском языке употребляются с некоторыми ограничениями, подробно рассмотренными в [14]. Автор отмечает, что формы совершенного вида, во-первых, употребляются только с указанием на абсолютное количество дей-

ствий, а во-вторых, выражают повторяющиеся действия, между которыми нет временного промежутка. Мелиг отмечает, что предельные глаголы, выражающие действие, которое может быть повторено только в том случае, когда аннулирован результат предыдущего акта действия, не могут употребляться в конструкции с суммарным значением, ср. некорректную, с точки зрения автора, фразу: 'Иван проснулся три раза'. Действие, называемое глаголом "просыпаться" не может повторять непрерывно, между его отдельными актами необходим временной интервал. В данном случае для передачи многократности более естественно употребление конструкции с формой несовершенного вида в конструкции с ограничительно-кратным значением: 'Иван проснулся три раза'. Армянский аорист в отличие от формы прошедшего времени совершенного вида, может употребляться для обозначения повторяющихся действий, которые разделены во времени, ср. 'Раза два его поднимали (аорист) ночью и заставляли (аорист) писать "записки", несколько раз его добывали (аорист) из гостей - все по поводу этих же "записок" (Гончаров) Mi jerku angam gišerə nran ver kacrin teyc jev stipecin "ditoyuthjunner" greł, mi khani angam surhandaki midžocov nran berecin hjur gnacats teyc - dardžjal henc nujn "ditoyuthjunneri" pattsarov.

Следует также отметить, что и русская форма прошедшего времени совершенного вида не всегда подчиняется отмеченному в [14] ограничению, ср. следующие примеры, где повторяющиеся действия не следуют друг за другом непосредственно, отмена результата предшествующего акта действия подразумевается: 'Он и теперь иногда поддавался этому раздумью и даже, тайком от Ольги, раза два соснул в лесу, ожидая ее замедленного прихода ...' (Гончаров); Она с нахмуренными бровями глядела на всех гостей. Обломов раза два даже соскучился и после обеда однажды взялся было за шляпу (Гончаров).

Армянский аорист может употребляться в пословицах и поговорках; при этом выражается не итеративность, а обычное, повторяющееся действие, на примере единичного, как бы конкретного случая: Anamoth mardi jeresin thkhecin, asec: andžrev a galis букв. 'Бесстыжему плюнули в лицо, а он сказал: дождь идет'. Аналогичное употребление формы прошедшего совершенного известно также и в русском языке: 'Кончил дело - гуляй смело' и др.

ИМПЕРФЕКТИВ. Первичное значение имперфективных форм - обозначение конкретно-процессного действия. Существует ряд глаголов со значением точечного действия, которые в армянском языке так же, как и в русском, не употребляются в имперфективных формах с конкретно-процессным значением; к ним относятся: tesnel 'видеться', handipel 'встречать', gtneł 'находить', anvanel 'называть', xabel 'обманывать' и др. Имперфективные формы указанных глаголов выражают неограниченную повторяемость действия, Urartacinerə xmuš cin garedžur, vor Khsenofonə anvanum er'garuc patrastats gini" (Халафян) 'Урарты пили пиво, которое Ксенофонт называл "вином,

приготовленным из ячменя"'. В этом случае неограниченно-краткое значение видо-временной формы обусловлено лексическим значением глагола.

Конкретно-процессное единичное действие как актуальное в момент речи или некоторый другой момент в прошлом противопоставлено неактуальному действию, нелокализованному на оси времени.

Противопоставление актуальных и неактуальных действий не имеет в армянском языке последовательного оформления. У некоторых лексем презенс и имперфект актуального и неактуального действий отличаются морфологически: актуальное действие выражается синтетическими формами, неактуальное - аналитическими: *unem* 'имею' (в данный момент) - *unemum em* 'имею' (время от времени); *em* I-е л. ед. ч. 'быть' - *linum em* I-е л. ед. ч. 'бывать'. Последние два глагола используются для обозначения актуального и неактуального состояния или качественного признака актанта, обозначаемого именем в позиции подлежащего: *Na mrsats' e* 'Он простужен (сейчас)' - *Na mrsats' e linum* 'Он бывает простужен'.

Имперфективные формы в неактуальном значении передают действия, которые в зависимости от степени временной нелокализованности делят на: 1) конкретно-повторяющиеся, 2) узусальные и 3) обобщенные [8]. В первом случае речь идет о повторяющемся действии в течение конкретного периода времени *Nndzavagoni jerkteu xcikic Varduhin hamarja durs čer galis...* (Араксмания) 'Из двухместного купе двуспального вагона Вардуй почти не выходила...' Узусальная повторяемость может быть определена как отнесенность многократного действия к определенному временному плану, т.е. широкая локализованность: *Jerbemn nran thvum er, the inč-vor thjurimacuthjun e teyi unesel* (Ханзадян) 'Иногда ему казалось, что произошло какое-то недоразумение...' Многократное действие представляется обобщенным, если оно является вневременным, относящимся к любому временному плану. К этому типу относятся прежде всего высказывания, содержащие общие истины, пословицы и др.; в таких высказываниях многократное действие передается формами настоящего времени: 'Медведя узнают по лапам, а лису - по хвосту' *Arđžə thatheric en imanum, isk ayvesə -- počic*.

Контекстуальными признаками неактуального (в разной мере нелокализованного, повторяющегося) действия являются: 1) нереферентность актанта, 2) нереферентность обстоятельства времени, 3) наличие обстоятельства частоты, 4) наличие средств, указывающих на достигнутость предела, мгновенность отдельных актов действия. Рассмотрим перечисленные факторы, обуславливающие реализацию значения многократности у форм имперфектива.

1. Нереферентность актантов. Актуальность/неактуальность действия связана с денотативным статусом имен, замещающих позиции подлежащего и дополнения при глаголе-сказуемом. Если имя, выступающее в позиции подлежащего или дополнения, употреблено нереферентно, т.е. не относится к конкретному объекту, либо его референтом

является класс объектов, то действие не может представляться как конкретное, см. [3, 4]. Нереперентный актанта может быть выражен: а) именем, определяемым словом с кванторным значением общности: ... amen barekami medz dzer arakheluthjan hakařakordi ekh tesnum (Араксманян) '... в каждом знакомом вы видите противника вашей миссии'; б) именем или субстантивированным прилагательным в форме множественного числа, обозначающим класс однородных объектов: Indz pmanerə dzer хауов hianum en verin jarusneric (Араксманян) 'Такие, как я, восхищаются вашей игрой с верхних ярусов'. Обобщенное представление актанта может быть выражено в неопределенно-личной конструкции, где данный актанта (субъект) не выражается, ср.: ... krknvořtořov kam hangov grum ein defjevs midz nadarum (Эмин) '... с повторяющейся строкой или слогом писали еще в средние века'; в абсолютной (безобъектной) конструкции выражается обобщенный объект: Inřres tesnum es skalnerov em grum 'Как видишь, я пишу с ошибками'.

Отсутствие конкретного референта может быть выражено также тем, что соответствующее существительное не может иметь определенного артикля или указательного местоимения: Ajd orvanic na tevařor er gsum jerekhi hamař 'С того дня она стелила постель на троих'; Ajd orvanic na mez hamař přlav er jerřum 'С того дня она варит для нас плов'.

Необходимо отличать нереперентный актанта от актанта, обозначающего конкретное множество элементов [7]. Предикат с конкретным множественным актанта может обозначать как актуальное, так и неактуальное действие, представляющее собой ряд действий, расчлененных во времени. Так, следующее предложение может иметь два значения в зависимости от того, как совершается действие - совместно всеми участниками, т.е. одновременно, или по отдельности, в разные моменты времени: Mer drosi usapoņnerə gnum en thatron 1) 'Учащиеся нашей школы идут в театр'; 2) 'Учащиеся нашей школы ходят в театр'.

2. Обстоятельство времени с нереперентным значением. В конструкции с имперфективными формами, выражающими неограниченно-кратное действие, для обозначения регулярной повторяемости действия может употребляться обстоятельство времени, обозначающее неограниченное множество моментов (периодов) времени: giřernerə 'по ночам', aravotnerə 'по утрам', jerařnerum 'во снах', ajsřisi derkřerum 'в таких случаях' и др. Множество моментов времени может быть выражено также с помощью указания на совпадение во времени с другим многократным действием: Jerb du im kořkřin řes, jes indz vorb em zgum (Арутюнян) 'Когда ты не со мною рядом, я чувствую себя сиротой'; Nřan hiřelis Svetan ařřuřanum er 'Вспоминая его, Света оживлялась'.

3. Обстоятельство частоты. Значение многократности реализуется в конструкции с имперфективными формами также в том случае, если в данной конструкции имеется обстоятельство, указывающее на частоту действия: ha-

тсах 'часто', jербемн 'иногда', sakav 'редко', step 'часто', 'зачастую', hazvader 'редко', parberabar 'периодически', sovorabar 'обычно' и др.: Jербемн на Каројин агадз'аркум ер наваков збоснел ир het (В. Арутюнян) 'Иногда он предлагал Каро покататься с ним на лодке'.

4. Средства, указывающие на целостность (достигнутость предела, мгновенность) отдельных актов действия.

Ряд глаголов своим лексическим значением выражают мгновенные действия. Имперфективные формы этих глаголов без каких-либо дополнительных контекстуальных средств выражают значение неограниченной кратности: Sranc aybә tharhvim er inč-vor tey, aybi het Gajane Džandžutovan karevor pħastathyther er dnum (Халафян) 'Их мусор выбрасывался куда-то, с мусором Гаяне Джанджутова подкладывала важные документы'. Точечность действия может передаваться также обстоятельствами со значениями 'вдруг', 'сразу', которые употребляются в конструкции с имперфективной формой, если выражается многократное действие: Na iskujn amen inč haskanum er 'Она сразу обо всем догадывалась'.

В конструкциях с имперфективными формами глаголов движения актуализатором значения неограниченной кратности могут быть обстоятельства времени, выражающие конечный или начальный момент действия: ...nra hamar stejtsvecin artonjal pajmanner: uš er galis ašxatankhi, sut er gnum tun ... (Араксаманян) '...для нее были созданы исключительные условия: она поздно приходила на работу, рано уходила домой...'

Обстоятельства, указывающие на достижение определенной ступени в развитии признака, как правило, употребляется при обозначении многократного действия в конструкции с имперфективными формами глаголов, обозначающих эмоциональное отношение: Indz hamar mahu čarħ antaneli e mi teyum jerkar mnalә, sastik džandžranum em... (Нар-Дос) 'Для меня смертельно тяжело долго оставаться на одном и том же месте, мне делается очень скучно (букв. я очень соскучиваюсь)'. Это обстоятельство возможно в конструкции с результативом, обозначающим актуальное состояние: Jes sastik džandžracats em 'Мне очень скучно' и не употребительно при имперфективной форме с конкретно-процессным значением, выражающей процесс накопления признака, нарастания: Na aveli u aveli džandžranum er 'Он скучал все больше и больше'.

На достигнутость предела в отдельных актах многократного действия могут указывать также обстоятельства, характеризующие результат действия (в плане актуального настоящего они могут употребляться при сказуемом, представленном формой результата), ср.: Na hagnvats er ajn kerrov, inčres hagnvum en mez mot la-гахауаснери огнакannerә... (Раффи) 'Он был одет (результатив) так, как одеваются (презент) у нас помощники канатоходцев...'

Примечание. В армянском языке, как и в русском, имперфективная форма (презенс) может сочетаться с обстоятельством точного счета в условиях настоящего исторического (сценического, репортажа и др.) т.е. в несобственном значении: Na motenun e dranj, jerku angam pttesnum e banalin, mtun pers 'Он подходит к двери; два раза поворачивает ключ, входит'; Třagavori demkħe lav ři jerevum. Sefz mi khani khajl e anup nra koyma (Арксманян) 'Лицо царя видно плохо. Шеф делает несколько шагов в его сторону'. В этом случае, так же как и в конструкциях с аористом выражается итеративное значение.

ПЕРФЕКТ. Формы перфекта (плюсквамперфекта) употребляются для обозначения: 1) состояния, наступившего в результате предшествующего действия: Majthi vra gluxnera kaxel en arevatřayiknera 'Подсолнухи склонили свои головы к тротуару'; 2) прошедшего действия как факта в прошлом в той или иной мере актуального для последующего временного плана: Na muth ancjali ter mard er, řevoluciajic ařadř phaxel er Parskstan, arkatsaxndir křankř varel jev kořoptel inř-vor parsakan xani 'Он был человеком с темным прошлым, до революции убежал в Персию, вел авантюристический образ жизни и обокрал какого-то персидского хана'. Употребление перфекта для передачи многократного действия опирается на второе из приведенных значений - значение "перфекта действия". В связи с этим уместно отметить, что употребление русской формы прошедшего времени несовершенного вида для обозначения ограниченно-кратного действия связано с возможностью употребления этой формы в обще-фактическом значении, ср.: 'Он к нам заходил - Он к нам заходил пять раз'. Армянский перфект, так же, как прошедшее несовершенное, может употребляться в обще-фактическом значении.

Выше было показано, что в конструкциях с армянским аористом выражается ограниченная повторяемость актов действия, в конструкциях с имперфективом - неограниченная. При этом аорист представляет многократное действие как связанное с конкретным отрезком времени, имперфективные формы (презенс и имперфект) - как не связанное с конкретным, ограниченным периодом времени. В конструкциях с формами перфекта могут выражаться как неограниченно-кратное действие, так и ограниченно-кратное; как связанное с конкретным, ограниченным периодом времени в прошлом, так и не связанное с таким периодом.

1. Неограниченно-кратное действие. Формы перфекта и плюсквамперфекта употребляются как формы презенса и имперфекта в конструкциях, содержащих обстоятельство, указывающее на частоту действия, нереферентное обстоятельство времени, нереферентные актанты, ср.: Jes ajstej nra het hatřax em tesnel... 'Я здесь часто с ним виделся' (Гончаров); Grethē amen or parapmunkřneric veradařnalis zrucel er knodř het, patmel,

the incres ancau orva dasə 'Почти каждый день, возвращаясь с занятий в университете, он беседовал с женой, рассказывал, как прошло занятие'; Zgujǝ šošarhum es irerə, zanazan paraganerə, grkherə... voronc mi žamanak dipel en Ovanes Thumanjani dzerkherə 'Осторожно прикасаешься к вещам, книгам, которых когда-то касались руки Ованеса Туманяна'.

В отличие от имперфективных форм перфект и плюсквамперфект не употребляются в конструкциях с обстоятельством *deř* 'все еще', обозначающим, что действие совершается в некоторый момент времени (в настоящем или прошлом) как продолжение протекавшего ранее действия, ср.: *Jerb menkħ teyarħoxvesinkħ Jerevan, khujrs der dpros er gnum* 'Когда мы приехали в Ереван, моя сестра все еще ходила (имперфект) в школу'.

2. Ограниченно-кратное действие. Формы перфекта (плюсквамперфекта) могут употребляться для обозначения действия, имеющего абсолютную количественную характеристику: *Jerku angam da im dzeřic prtseł e* (Халафян) 'Он два раза ускользал от меня'. В тех случаях, когда обстоятельство со значением точного счета выражено словами со значением 'много раз', 'не раз', 'сколько раз', подразумевается не абсолютное количество повторений действия, а его достаточно высокая частота; в связи с этим в описание многократных действий с помощью перфектных форм могут включаться и формы имперфекта, относящие передаваемое ими действие ко всем случаям: *Sař angam er na tandžvel, jerb tyamadə korcel er ir aržanapatvuthjunn u pativə, lac er jeyel iren otar knođž keytot ankman hamar, bajc lrum er vaxenalov hasarakuthjunic* 'Не раз страдал (плюсквамперфект) он за утраченное мужчиной достоинство и честь, плакал (плюсквамперфект) о грязном падении чужой ему женщины, но молчал (имперфект), боясь света' (Гончаров).

Отличие между перфектом и аористом при передаче ограниченно-кратного действия проявляется в характере локализованности этого действия. Аорист передает многократное действие, относящееся к конкретному периоду времени, в то время как перфектные формы представляют это действие относящимся к неопределенному прошлому. Перфект (плюсквамперфект) допускает сочетаемость с обстоятельством *aradz* 'раньше', 'прежде' невозможную для аориста: *Alekħsejevn sksec jetuaradz khajleł senjakum, heto kang arav nkari ařdžev, vor aradz hazar angam tesseł er...* (Гончаров) 'Алексеев стал ходить взад и вперед по комнате, потом остановился перед картиной, которую видел тысячу раз прежде...'

Армянский перфект (плюсквамперфект) в конструкциях с обстоятельствами частоты и точного счета чаще всего соответствует семантически русским аналогичным конструкциям с прошедшим несовершенным. В некоторых случаях, когда перфектные формы глаголов интеллектуальной деятельности субъекта имеют значение накопленного опыта (т.е. на первый план выступает не повторяемость, а обобщенный результат, итог многократных действий), они

соответствуют русским формам прошедшего совершенного: Gitekh ardjokh, -asac na vstah dzajnov, - mi amarva medz, ajn orvanic, vor dzez tcanacum em, sat baneri masin em mtatsel u sat baner zgasel, kartses mi mets girkh kardacats linem...

'-Знаете ли, сказала она с уверенностью в голове, - в месяц, с тех пор, как знаю я вас, я много передумала (перфект) и испытала (перфект), как будто прочла (результатив) большую книгу...' (Гончаров).

Таким образом, основное подразделение в сфере многократных действий, значимое для видо-временной системы армянского и русского языков, это противопоставление неограниченно-кратных и ограниченно-кратных действий. Неограниченно-кратные действия передаются в армянском языке имперфективом и перфектом, в русском - формами несовершенного вида; ограниченно-кратные - перфективом и перфектом в армянском и формами совершенного и несовершенного вида - в русском. Армянский перфект как форма, выражающая и ограниченно-кратное, и неограниченно-кратное действия, и допускающая тем самым сочетаемость как с показателями частоты действия, так и с показателями точного счета, сходен с древнегреческим перфектом см. [11]. Для выявления различий, существующих между армянским перфектом и другими формами при передаче разных типов многократных действий, необходимо учитывать тип локализованности многократного действия во времени, проявляющийся в сочетаемости с обстоятельствами, имеющими значение 'все еще', 'раньше', 'в период от...до...', 'всегда' и др. Взаимодействие указанных факторов, влияющих на выбор той или иной формы армянского глагола при выражении многократных действий, представлено в таблице.

Таблица. Типы локализованности многократных действий и средства их выражения в армянском языке

Типы локализованности действия во времени	Ограниченно-кратные действия (обстоятельство точного счета)	Неограниченно-кратные действия (обстоятельство частоты)
1. Конкретный период времени ('период от...до...')	аорист перфект	имперфект перфект
2. Период времени в прошлом, не имеющих определенных границ ('раньше')	перфект	имперфект перфект
3. Период времени, связывающий представляющее и последующее протекание действия ('все еще')	-	имперфект
4. Нелокализованное действие ('всегда', 'обычно')	-	имперфект

Л и т е р а т у р а

1. Абегян М. Теория армянского языка. Ереван, 1965, 690 с. На арм. яз.
2. Абраамян С.Г., Парнасян Н.А., Оганян А.А. Современный армянский язык. Т. 2. Морфология. Ереван, 1974. 583 с. На арм. яз.
3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971. 239 с.
4. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке. - В кн.: Семантические типы предикатов. М., 1982, с. 7-85.
5. Зарбебян С.К. Значение и употребление прошедших видо-временных форм в армянском языке. - В кн.: Вопросы языка и стиля. Т. 2. Ереван, 1964, с. 293-378.
6. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии. - В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978, с. 4-44.
7. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974, 292 с.
8. Панова Г.И. О содержательных типах повторяемости действия в русском языке. - В кн.: Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980, с. 41-51.
9. Погосян П.М. Стилистические употребления личных форм глагола в современном армянском языке. Ереван, 1959, 244 с. На арм. яз.
10. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980, 783 с.
11. Armstrong D. The ancient Greek aorist as the aspect of countable action. - In: Syntax and semantics. Vol. 14. Tense and aspect. New-York, 1981, p.1-12.
12. Comrie B. Aspect. - In: Introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976, 142 p.
13. Dressler W. Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Wien, 1968, 253 S.
14. Mehlig H.R. Verbal aspect and Iteration im Russischen. - In: Slavistische Linguistik 1981. München, 1982, S. 113-154.

ОПЫТ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА РУССКОГО ЯЗЫКА

М. А. Шелякин

I

Под семантико-синтаксическим описанием какого-либо падежа мы понимаем описание тех его семантических функций, которые он обнаруживает в существительных, занимающих данную падежную позицию (форму), независимо от того, сопровождается ли падеж предлогом или нет и является ли эта позиция сильно управляемой или нет. Семантико-синтаксические функции падежей мы определяем как указание на типизированную семантическую роль существительных в семантической структуре контекста (словосочетания или предложения), устанавливаемую путем семантического обобщения отношений между существительными в данной падежной форме и непосредственно распространяемым словом. Само определение отношений производится с учетом особенностей значений как распространяемых слов, так и существительных, выступающих в падежной форме. Причем, в особых случаях при квалификации выражаемых отношений обращается внимание на первичную, историческую словообразовательную структуру распространяемых слов, вызвавшую рассматриваемую падежную функцию, а не на их производные значения. Этим обеспечивается историзм в объяснении употребления падежной формы и ее функций.

При семантико-синтаксическом описании падежей мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой исторически первичными функциями падежей были функции установления локальных отношений между предметами, ставших затем семантической основой для всех других функций. Но это не означает, что все многочисленные и разнообразные функции падежей можно вывести непосредственно из их локальных функций, так как ряд из них мог возникнуть из промежуточных звеньев или не иметь семантической опоры именно на локальные значения. И все же локальные функции формировали у падежей те постоянные признаки, которые исторически определили функционально-семантическую зону каждого падежа.

Как известно, все попытки как-то сформулировать постоянные признаки у падежей (ср. версию Р.Якобсона) оказались не совсем удачными и, кстати говоря, вряд ли осуществимы в рамках любого чисто системно-синхронного описания падежной противопоставленности. Поэтому вместо терминов "общие" и "частные" значения падежей мы предпочитаем употреблять термины "первичные" и "вторичные" значения падежей и полагаем, что в качестве постоянных признаков падежей выступает сам тип отношений (схема отношений), освобожденных от локально-

го содержания и служащих основой для всех падежных функций. На наш взгляд, проблема семантических функций падежей - это проблема исторической семасиологии падежей, и современное состояние падежной семантики русского языка - это результат ее исторического развития, происходившего в рамках заданной функционально-первичной падежной системы.

В теоретических грамматиках русского языка, вслед за А.М. Пешковским, принято считать, что дательный падеж русского языка, в отличие от других падежей, обладает целостностью и однородностью своего значения. Это значение А.М. Пешковский называл значением "дальнейшего объекта, или косвенного объекта (можно и "побочного" объекта)" и раскрывал его через понятие "адресата, только пункта, куда направлено действие" (1, с. 299). Но что такое адресат? А.М. Пешковский, приводя пример "даю брату хлеб", разъясняет это понятие через признаки отсутствия какого-либо воздействия на предмет ("брат непосредственно действием не задается") и достижения направленности ("значение голой направленности") (1, с. 299-300). Последний признак не совсем ясен, ибо А.М. Пешковский отмечает, что "при давании адресата должна коснуться вещь, которую дают" (там же). Однако для нас важно здесь другое, а именно - пространственная интерпретация ситуации, связанной с понятием "адресата": адресат - это объект, на сближение, контакт с которым активно направлен другой предмет и который является потенциальным получателем (принимающим предмет и др.), т.е. потенциальным объектом включения в свое существование другого объекта (см. 2, с. 168). Подчеркнем, что речь идет о потенциальном получателе потому, что реальность получения зависит от самого получателя или ситуации, ср. "я давал ему денег, но он не взял их; я послал ему книги по почте и т.д. Следовательно, в основе значения адресата лежит определенное пространственное представление о движении объектов по отношению друг к другу: вряд ли можно предположить, что из ситуации "давания" возникли пространственные отношения, выражаемые дат. пад. (типа 'пошел к дереву, принес дрова к сараю' и под.). Вот почему нельзя считать значение адресата ни первичным, ни единственным и целостным значением дат. пад., определившим все остальные его семантические функции. Если более или менее строго придерживаться того понимания значения адресата, которое дано выше, то из него трудно вывести не только все пространственные значения дат. пад., но и такие значения, как соответствия, согласованности (ср. аналогичный, равный, пропорциональный чему-л.), причины (ср. благодаря чему-л., по причине) и другие.

Общим первичным значением дат. пад. можно считать указание на предмет, граница которого является пунк-

том направленности для другого предмета. В зависимости от характера пункта направленности дат.пад. употребляется в двух типах сочетаний. 1. Если пунктом направленности служит внешняя граница предмета, то дат. пад. употребляется с предлогами 'к, навстречу, вслед, по направлению к, по пути к', а также без предлогов. II. Если пункт направленности представлен поверхностью предмета, то дат. пад. употребляется с предлогом 'по' и в ряде случаев без предлога. В настоящем разделе статьи рассмотрим первый тип употребления дат. пад. и его вторичные значения.

1. Пространственные значения. Разновидностями указанного общего пространственного значения 1-го типа являются:

1.1. Указание на предмет как объект пространственного сближения для другого предмета. Реализуется обычно с предлогами 'к, навстречу к' с бесприставочными глаголами, существительными, прилагательными: 'идти к лесу, ехать навстречу к нему, звать к себе, клонить к земле, рука к руке, лицо к лицу, близкий к городу' и под.

1.2. При глаголах с приставкой под- и предлогом к; а также без предлога - указание на предмет пространственного приближения: 'подойти к столу, подъехать к деревне, подбросить к потолку' и под., ср. также 'подставить ногу кому-л.'. Сюда относятся следующие глаголы, словообразовательная структура которых исторически восходит к пространственному значению приставки:

Подлежать кому-чему-л. (не подлежит никакому сомнению) из устар. значения "подчинять" (ср. подлежать чьей-л. власти, суду, отмене), которое, в свою очередь, восходит к пространственному значению "лежать рядом, близко" (см. 3, т. 11, с. 1060). Подобное пространственное значение имел в древнерусском языке и глагол надлежать (ср. совр. надлежит кому-л. что-то сделать): И.И. Срезневский отмечает, что предлог надь с вин.пад. имел значение "движения к предмету лежащему - кь" (3, т. 11, с. 280), что, видимо, повлияло на дальнейшее употребление глагола 'надлежать' с дат. пад.

Подвергать (ся) чему-л., подверженный чему-л. - "делать предмет объектом какого-либо воздействия, подчинения" (подвергнуть суду, аресту и т.п.). Связано с устар. значением "подчинить": ср. "Я должен изобразить..., каким образом первый всемирный завоеватель Кир...подверг весь восток своей власти" (Гоголь). В свою очередь, это значение восходит к пространственному значению "подбросить, подкинуть" (к) чему-л., ср.срб. подвргнути - "подложить; подставить". Ср. также приверженный (преданный) кому-чему-л. от старого глагола "привергнути" в значении "прибросить, прикинуть" (к), ср. срб. приврћи - "подбросить; прибавить; подложить".

Подчинить (ся) кому-чему-л. (подчиниться закону, приказу и т.д.). Видимо, первичным значением приставки было пространственное, как и в глаголах 'подлежать, подвергать', с признаком движения вниз (см. ниже о глаголе причинить).

1.3. При глаголах с приставкой при- и предлогом к, а также без предлога - указание на предмет пространственного соприкосновения, присоединения другого предмета: 'придвинуть стул к стене, приблизиться к столу, приложить губы к руке' и под.; 'приступить к - "близко подойти": "/Гости/ приступили со всех сторон с вилками к столу" (Гоголь), отсюда значение "начинать что-л. делать" (приступить к работе); присвоить себе - из пространственного значения "приблизить" (см. 3., т. II, с. 97). Сюда относятся следующие глаголы, требующие исторического комментария:

Причинять кому-чему-л. (причинять кому-л. убытки, боль и др.). Значение глагола в современном русском языке толкуется как "вызывать что-л., служить причиной чего-л. (обычно неприятного)". Однако устар. значение "придавать какое-л. свойство, качество" показывает, что в основе семантики глагола лежит признак пространственного приложения: ср. "Стрельба в цель упражняет руку и причиняет верность глазу" (К. Прутков). Этот признак опирается на первичную словообразовательную структуру слова в значении "соединить, сочетать" (см. 3, т. II, с. 1495).

Придавать (к) - устар. в значении "присоединять", ср. 'придать кому-л. крылья' (перен.), "Дайте ему (Державину) в руки линейный скипетр Оберона, придайте к этой собольей шубе и бобровой шапке длинную седую бороду - и вот вам русский Чародей" (Белинский). Отсюда значение "сообщить какое-либо качество, состояние, свойство чему-л.": 'придать голосу равнодушный тон, придать делу важное значение' и под.

Прибегать к силе, хитрости и т.п., в основе лежит признак пространственного присоединения, сближения: ср. 'прибегать к финишу'. Приносить кому-л. вред, неприятность и др., из пространственного значения "доставлять" (ср. рыбак принес сеть к шалашу). Приговаривать к штрафу, ссылке и т.д., в основе значения лежит признак устного отнесения лица к какому-л. решению, постановлению, ср. 'призывать к ответу, приглашать к столу'. Приписывать (к) - первичное значение "письменно присоединить, причислить к чему-л." (см. 3. т. II, с. 1444), отсюда 'приписывать чему-л.' - "считать принадлежащим кому-чему-л.": 'приписывать себе заслуги'. Придирается к чему-кому-л. - "искать предлог, мнимую причину", из пространственного значения "присоединить (ся), приладить (ся) к чему-л." (см. 5, т. III, с. 411).

1.4. Особо следует рассмотреть управление дат.пад. глаголами с неполногласной приставкой пред-: 'предлагать, предоставить, представить к, предъявить, предстать' кому-л. Первичным значением приставки в них является пространственное указание на направленность к предмету, находящемуся на переднем плане (перед глазами). В современном русском языке это значение обычно выражается предлогом перед + твор. пад. (стоять перед домом) или предлогом против + род.пад. (стоять против дома). Однако в древнерусском языке предлог 'против' со-

четался и с дат. пад. для обозначения движения по направлению к предмету или нахождения около предмета (см. 6, с. 3,5, а также; 'противопоставить что-л. чему-л., в противоположность к чему-л. '), что, видимо, и повлияло на управление дат. пад. глаголами с синонимичной приставкой пред-, ср. синонимичные конструкции в современном русском языке: 'он выложил мне все свои вещи/передо мной, поставить ему задачу/перед ним, открыть ему дверь/перед ним, исповедоваться ему/перед ним, виниться кому/перед кем-л.' и др. Как отмечает Т.П. Ломтев, в значении предлога 'против' в древнерусском языке употреблялся и предлог 'преки' исключительно с дат. пад. (см. 6, с. 306), ср. в современном русском языке: 'вопреки кому-чему-л., наперекор кому-чему-л., перечить кому-л., прекословить кому-л.'

1.5. При других приставочных глаголах дат. пад. с предлогом 'к' указывает на предмет пространственного сближения другого предмета, как и в 1.1.: ср. 'переносить чемодан от стены к двери, перебегать от дома к дому, накидать много дров к сараю, направить его к дому, враг стянул войска к городу, сбросить мешок к забору, корабли уходили к горизонту, мяч отлетел к стене, он вышел к зрителям, прошел к выходу' и др. Комментарии к некоторым словам: относить (ся) к - первичное значение пространственное (ср. относить камень к стене, их отнесло к борту), отсюда значение "устанавливать связь предмета с другим" (отнести болезнь к заразным болезням, отнести событие к 18 веку), ср. 'отношение' - "связь с чем-л." (установить отношение к чему-л.), значение "иметь связь с чем-л." (это ко мне не относится) и значение "проявлять тот или иной характер социативных связей лица" (относиться к нему плохо, хорошо и т.д.), ср. также 'хорошее, плохое отношение к труду, к делу; доставить кому-л. удовольствие, радость и др. - из пространственного значения "доставить какой-л. предмет к чему-л."; доносить кому-л. о чем-л., ср. пространственное значение в древнерусском языке - "принести" с дат. пад. (см. 3, т. I, с. 704), допустить к - "позволить подойти к кому-л.", отсюда допустить к экзамену; доступ к чему-л. - "место приближения", ср. глагол 'доступиться к': "Помещик наш Шалашников Через тропы звериные С полком своим - военный был - к нам доступиться пробовал, Да лыжи повернул" (Некрасов), от доступ - доступный кому-л. (эта книга доступна каждому), т.е. букв. "легко допускающий к кому-л.", "понятный, близкий".

Примечание: Личные местоимения в дат. пад. при глаголах 'войти, зайти, прийти' и под. (ср. вошел ко мне, приехал к нему) обозначают не объект пространственного сближения, приближения, а объект, во внутрь которого направлено движение предмета. Дат. пад. объясняется здесь метонимическим переносом обозначения обладателя на обозначение объекта обладания: ср. 'он вошел ко мне в комнату', где дат. пад. указывает на посессивные отношения (о чем см. ниже).

С пространственным значением дат. пад. связаны фра-

зеологические сочетания с делексикализованными глаголами типа: 'пришел (настал) конец страданиям, положить предел мучениям, ставить ему в вину что-л.' и др. Видимо, при опущении глагольных слов возникли устойчивые сочетания: 'конец страданиям, конец зиме, делу' и под., ср. также "скоро наступит последний час владычеству этих морских разбойников" (Загоскин), "срок отпуску моему близок" (Пушкин); они участвовали в формировании особых типов предложения: 'всему есть конец, нет конца зиме' и др.

1.6. С глаголами повернуть (ся) к, оборачивать (ся) к дат. пад. указывает на границу предмета, в сторону которого направлено движение другого предмета: 'повернуться ко окну, обернуться к дому'. Ср. также однокорневой по происхождению глагол обращать к (бок камня обращен к морю), откуда: обращать к кому-л. взор, взгляд, обращаться к (науке), обратиться к врачу - букв. "направить речь, просьбу к лицу". Это значение дат.пад. реализуется и с предлогами 'по направлению к, по пути к': 'идти по направлению к лесу'. С данным значением связано употребление предлога 'к' для обозначения лица, к которому обращена речь (в заглавиях): "К Батюшкову", а также при обращении к предмету обсуждения: "к вопросу о...".

Сюда же относится употребление дат. пад. с производным предлогом вслед в значении "по направлению к кому-чему-л. удаляющемуся": "Вершинин погнал лошадь вдоль линии железной дороги вслед убегающему бронепоезду" (Вс. Иванов). Ср. также следовать кому-чему-л. - "поступать подобно кому-чему-л." (букв. "идти по следу"). Видимо, первичным значением "следовать кому-л." обладал когда-то и глагол завидовать кому-л.: А.А. Потемкин считал, что "Зависть, завидовать - (недоброжелательно) глядеть вслед за. В литовском за = предлогу ра (после), už (за)rawu-das - зависть" (7, с. 282); в древнерусском языке глагол "завидети" употреблялся в значениях "завидовать" и "усердно следовать кому-л." (см. 8, т. 5, с. 150).

2. Вторичные значения.

2.1. Указание на объект добавочного присоединения, приложения: 'прибавить к, приплатить к, присочинить к, добавить к, дополнить к и др., к беде еще беда, день ко дню, молодец к молодцу, одно к одному, к тому же' и др.

2.2. Указание на объект сопровождающего приложения: 'введение к статье, предисловие к книге, эпилог к драме, надпись к портрету, ключ к замку, начинка к пирогу' и т.д.

2.3. Указание на границу периода времени, предшествующую осуществлению действия: 'прийти к вечеру, заснуть к утру' и под., ср. также глаголы: 'предшествовать, предпослать чему-л., предпосылка к чему-л.' Временное значение может осложняться признаком цели: 'приготовить к обеду, сберечь к завтраку, пришел к ужину'.

2.4. Указание на предстоящее действие как цель каузации или на готовность его совершать. Реализуется с предлогом 'к': 'побудить к' (выступлению), 'вынудить к'.

подговорить к, принудить к, подзадорить к, приневолить к, подбить к, склонить к, подстрекнуть к, призвать к, принять меры к (отражению врага), принять к (исполнению), приготовиться к (отъезду), готовый к, весь к твоим услугам, подписать к печати' и др.

2.5. Указание на предстоящее, целевое применение, предназначение предмета: 'подарок ко дню рождения, тезисы к докладу, средство к спасению, средства к жизни, печенье к чаю'; ср. также: 'к чему?', к примеру' и др.

2.6. Указание на объект, на который усиленно направлено (букв. "прилагается") действие восприятия. Лексически замкнутая группа: 'принохаться к (запаху), прислушаться к (разговору), приглядеться к (лицу), присмотреться к (работе)'.

2.7. Указание на объект духовного влечения, стремления, близости - духовной предрасположенности/антонимично - непредрасположенности: 'тяготеть к, испытывать влечение к, тянуться к, стремиться к, пристраститься к, привязаться к, снисходить к, благоволить к, поклоняться кому-чему-л., расположить к (себе); склонный к, прирожденный к, предрасположенный к, способный к, жадный к, верный кому-чему-л.; интерес к, страсть (пристрастие) к, призвание к, слабость к, воля к (труду), любовь к, уважение к, милость к' и др. Значение объекта духовного непредрасположения представлены словами: 'ненависть к, вражда к, отвращение к, презрение к, пренебрежение к.'

Примечание: Ряд отмеченных существительных, употребляющихся с дат. пад., имеет соотносительные глаголы, управляющие вин. пад.: 'любить отца - любовь к отцу, уважать друга - уважение к другу, ненавидеть ложь - ненависть ко лжи, презирать кого-л. - презрение к кому-л.' и др. Приименный дат. пад. объясняется стремлением избежать двусмысленности род. пад., который обычно выступает в таких случаях вместо вин. пад. или им. пад.: ср. 'любить отца - любовь отца'. Однако выбор именно дат. пад. вместо род. пад., видимо, опирается на указанную семантико-синтаксическую функцию дат. пад.

2.8. Близкой к предыдущей функции дат. пад. и, может быть, производной от нее является функция указания на объект проявления контактно-социативных связей лица: 'относиться к кому-чему-л. хорошо, плохо' и т.д., 'охладеть к, ревновать к; холодный к, безучастный к, равнодушный к, безразличный к, предупредительный к, враждебный к, ласковый к, добрый к, заботливый к, ревнивый к, внимательный к, чувствительный к, справедливый к, добродетельный к, строгий к, ровный к, глухой к, беспощадный к' и др. Значение объекта контактно-социативных отношений лица подтверждается возможностью синонимичной замены твор. пад. с предлогом 'с': ср. 'холодный к нему - холодный с ним, безразличный к ней - безразличен с ней' и под.

2.9. Указание на обстоятельства, условия, действия, состояние, служащие объектом приравнивания, уподобления действий лица.. Реализуется с глаголами, име-

ющими приставки при-, под- (реже - без приставок): при-
способиться к, приноровиться к, приловчиться, привык-
нуть к, приучить к (букв. "заставить привыкнуть"), от-
сюда (учить(ся) чему-л., пристроиться к, приручить к,
приохотить к, причастить(ся) к, отсюда - причастный к
чему-л., приобщить(ся) к, приравнять(ся) к, примерять-
ся к, прицелиться к, прицениться к, подделаться к, под-
гонять к, притерпеться к, присмотреться к (букв. "при-
выкнуть смотреть"), примелькаться к, ср. также: уподо-
биться чему-л., подобный чему-л.!

2.10. Указание на объект соответствия, согласован-
ности, сходства, равенства для другого предмета или
признака, действия/антонимично- на объект несоответст-
вия, несходства и др. Данная функция связана со значе-
нием пространственного сближения, приближения: то, что
направлено на сближение, приближение, может представ-
ляться направленным на соответствие, сходство, близость
с чем-л. А.А. Потемня обратил внимание на то, что по-
нятие сходства выражается либо пространственно (сход-
ство'и т.п.), либо человеческими отношениями родства,
причем первый способ может переходить во второй (ср.
'близкий', др.-р. ужика - "родственник", лат. *affinis* -
смежный, соседний, родственный) (9, с. 452). Ср. 'соот-
ветствовать, удовлетворять чему-л., (при)годиться ко-
му-л. (букв. "быть подходящим, соответствующим"), при-
годный к, угодить кому-л., выгодно кому-л., полезный
(как синоним к годный) кому-л., эта шляпа идет ему (по-
дойдет ему), подарок пришелся по вкусу ей, подходящий
кому-л., она не пара ему, больному показаны воздушные
ванны, студенту деньги кстати! Сюда же относятся: 'по-
нравиться ему' (букв. "быть по нраву, в соответствии с
нравом"), под влиянием которого импонировать кому-л.!' ;
'приличествовать кому-л., полюбовиться, пригляднуться ко-
му-л.!' ; возможно - 'верить кому-л.!' в значении 'соглашать-
ся с кем-л.', 'следовать кому-л.!' (поступать подобно ко-
му-л.), 'подражать кому-л., завидовать кому-л.!' Ср. также
дат. пад. при адъективных словах: 'близкий, равный, иден-
тичный, равносильный, равноценный, аналогичный чему-л.,
пропорциональный, симметричный чему-л., сродный, сооб-
разный, соответственный (сообразно, соответственно), со-
временный, созвучный чему-л., доступный, понятный, яс-
ный кому-л., известный, знакомый кому-л. (букв. "соот-
ветствующий знаниям, сведениям и т.д.")' ; при существи-
тельных: 'он ровестник мне, (не) ровня ей, по вкусу им'
и др. Видимо, этой функцией объясняется употребление
дат. пад. при словах: 'нужный (нужно), необходимый (не-
обходимо), целесообразный (целесообразно) кому-л.!'.

Значение объекта несоответствия представлено уп-
равлением дат. пад. при словах: 'противоречить чему-л.,
противовес чему-л.', ср. также: 'вредный кому-л. (как ан-
тоним к 'полезный', о глаголе 'вредить' см. ниже), 'проти-
вопоказанный кому-л.!' Сюда же относится употребление крат-
ких форм прилагательных в функции несоответствия пред-
мета по каким-то параметрам: 'эти туфли велики ему, ма-
лы, высоки, низки.' Ср. еще: 'не ко времени гость, не ко

двору, не к лицу, не к добру, не к месту!

2.11. Со значением соответствия, согласованности, уподобления связано указание на лицо, действию или состоянию которого уподобляется, согласуется действие или состояние другого лица: 'сопутствовать, вторить, аккомпанировать, подыгрывать, подпевать кому-л., сострадать, соболезновать, сочувствовать (под влиянием которого - симпатизировать) кому-л., содействовать, поддакивать, потакать кому-л.', ср. также: 'послушный кому-л. (с признаком следования)'.

2.12. Со значением соответствия, согласованности связано и значение обоснования или причины. Реализуется с существенными подобной семантики: 'причина, основа, источник чему-л., благодаря чему-л., корень злу' и некот. др. Эта функция дат. пад. в современном русском языке уже является устарелой.

2.13. Указание на адресат предоставления предмета, передачи качеств, свойств, сообщения и др. в ситуации "давания". Эта ситуация предполагает активный субъект "давания", объект предоставления (или передачи) и адресат. Поэтому рассматриваемое значение реализуется при переходных глаголах в двойном сильном управлении, при непереходных глаголах объект передачи включен в значение глагола: ср. 'давать книгу ученику, сдать врагу'. Функцию адресата - потенциального получателя (принимающего объекта) в ситуации "давания" следует отличать от функции "получателя" в ситуации "получения". Как отмечает О.Н. Селиверстова (2, с. 168), "получение" зависит от многих, часто неопределенных факторов и не связано с желанием, волеизъявлением референта подлежащего (ср. 'я получил письмо, воспаление легких, пощечину'), тогда как при "давании" выступает лицо (предмет) как активное, действующая сила, располагающая тем, что предоставляет.

Функция адресата дат.пад. проявляется при следующих глаголах:

а) Со значением передачи конкретного предмета: 'дать (со всеми приставочными образованиями: сдать, отдать, выдать, подать и т.д.), вручить, возвратить, подарить, ссудить, одолжить, вернуть, отнести, продать, уступить, пожаловать, сбить, заплатить, посылать, доставлять, разносить, поставлять, жертвовать, предоставить (квартиру), доверить (деньги), протянуть мне руку, проиграть ему деньги, скормить овес коню, ему досталось много книг, броситься ему на шею, отпустить ему товар' и др.

б) Со значением передачи отвлеченных предметов: 'сдать экзамен, доставлять удовольствие, поручить дело (ср. дать поручение), гарантировать успех (ср. дать гарантию), нанести удар, поражение, навязать мысли, доверить работу, воздать должной, дать имя, присвоить звание, присягать (дать присягу), клясться (ср. дать клятву), отчитаться (ср. дать отчет), рекомендовать (ср. дать рекомендацию), это удалось ему, проиграть ему матч, обеспечить жизнь' и др. Сюда же относятся сочетания с

делексикализованными глаголами: 'придавать силы, причинить боль, принести вред, пользу', а также: 'вредить, пакостить, досаждать, верить его словам (букв. "давать веру")', изменить (видимо, под влиянием предать кому-л.)'. Ср. также: 'начало движению (из дать начало движению); цена товару (из назначить, дать цену товару), опись вещам (видимо, из букв. "придать вещам перечень названий с номерами")', список убитым, итог убыткам, счет деньгам, утратам.'

в) Со значением передачи словесного сообщения: 'сообщить, сказать, рассказать, доложить, написать, заявить, обещать, поведать, прочитать книжку сыну, объяснить, объявить, ответить, лгать, советовать, отказать, возражать, запрещать, велеть, позволять, телеграфировать, предложить, разрешить, приказывать, грубить, дерзить, предрекать, прочить и др., непереходные глаголы: хвалиться друзьям, открываться другу, признаться, адресоваться, апеллировать, звонить отцу, возражать, исповедоваться, молиться, каяться, признаваться, льстить, указать, пожаловаться, поддакивать, намекать'. Ср. также: 'диктовать текст ученикам, присудить премию ученому, завещать дом сыну, заказать портному костюм, желать счастья кому-л., внушать ему, привет другу' и др.

Примечание: Не все глаголы сообщения обладают сочетанием с дат. пад.: ср. 'извинить кого-л., простить кого-л., осудить кого-л., хвалить кого-л., предостеречь кого-л., просить кого-л., приветствовать кого-л., проклясть кого-л.' и нек. др. Однако существительные, образованные от этих глаголов, могут управлять дат. пад.: ср. 'принести извинение кому-л., приветствие кому-л., в похвалу кому-л., в оправдание кому-л., предостережение кому-л., проклятие кому-л.'. Здесь также наблюдается стремление избежать двусмысленности при употреблении род. пад. и влияние управления дат. пад. большинства глаголов сообщения.

г) Со значением передачи мимических и др. знаков: 'махать кому-л., моргать, улыбаться, кивать, грозить, угрожать, кланяться, отдать честь, откозырять, звонить, подавать кому-л. знак, делать кому-л. знак (глазки), показать кому-л. дорогу, дать звонок (сигнал, гудок) кому-л., аплодировать кому-л., стучаться к кому-л.'

2.14. Указание на адресат предназначения предмета. Связано со значением адресата непосредственного "давания", но с дополнительным признаком будущего использования или обладания предметом, свойством, без непосредственного "получения". Соответствует значению предлога "для" в подобной функции: 'сбегать за папиросами отцу, посвятить книгу матери, нарисовать картину малышу, написать записку другу, купить пальто мальчику, привезти подарок сыну, выписать ордер Иванову, стелить постель мужу, заказать ему билет, оставить записку подруге, положить кашу ребенку, отрезать ему палец, корм скоту, вино гостям, тебе телеграмма!', создавать

славу кому-л. (ср. слава героям!), горе мне!, обеспечить успех спортсмену, уступить дорогу кому-л., задолжать ему сто рублей, я должен ей три рубля, предначертать кому-л. порядок действий, наметить кому-л. план выполнения, составить кому-л. отчет, ср. также: ни богу свечка, ни черту кочерга, в назидание кому-л., на зло кому-л., поменять мне деньги, назначить ему срок, предопределить кому-л. судьбу, оказать услугу своему другу, Москва всем городам пример, судья всем, опора семье' и др. Адресат предназначения предмета может осложняться признаком "в честь, в знак уважения к": 'памятник Пушкину, гимн солнцу'.

2.15. Дательный заинтересованного лица (дат. интереса, этический дат. и др. названия). Представляет собой дат. пад. с ослабленным значением адресата предназначения и превратился, по сути дела, в частицу. Его функция заключается в том, чтобы подчеркивать личную заинтересованность в осуществлении действия, т.е. предназначенность действия только для лица, совершающего его: ср. 'а он сидит себе и ухом не ведет, а он идет себе и ничего не замечает, тут тебе сейчас и дом и дача!'

2.16. Указание на адресат содействия как лицо, в интересах которого, в пользу которого совершается действие (вариант значения адресата предназначенности): содействовать кому-л., помогать (оказывать помощь), способствовать, потворствовать, попустительствовать, покровительствовать, мирволить, радеть, протезировать, оказывать поддержку, облегчать, благодетельствовать кому-л. в чем-л.!

2.17. Указание на адресат противодействия (антонимичное предшествующему значению): противодействовать, противоборствовать, сопротивляться, противиться, препятствовать, прекословить, перечить, сюда же относятся: мешать кому-л., мстить, отплатить кому-л.' (в значении объекта возмездия).

2.18. Указание на адресат подчинения и зависимости. Лексически замкнутая группа глаголов, связанная, с одной стороны, со значением возвратной "дательности" (ср. сдаваться кому-л., даваться, поддаваться, отдаваться, подданный кому-л.), с другой стороны, с пространственными и другими значениями: ср. 'подчинять (ся) кому-л., подлежать кому-л., подвластный, подведомственный кому-л.; повиноваться, покорить (ся) кому-л., покорный: видимо, связано с первичными значениями глаголов, обозначающих соответствующие речевые действия - "признавать свою вину и подчиниться", "порицать (себя) - смиряться", ср. польск. *korzyć* - "унижать, смирать" и *korzyć się* - "покоряться"! К этой группе глаголов относятся также: 'служить кому-л. /быть слугой, ср. слуга на роду), принадлежать кому-л.' (земля принадлежит колхозам), ср. 'земля перешла к крестьянам, дом отошел (к) наследнику, приписать стихотворение Пушкину, прилагательные: свойственный, присущий кому-чему-л.' Думается,

что данной функцией объясняется употребление дат. пад. и в следующих случаях: 'обязан ему, признателен ему, должен кому-л.'; в конструкциях: 'ему есть время писать, ему хватает, достаточно сил поднять что-л., этому чаю не достает аромата, мальчику еще нет года, нам не остается времени'.

2.19. Указание на обладателя предмета по смежности: а) по смежной принадлежности части целому и б) смежности, близости личных отношений и участия.

а) Реализуется обычно в сочетаниях с личными существительными и местоимениями: 'дергать кому рукав, драть кому уши, тереть кому бороду, трепать кому волосы, трясти, пожать кому руку, прищемить кому хвост и под.,; спасти жизнь ребенку, завязать мужу галстук, поцеловать даме руку, прострелить мне фуражку, посмотреть мне в глаза, брить кому бороду, выходить в тыл противнику, кланяться кому в ноги, попадать кому под руку, на глаза, взял себе в жены, ему отняли ногу, врач вырвал мне зуб, ворон ворону глаз не выклюет' и под. Приведенные сочетания функционально соответствуют сочетаниям с притяжательными прилагательными или род. пад.: 'пожать ему руку - пожать его руку, спасти жизнь ребенку - спасти жизнь ребенка'. Мы полагаем, что разница между этими сочетаниями заключается в подчеркивании дат. пад. той или иной предназначенности, целевого назначения, направленности действия: ср. 'он пожал ему руку в знак благодарности, спасти жизнь ребенку (чтобы он жил, букв. "дать жизнь ребенку"), завязать галстук мужу - букв. "завязать галстук для мужа". Отсюда наличие оттенка большой меры участия, заинтересованности лица в осуществлении действия (взял себе в жены).

б) Реализуется на уровне предложения, в которых дат. пад. служит признаком предикативной функции имени в им. или твор. пад. и участвует в выражении относительной родственности, дружбы, соседства, знакомства (социальных отношений): ср. 'он мне друг, она ему мать, критик Валериан Майков был братом поэту Аполлону Майкову, как-кая она мужу хозяйка, он родственник Иванову, хозяин городу, друг человеку, пеший конному не товарищ, сапог лаптю не брат, и черт ему не брат, я вам не игрушка, он тебе не советчик' и под. Ср. также в антонимичном указании: 'он враг нам, чужой нам' и под. Дат. пад. в этих сочетаниях также функционально соответствует либо притяжательному местоимению, либо род. пад.: ср. 'был братом поэту - был брат поэта'. Разница состоит в том, что с употреблением дат.пад. связано в большей мере представление об отнесенности предикативного признака предмету, и тем самым дат. пад. имеет оттенок предназначенности, назначения: ср. 'он мне друг' - букв. "он друг для меня, ведет себя как друг", "Однажды Петр Иванович, когда Аллы не было, заговорил с Настей напрямую. Почему она так относится к его жене? "Она не жена тебе, отец" - отрезала Настя... Он с ненавистью смотрел на Настю. "Ты, ты кто такая, что смеешь мне так говорить? Ты ж

мне чужая" (газ. "Известия"). Поэтому сочетания с дат. пад. подчеркивают выражаемые отношения и "субъективная", т.е. насыщены признаками заинтересованности лица в обозначенных отношениях.

2.20. Указание на адресат зрительного показа предмета: 'показать что-л. кому-л. (ср. указать кому-л. на что-л.), предъявить кому-л. свой паспорт, представить кому-л. кого-л. (в ситуации знакомства), предложить кому-л. свой проект'. К данному значению относится употребление дат. пад. при глаголе оказать в первичном (уже устар.) значении "показывать": ср. "Заря окажет полякам, как нечтожен отряд твой" (Марлинский), "Старались золото не оказывать. В контору сдавали только, чтобы сдачу отметить" (Бажов). Отсюда вторичное значение "показывать кому-л. в какой-л. форме свое отношение": оказывать уважение, покровительство, честь и т.д.

2.21. С предыдущим значением связано указание на Лицо, воспринимающее умственные или чувственные воображения, представления (при возвратных глаголах): кому-л. показаться, померещиться, присниться, представиться, привидеться, казаться, грезиться, чудиться, вспомниться, рисоваться, послышаться, думаться, ср. также: 'вообрази себе, ему пришла в голову мысль'.

2.22. Указание на лицо, получающее или имеющее то или иное впечатление, мнение, оценку, состояние от восприятия предмета, соприкосновения с предметом: а) 'это известно, ведомо, знакомо, понятно, доступно, близко, ясно' и др. кому-л., б) 'ему приятны слова благодарности, книга интересна мне, милый сердцу, матери отрадно смотреть на своих детей; что-то противно, чуждо, ненавистно, обидно, тягостно, гадко кому-л., мне любопытно знать это, сестре жаль брата, он жалок, скучен ей' и под., в) 'кто/что опротивел, опостылел, осточертел, наскучил, надоел кому-л.', г) 'он изумился, обрадовался, удивился, рад был чему-л.' (с причинным признаком значения).

2.23. Указание на демиактивное лицо, состояние или действие которого предстает как вызванное внешними обстоятельствами, влиянием извне, без его личной воли, навязанное, произвольное. Связано со значением адресата в широком смысле слова и имеет несколько разновидностей: а) дат. пад. субъекта дебитивного действия: 'ему предстоит, надо, нужно, следует, надлежит, необходимо, придется, нельзя ехать'; ср. также: 'я не знаю, что мне с ним делать'; б) дат. пад. потенциального действия, обусловленного объективными, внешними условиями: 'ему можно, разрешается, позволено, гулять; нам здесь не пройти, мне ничего не видно, тебе это не удастся сделать, некому его пожалеть, мне осталось только пожалеть, вам есть о чем подумать, ему не о чем грустить' и под., в) дат. пад. субъекта произвольного состояния, действия: 'мне хочется, нездоровится, не спится, не верится, везет, случилось, повстречался, вздумалось, взгрустнулось, сделалось (плохо), попало, досталось, прегит, дается (музыка), исполнилось двадцать лет; ему

холодно, грустно, досадно, весело, смешно' и под.

III

Второй тип употребления дат. пад. - с предложом 'по' - представлен следующими значениями:

1. Пространственное значение: указание на поверхность предмета, с которой динамично в отдельных пунктах контактирует другой предмет: 'ходить по лугу, по крыше, идти по улице, гладить по волосам, ударить по доске, плыть по морю, спускаться по лестнице, плыть по течению, идти по следу, по пятам' и т.д., ср. также: 'стрелять по противнику'.

2. Вторичные значения:

2.1. Указание на объект распределения или субъект распределительного действия, состояния (дистрибутивное значение): ср. 'раздать по яблоку, взять по палке, скопить по копейке, по рублю штука, ездить по знакомым, встать по одному' и под. Связано с пространственным значением динамической направленности предмета на отдельные пункты поверхности другого предмета.

2.2. Указание на неограниченную повторяемость временных отрезков (связано с предыдущим значением): 'по ночам, по утрам' и т.д., ср. также: 'цыплят по осени считают, приеду по весне' (простор.). - временное значение одного периода.

2.3. Указание на область, сферу проявления или распределения действия, качеств, свойств (связано с предыдущими значениями). Данное значение называют также ограничительным, так как дат. пад. ограничивает объем понятия, выраженного первым существительным, прилагательным или глаголом: а) 'чемпион по боксу, токарь по дереву, специалист по животноводству, инспектор по труду, инженер по профессии, рабочий по социальному положению, брат по душе, богатырь по уму, сестра по матери, друзья по школе, товарищ по университету, сосед по комнате, братья по оружию, с признаком цели: комиссия по проведению юбилея, группа по борьбе с хулиганством' и др.; б) 'мягкий по тембру, оригинальный по замыслу, известный по честности, ранний по времени, отличный по качеству, старший по возрасту, добрый по характеру, дешевый по цене' и т.д.; в) 'экзамен по физике, занятия по русскому языку, задачник по арифметике, сведения по грамматике, приказ по университету, исследование по химии'; г) 'подготовиться по алгебре, хлопотать по хозяйству, отвечать по книге, гадать по ромашкам' и др., с признаком соответствия: 'одеваться по моде, работать по плану, по желанию, жить по совести, по обычаю, по закону, по правилам' и т.д., 'подгонять по росту, встать по гудку, отвечать по уставу, платить по счету, получить по завещанию, идти по компасу, по солнцу' и др., ср. также: 'Иванов по паспорту, называть по

имени и отчеству; с признаком способа, посредства: 'говорить по телефону, показывать по телевизору, послать по почте'. Ср. наречия: 'по-новому, по-старому, по-звериному' и под.

2.4. С предыдущим значением связаны значения а) основания, б) причины, повода, заключенных в самом субъекте: а) 'судить по внешности, определять болезнь по цвету глаз, награждать по заслугам, ценить по уму, по случаю, по поводу, тосковать по детям, грустить по друзьям' и под., б) 'уйти по болезни, сделать по глупости, сказать по ошибке, по рассеянности, по причине, по-чему, поэтому' и др.

Л и т е р а т у р а

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном отношении. М., 1956.
2. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
3. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб, Т. II, 1902, Т. III, 1912.
4. Правдин А.Б. Дателный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. "Ученые записки Института славяноведения". Т. XII, 1956.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III, М., 1955.
6. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М., 1941.
8. Словарь русского языка XI - XVII вв. Вып. 5. М., 1978.
9. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.

О ПОНЯТИИ КРАТНО-СООТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ИХ ПРИЗНАКАХ

И.П. Кюльмоя

Кратно-соотносительные конструкции в той или иной степени привлекали внимание различных исследователей, еще больше количество лингвистов, использующих этот термин. Однако само понятие кратко-соотносительной конструкции не определено достаточно четко, неясен объем термина.

Ю.С. Маслов считает, что общие черты "кратно-соотносительных типов" могут быть сведены к следующим [8/91]: имперфект, образованный от основ совершенного вида, имеет значение кратного, повторяющегося действия (обобщение делается на материале древнерусских памятников); действие, выраженное формой имперфекта, оказывается более или менее тесно связано с другим действием, причем это другое действие (или другие действия) также оказываются кратными, повторяется весь цикл, вся цепь, вся ситуация; внутренние отношения между связанными действиями внутри цикла, цепи, ситуации остаются без изменения в процессе повторения всего цикла; внутренние отношения эти при употреблении глаголов совершенного вида таковы, что для одного из действий, или даже ряда их, или для всех требуется совершенный вид.

Позднее Ю.С. Маслов допускает также возможность употребления в кратко-соотносительных конструкциях и несовершенного вида, хотя и отмечает, что представление действия в совершенном виде (в настоящем времени) связано "с большей эмоциональной насыщенностью и наглядностью высказывания" [9/245]. Этот вывод делается на материале болгарского языка, но он верен и по отношению к русскому языку.

Говорится о кратко-соотносительных конструкциях и в работах А.В. Бондарко [1/197] и следующие, Г.И. Пановой [10/116] и следующие, А.М. Ломова [6/63-64] и др. Однако все они не затрагивают вопроса о статусе этих конструкций, о признаках, конституирующих ее.

Что же представляют собой кратко-соотносительные конструкции, каковы их характерные признаки? Попробуем ответить на этот вопрос.

1. Кратно-соотносительная конструкция является обозначением какого-либо события, состоящего по крайней мере из двух взаимообусловленных действий как составных элементов данного события.

В кратко-соотносительной конструкции имеется некий комплекс действий, которые связаны между собой и повторяются с той или иной степенью регулярности. Такой комплекс (цикл) действий является одним из вариантов категории "событие", понимаемой как единство противоположностей - вещи и процесса. Событие означает, что

что-то происходит с чем-то в определенном месте и в определенное время [11/68]. Приведем в качестве примера кратно-соотносительную конструкцию, в которой описывается как "событие" приступ болезни героя:

Вечером же, обыкновенно часов около семи, как буря, налетал на меня приступ болезни. Едва только дремота слегка касалась меня, как странные, нелепые, мучительно-пестрые сновидения начинали играть моим разгоряченным мозгом.

А. Куприн. Олеся.

(Подчеркнуты взаимообусловленные действия, входящие в кратно-соотносительную конструкцию и составляющие данное событие).

В следующей конструкции дается описание привычки Беликова ходить по квартирам:

Было у него странное обыкновение - ходить по нашим квартирам. Придет к учителю, сядет и молчит, и как будто что-то высматривает. Посидит этак молча час-другой и уйдет.

А. Чехов. Человек в футляре.

2. Событие, выражаемое кратно-соотносительной конструкцией (в дальнейшем - КСК) в целом, повторяется (или может повториться) неограниченное количество раз. Повторяемость эта может быть как регулярной, так и нерегулярной, но обязательно узувальной, когда на одном конкретном примере показывается, что подобная ситуация типична и повторялась (повторяется и может повторяться) многократно.

Чаще всего в конструкции имеются специальные показатели повторяемости: а) наречия и глагольные частицы - 'часто, иногда (иной раз), всегда, случалось, бывало':

Бывало, иногда если упросишь его рассказать что сызнова, то смотри, что-нибудь да вкинет новое или переиначит так, что узнать нельзя.

Н. Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала.

б) местоимения - 'всякий, каждый, иной, кто'; сочетания типа 'наш брат', выражение обобщенного субъекта словом 'человек':

И когда кто-нибудь проходил ночью мимо дома или лавки, то вспоминал, что Анисим сидит в тюрьме.

А. Чехов. В овраге.

И всякий, если кто когда-нибудь про эту историю узнает, посмеется - непременно посмеется, а не пожалеет.

Н. Лесков. Вонительница.

в) формы глагола 2-го лица в обобщенно-личном значении:

Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь - все слышат.

А. Грибоедов. Горе от ума.

г) повторяющиеся союзы, выражающие разделительные отношения - 'то...то, ли...ли' и др.

Слышался ли в открытые окна трезвон городских и монастырских колоколов, кричал ли на дворе павлин, или кашлял кто-нибудь в передней, всем неволью приходило на мысль, что Михаил Ильич серьезно болен...

А. Чехов. Расстройство компенсации.

Наконец, значение повторяемости может передаваться при помощи предшествующего контекста:

... но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Заснет как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя.

Н. Гоголь. Заколдованное место.

3) Внутренняя временная характеристика повторяющегося события определяется взаимоотношениями между действиями, составляющими его.

Действия, входящие в повторяющуюся ситуацию (событие), могут происходить одновременно:

Когда позади проезжала телега, Леонтьева встряхивало.

К. Паустовский. Повесть о лесах.

следовать одно за другим:

Изредка кто-нибудь вдруг поднимет со сна голову, посмотрит бессмысленно, с удивлением, на обе стороны и перевернется на другой бок или, не открывая глаз, плюнет спросонья и ... опять заснет.

И. Гончаров. Обломов.

или чередоваться между собой:

Люсин, слушая все это, то смеялся, то отшучивался.

К. Симонов. Солдатами не рождаются.

При этом каждое из действий внутри события является временной точкой отсчета для другого действия, т.е. перед нами таксис, который "характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения" [15/101]. С точки зрения русского языка, представляется более удачным термин "временная соотносительность действий", предложенный В.П. Луновой [7/6] и уточненный Ю.А. Поташкиной. Временная соотносительность действий это именно "внутренняя временная характеристика того или иного события, определяющая положение действий, составляющих это событие, друг относительно друга на том участке временной оси, который принадлежит только данному событию" [12/121]. По верному замечанию автора, действия как элементы структуры одного события относятся все к тому временному пла-

ну, в котором локализуется все событие в целом. Далее же утверждается, что все действия поэтому должны быть обозначены одной и той же глагольной формой (разрядка наша - И.К.) [12/124].

По отношению к КСК некоторые положения требуют уточнения. Событие, выраженное кратнo-соотносительной конструкцией, повторяется (или может повториться) неограниченное число раз, не будучи прикреплено к определенному временному моменту в настоящем, прошедшем или будущем, т.е. событие не локализовано во времени 2/185. Однако степень нелокализованности такого события во времени может быть различной:

а) КСК представляет собой эпизод, который мог и может произойти в любой момент, причем такая ситуация представляется как обычная, вывод же об узуальности ее делается на основе имеющегося опыта, т.е. она уже достаточно часто повторялась в прошлом. По отношению к такой ситуации можно говорить об абсолютной временной нелокализованности:

Манилов будет повеликатней Собакевича, велит тотчас сварить курицу, спросит и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спросит, и всего только что попробует...

Н. Гоголь. Мертвые души.

А кто увидит Терентия Петровича в таком состоянии, восклицает: "Петрович в обход пошел!", после чего выскакивает на улицу и присоединяется к сопровождающей его группе.

Г. Троепольский. Записки агронома.

б) событие, отраженное в КСК, не прикреплено к определенному временному моменту, но представлено как многократно повторявшееся в прошлом, при этом в конструкции обычно имеются показатели повторяемости - 'бывало, случалось, стоило только'; 'где ни' в сочетании с глаголом в форме прошедшего времени и др.:

Вылетит ему, бывало, Круковский несколько кувшинов на голову, он пофыркает, вытрется мохнатым полотенцем и сейчас же за карты, за книги, за чертежи.

А. Куприн. Однорукий комендант.

Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе.

Н. Гоголь. Ночь перед рождеством.

в) реже встречаются КСК, в которых описывается событие, повторяющееся после момента речи, т.е. в плане будущего:

Когда ты со мной куда в гости поедешь, всегда забирай по две штуки каждого платья.

И. Тургенев. Затишье.

И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Все сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

М. Лермонтов.

Два последних типа временной нелокализованности (б и в) можно назвать относительно нелокализованными.

Требуется корректировка и положение о том, что все действия должны быть обозначены одной и той же глагольной формой. Действия, составляющие событие, действительно относятся к одному временному плану, однако единый временной план создается не одними и теми же глагольными формами, а одними и теми же значениями иногда даже и различных временных форм.

Так, в относительно нелокализованных конструкциях, связанных с планом прошлого, встречаются сочетания форм настоящего (чаще совершенного вида) и прошедшего времени (чаще несовершенного вида):

Про него недавно кто-то рассказывал, будто бы он, когда был студентом, жил в номерах поближе к университету, и всякий раз, бывало, как постучишься к нему, то слышались за дверью его шаги, и затем извинение вполголоса: "Pardon, je ne suis pas seul".

А. Чехов. Володя большой и Володя маленький.

Встретится ли под темный вечер с каким-нибудь человеком, и ему тотчас показывалось, что он открывает рот и выskalывает зубы.

Н. Гоголь. Страшная месть.

В подобных случаях мы имеем дело с переносным употреблением формы настоящего времени, т.е. с настоящим историческим (постучишься, встретится). Настоящее историческое же выражает действие в прошлом, следовательно, противоречия между разными глагольными формами здесь нет, они относятся к одному временному плану.

В абсолютно нелокализованных КСК сочетание разных временных форм наблюдается реже, это обычно комбинация формы глагола прошедшего времени совершенного вида с совершенным или несовершенным глаголом настоящего времени:

Наскучило идти - берешь извозчика и сидишь себе как барин, а не хочешь заплатить ему - изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет.

Н. Гоголь. Мертвые души.

Народ как дал прозвище, так и умри - не скинешь.

Г. Троепольский. Записки агронома.

Последний пример осложнен еще употреблением формы повелительного наклонения (квази-императив с уступительным

значением), но на временной план она влияния не оказывает. Формы прошедшего времени совершенного вида в таких случаях имеют перфектное значение, т.е. в силу своей связи с настоящим временем (результат этих действий актуален для более позднего временного плана [3/90]) они включаются в тот же временной план.

Таким образом, единый временной план повторяющегося события может создаваться как одинаковыми, так и разными глагольными формами, обозначающими действия, но обязательно имеющими одинаковое временное значение. Взаимоотношениями, возникающими между этими действиями, и определяется внутренняя временная характеристика данного события.

4. Отношения между действиями внутри события в процессе его повторения остаются неизменными.

Данный признак, по-видимому, не нуждается в особых комментариях. Отношения одновременности, следования или чередования, возникающие между действиями, входящими в событие и составляющими его внутреннюю временную характеристику, не изменяются в течение всего периода повторения данного эпизода.

5. Синтаксическое построение кратно-соотносительной конструкции носит недискретный характер.

Еще И.В. Киреевский писал: "Вы не можете сказать: бывало, я подойду к его двери, и этим кончить. Вам непременно надобно прибавить другой глагол, с которым 'подойду' будет взаимно относиться: я подойду, он отворит и тому подобное" [5/106].

Связь между действиями, которые являются элементами события, очень тесна. Предложение, представляющее собой кратно-соотносительную конструкцию, не может быть закончено после того, как названо одно из действий: обязательно должно быть названо и второе, иначе предложение окажется логически неполным.

Этому условию отвечают все типы сложноподчиненных предложений, но здесь вступают в силу еще и другие факторы (невозможность повторения ситуации, отсутствие соотносительных действий, предложение представляет собой не одно событие, а два разных), влияющие на избирательность КСК по отношению к разным типам предложений. В результате КСК могут выступать в следующих сложноподчиненных предложениях (по классификации "Русской грамматики"):

из предложений нерасчленной структуры - только в предложениях с местоименной связью частей;
из предложений расчленной структуры - в предложениях, выражающих временные, условные и уступительные значения, а также в некоторых фразеологизированных конструкциях со значением обусловленности (стоит/стоило только... как).

Те же факторы оказывают свое влияние в сложносочиненных и бессоюзных сложных предложениях, поэтому в некоторых разновидностях этих предложений КСК не могут быть представлены (в сложносочиненных предложениях с пояснительным и факультативно-комментирующим значением, где нет соотносительных действий, сама ситуация не пов-

торяется; с причинно-следственным значением, представляющими собой не одно событие, а два, и в некоторых других). Но кроме того, здесь играет определенную роль еще и вид глагола. Как отмечалось выше, КСК должна состоять по крайней мере из двух взаимообусловленных действий, из элементов, тесно связанных между собой. Если в сложноподчиненном предложении взаимообусловленность действий подчеркивается и самой подчинительной связью, то в сложносочиненном, где части предложения относительно самостоятельны, столь тесная связь между действиями, составляющими событие, реализуется в специальных условиях. Таким специальным условием существования КСК в сложносочиненном предложении является обязательное наличие хотя бы одного действия, выраженного глаголом совершенного вида; для того же, чтобы оба действия были представлены глаголами несовершенного вида, необходимы или повторяющиеся союзы 'то...то, ли...ли' или лексические показатели повторяемости, относящиеся к ситуации в целом - 'бывало (бывает), случается (случалось), по обычаю, как всегда' и др.:

Доносились ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал ли он романс или орган в ресторане, или завывала в камине метель, как вдруг воскресало в памяти всё: и то, что было на мону, и раннее утро с туманом на горах, и пароход из Феодосии, и поцелуи.

А. Чехов. Дама с собачкой.

Преклонив колена в дальнем углу, я то уходил в свои мысли, то уступая невольному любопытству, смотрел на всех этих людей.

Б. Констан. Адольф. /Перевод А. Кулишер/.

Бывает, в класс со двора влетает бабочка, мальчуганы встряхивают головами и начинают следить за полетом.

А. Чехов. Шампанское.

Недискретный характер построения КСК проявляется особенно ярко в тех случаях, когда соотносительные действия представлены глаголами разных видов, при этом на первом месте чаще всего стоит глагол совершенного вида в форме настоящего времени:

Верь болтуну! Услышит вздор и тотчас повторяет.

А. Грибоедов. Горе от ума.

Вынесение на первое место глагола совершенного вида в данном случае объясняется секвентностью - свойством выражать связь с предыдущим и, - что особенно важно для нас, - с последующим действием (секвентность, однако, понимается не как общее, инвариантное значение совершенного вида [4/74], а как частный функциональный признак). Таким образом, совершенный вид в начальной позиции в КСК показывает перспективу, выходящую за пределы самого действия, и, следовательно, требует каких-то

дальнейших действий, чаще всего выраженных несовершенным видом, реже - совершенным.

Шаловливо

На друга сонного порой
Плеснет холодной водой
И убегает торопливо...

Е. Баратынский. Эда.

Григорий иногда зевнет и непременно заключит зевок протяжным ревом или воем.

М. Горький. Супруги Орловы.

Встречается, хотя и нечасто, обратный порядок следования видов: глагол несовершенного вида, затем совершенного, при этом отношения между действиями в конструкции можно обозначить как "длительность - наступление факта":

Сидишь, бывало, вечером у открытого окна, один-одинешенек, заиграет музыка, и вдруг охватит тоска по родине, и, кажется, все бы отдал, только бы домой, вас повидать.

А. Чехов. Архиерей.

Длительность первого действия нередко подчеркивается повторением глагола несовершенного вида:

Вот эдакое он всегда говорит, иной раз слушаешь-слушаешь, да и страшно станет.

Н. Гоголь. Старосветские помещики.

Недискретное построение конструкции во всех случаях поддерживается и интонационными средствами.

6. Так как повторяемость события, представленного в КСК, является узuallyной, то при наличии условных отношений всегда выражается реальное условие.

В предложениях со значением нереальной обусловленности оба действия представлены как не имеющие места в действительности, повторение такой ситуации, тем более узuallyное, невозможно. В грамматическом отношении предложения нереальной обусловленности представляют собой построения неиндикативного типа, т.к. нереальное условие оформляется союзами 'если бы, ежели бы, коли бы, когда бы, добро бы' [13/563]. В КСК условные отношения оформлены союзами - 'если, ежели, коли (коль), коль скоро', - выражающими потенциальную (реальную) обусловленность; соотносительные действия представлены глаголами в изъявительном наклонении:

Всё приняло другой вид: если соседняя собака затесалась когда на двор, то ее колотили чем ни попало.

Н. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

Счастье - женщина: коли полюбит вдруг сначала, так разлюбит под конец.

М. Лермонтов. Вадим.

Ежели вы спросите: "Куда ранен? - носильщики сердито, не поворачиваясь к вам, скажут: в ногу или в руку, ежели он ранен легко..."

Л. Толстой. Севастополь в декабре месяце.

На взаимодействии значений внутренней обусловленности и противительности построены уступительные отношения. Поэтому уступительная связь входит, с одной стороны, в систему сложноподчиненных предложений со значением внутренней обусловленности, с другой - соприкасается с противительностью в сфере сочинения [13/586]. КСК может быть представлена как в той, так и в другой области, чем и обусловлено то обстоятельство, что чаще всего в КСК выражаются обобщенно-уступительные отношения, оформляемые местоимениями в сочетании с частицами 'бы' и 'ни': 'что бы ни, какой бы ни, куда бы ни, где бы ни'. Такие предложения стоят на границе между сложносочиненными и сложноподчиненными. В них акцентируется неопровержимость утверждаемого в главной части, вопреки силе препятствующих обстоятельств [13/592], то есть вопреки реальному условию.

Отец ее учился в деревенской школе и был очень ленивым учеником, и, какой бы ни шел урок, он все равно рисовал во время урока.

К. Симонов. Дома и чашки.

Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!...
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой.

М. Лермонтов. С.А. Бахметовой.

Реальное условие выражается и во фразеологизированных конструкциях со значением обусловленности с союзными соединениями 'стоит (стоило) - как':

Перепалки вроде этой случались постоянно: стоило ему попасться Старику на глаза, как тот начинал обзывать его "пустельгой", "ленивым шалопаем" и "никчемным стилижкой".

Стэн Барстоу. Отчаянные. /Перевод И. Куняевой/.

7. Действия, входящие в кратно-соотносительную конструкцию, как элементы, составляющие событие, могут быть отделены друг от друга только очень незначительным временным интервалом. Обычно они объединяются признаком близкого следования или полной или частичной одновременности. Отсюда можно сделать вывод о динамичности отношений в КСК, когда одно действие непосредственно следует за другим или совпадает с ним во времени.

Признак близкого следования или одновременности, а, следовательно, и динамичность присущи всем КСК, независимо от синтаксической структуры, в которой они представлены:

А конь всё копытами хрупаёт да фыркает. Ступит иногда с маху на медузу, разбрызгается она по песку, как редкий камень драгоценный.

Ю. Казаков. Никишкины тайны.

Однако наиболее рельефно они проявляются в сложносочиненных предложениях с придаточным временным:

Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем.

Н. Гоголь. Невский проспект.

Как только немцы поднимались из ложбины на ту сторону, — казаки спешивались и выпускали им вслед по обойме.

М. Шолохов. Тихий Дон.

Как, бывало, увидят ее, так и побегут прочь.

А. Чехов. В почтовом отделении.

8. Кратно-соотносительные конструкции характеризуются преимущественно активным субъектом действия.

Примерами из произведений художественной литературы, в которых все действия в КСК обозначались бы глаголами в форме страдательного залога, мы не располагаем. Лингвистический эксперимент, проведенный на имеющемся материале, позволяет сделать вывод о практической невозможности преобразования конструкции целиком в пассивную. Этому препятствует прежде всего следующий фактор:

Наиболее частотной глагольной формой в КСК является синкретичная форма глагола совершенного вида настоящего-будущего времени, совмещающая в себе признаки и настоящего и будущего времени [14/10]. При образовании формы страдательного залога, однако, требуется четкое разграничение форм настоящего и будущего времени (пассив от глаголов совершенного вида образуется путем присоединения вспомогательного глагола быть в соответствующей временной форме к краткому пассивному причастию СВ). Нелокализованность во времени события, выраженного в конструкции, мешает такому разграничению.

Если перечисленные факторы отсутствуют, то бывает возможен пассив, как правило, в одной части КСК. При употреблении формы прошедшего совершенного:

А когда недосказанный совет его был исполнен, то хитрый советник старался возбудить неудовольствие дворни, взглядом, движениями помогал им осуждать господина.

М. Лермонтов. Вадим.

При употреблении глаголов несовершенного вида в прошедшем или настоящем времени:

Если создается новая марка автомобиля, ее обязательно сопоставляют с существующими марками.

В. Стороженко. Семь раз отмерь.

Но даже и в этих случаях не все действия могут быть представлены как пассивные. Этому могут препятствовать такие факторы, как наличие деепричастных оборотов, фазовых глаголов, союзных соединений типа 'стоит (стоило)... как'.

Бывало, споет гондольер куплет, а Айвазовский тут же повторяет его, легко и свободно перенимая мотив.

А. Вагнер. Айвазовский.

Допустимо было бы преобразование "он тут же повторяется Айвазовским", но деепричастие, обозначающее действие, которое сопровождает действие основного глагола, может принадлежать только активному субъекту.

Нельзя представить в пассиве и действия в следующих КСК:

Чуть Петр Ипполитович заговаривал, его тотчас начинали перебивать, противоречить ему.

Ф. Достоевский. Подросток.

Но стоило какой-нибудь маске произнести более длинную стихотворную речь, тотчас же начинались свистки и ругательства.

Б. Франк. Сервантес. /Перевод А. Кочеткова/

Иногда пассив, казалось бы, допустим, однако такое высказывание было бы весьма искусственным и явно несвойственным русскому языку:

Писаки они не писаки, а вот то самое, что барышники на наших ярмарках. Нахватают, напросят, украдут всякой всячины, да и выпускают книжечки не толще букваря каждый месяц или неделю.

Н. Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала.

ср.: ...и выпускаются ими книжечки...

Если ко всем вышеназванным факторам добавить еще и ограничения, обусловленные лексическими значениями глаголов, то круг КСК, допускающих пассив, окажется чрезвычайно узким.

Кратно-соотнесенные конструкции, таким образом, представляют собой расчлененное событие узуального характера с динамичными отношениями между действиями, являющимися элементами события. Это значение КСК выражается и формируется такими грамматическими признаками как единый временной план действий, недискретный характер построения конструкции, отсутствие гипотетической обусловленности (т.е. наличие реальной) и активность субъекта.

Описанные на основе наших наблюдений признаки КСК взаимосвязаны и предопределяют друг друга. Сама структура и грамматические признаки КСК таковы, что служат средством выражения расчлененного события узуального характера.

Л и т е р а т у р а

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
2. Бондарко А.В. Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических категорий). Докт. дис. Л., 1968.
3. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.
4. Гуревич В.В. О значении глагольного вида в русском языке. - "Русский язык в школе", 1971, № 5, с.
5. Киреевский И.В. Письмо к К.С. Аксакову. - Полн. собр. соч., т. I. М., 1861, с. 105-106.
6. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
7. Лунева В.П. Соотносительность видо-временных глагольных форм в сложном синтаксическом целом. Автореф. канд. дис. Саратов, 1967.
8. Маслов Ю.С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. - В сб.: Вопросы славянского языкознания. М., 1954, с. 68-138.
9. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). - В сб.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959, с. 157-312.
10. Панова Г.И. Выражение повторяемости действия в современном русском языке. Канд. дис. Л., 1979.
11. Панцхава И.Д., Пахомов Б.Я. Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1970.
12. Поташкина Ю.А. О сущности функционально-семантической категории временной соотносительности действий в русском языке. - Уч. зап. ТГУ. - Тарту, 1978. - Вып. 439. Вопросы русской аспектологии. III. С. 118-135.
13. Русская грамматика. М., 1980.
14. Шелякин М.А. О спорных вопросах видо-временной системы современного русского глагола. - Уч. зап. ТГУ. Тарту, 1980. - Вып. 524. Труды по русской и славянской филологии. XXXIII. С. 3-23.
15. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. - В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 95-113.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КАТЕГОРИИ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ЕЕ ЧАСТНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ И МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМАХ

М. А. Шелякин

Категория степеней сравнения прилагательных описывается в русских грамматиках по-разному. Традиционной можно считать точку зрения, согласно которой в русском языке представлено три степени сравнения: положительная, сравнительная и превосходная. Вместе с тем положительная степень характеризуется в грамматиках как исходная форма, обозначающая признак предмета безотносительно к другим предметам (высокий дом), а сравнительная степень как форма, не всегда указывающая на превышение признака положительной степени: ср. 'он моложе его на два года' (предложение не означает, что оба субъекта являются обязательно молодыми). На этом основании некоторые исследователи исключают положительную степень из категории степеней сравнения и лишь условно причисляют ее к данной категории. В последнее время подобную судьбу испытывает и морфемно выраженная превосходная степень (ср. честнейший, глубочайший): полагая, что она по своему значению аналогична словообразовательным значениям (ср. большущий, превеселый, распрекрасный), ряд грамматистов рассматривает ее как словообразовательный тип (см. I, с. 547. Примечание 1).

Неоднозначно также решается вопрос и о морфологических формах сравнительной и превосходной степени. Традиционная грамматика включает в их число, помимо синтетических форм, аналитические формы типа "более высокий, самый высокий". Однако Русская грамматика-80 характеризует данные аналитические формы как описательные, а не морфологические средства на том основании, что формы "более, самый" сохраняют свое лексическое значение в сочетаниях с прилагательными (см. I, с. 562: Примечание).

С нашей точки зрения степени сравнения прилагательных являются словоизменительной, с семантической доминантой, синтагматически сильной, морфолого-синтетической и морфолого-аналитической, трехчленной категорией. Дальнейшее изложение вопроса посвящено доказательству этой классификационной характеристики.

Общим значением категории степени сравнения прилагательных можно считать выражение степени (меры) признака у предмета, без которой признак не имеет своей определенности. В этом отношении признак может быть представлен в его типичной степени (мере), свойственной ему в пределах того или иного колебания (см. об этом 2). Такая степень признака выражается положительной степенью, которая грамматически не предполагает синтаксического обозначения относительного характера степени признака. Положительную степень признака можно назвать абсолют-

ной (безотносительной): она отражает типичную меру признака у предмета. Даже когда степень признака дана с постоянным усилением/ослаблением по отношению к "норме", как это выражается параметрическими прилагательными типа "высокий, широкий, глубокий, большущий, толстенький, слабоватый", она остается типичной, безотносительной для данного проявления, так как соответствует нашим представлениям о всех высоких, широких, слабоватых и др. предметах.

Иной характер меры признака у предмета выражают формы сравнительной и превосходной степени. Обе они указывают на "плюсовую" степень признака предмета по отношению к выбираемой точки отсчета в данной ситуации. Эта точка отсчета обычно выражается: а) для компаратива - род. пад. или им. пад. с союзом 'чем' / лисицы хитрее волков, лисицы хитрее, чем волки), б) для суперлатива - предлогом 'из' + род. пад. мн. ч. или реже предлогом 'среди' + род. пад. мн. ч. / талантливейший из пианистов, среди пианистов), а также предлогом 'в' + предл. пад. в локативном или временном значениях (Байкал - глубочайшее озеро в мире, самой холодной погода была в январе). В ряде случаев объект сравнения предполагается самим употреблением форм компаратива и суперлатива и выражается контекстом: ср. 'Решение этого вопроса - важная задача. Но другая задача еще важнее; Важнейшим положением теории Соссюра является противопоставление языка и речи; Октябрьская социалистическая революция - самое важное историческое событие 20 века; Труднейший этап новой технологии - ее внедрение'. Объектом сравнения может быть и прежнее состояние одного и того же предмета, что вызывает абсолютное (без зависимой словоформы) употребление компаратива и суперлатива: ср. 'Вчера погода была теплее и суше; Наша семья стала многочисленнее и шумнее; Вчера был самый теплый день'.

Выражение степени признака формами сравнительной и превосходной степени можно назвать относительным: они устанавливают отношение "более" только к избираемой точке отсчета и не всегда обозначают фиксированную степень признака у предмета. Разница между сравнительной и превосходной степенями состоит в том, что для первой точки отсчета служит один или несколько предметов, а для второй - весь класс однородных предметов: в первом случае имеет место значение относительного превышения по степени признака, во втором случае - значение выделения предмета из класса предметов по предельной степени признака (значение превосходства). Эти два значения связаны между собой: значение относительной предельности (превосходства) включает в себе все превышения одного предмета над другим по степени признака, т.е. представляет собой градацию значения сравнительной степени.

Формы компаратива и суперлатива употребляются в русском языке, как и в других языках, и без словесно выраженной или контекстно самоочевидной точки отсчета. Ср. "Более закаленные люди обычно меньше болеют", "Его книги учат быть добрее и терпимее к людям", "Будьте ос-

торожнее с огнем", " Дайте воды похолоднее", "Этот курорт славится чистейшим воздухом", "Погода стояла самая чудесная" и под. Обычно такое употребление называют "безотносительным", имеющим значение усиленной или предельной степени признака. Суперлатив в таких случаях трактуется как элатив, синонимичный значению положительной степени в сочетании с наречными показателями высокой степени признака: 'чистейший воздух' = очень чистый воздух, 'сильнейший шахматист' = очень сильный шахматист. Однако синонимичные сочетания с наречиями все же отличаются от данного употребления сравнительной и превосходной степени тем, что они не подчеркивают выделяемость предмета по преобладающему количеству признака и не имеют субъективно-экспрессивного обозначения предельной степени признака. Здесь формы относительных степеней не теряют своих парадигматических значимостей: они также имеют в виду определенную точку отсчета. Бю является обобщенный, деконкретизированный объект сравнения как субъективно понимаемый носитель типичной степени признака, так что в "безотносительном" употреблении компаратива или суперлатива мы встречаемся опять-таки со значением превышения или превосходства степени признака, но уже по отношению к типичному для говорящего проявлению. Утверждая, например, что "более закаленные люди обычно меньше болеют", говорящий выделяет их среди всех закаленных людей"; характеризуя горный воздух курорта "чистейшим", говорящий выделяет его среди всех курортов с чистым воздухом; рекомендуя быть осторожнее с огнем, говорящий повышает степень признака по сравнению с типичным проявлением (ср. разницу: 'будьте осторожным с огнем' и 'будьте осторожнее с огнем'). Субъективно понимаемая точка отсчета, как правило, совпадает с объективным "положением дел", но она вносит элемент эмоционально-экспрессивного выражения степени признака. Поэтому говорящий может еще более усилить степень проявления признака путем присоединения к формам суперлатива приставок наи- (наиважнейший), пре- (предобрейший).

Таким образом, в категории степеней сравнения прилагательных положительная степень является не исходной для других степеней сравнения, а противоположной по признаку абсолютной/относительной меры признака. Лишь в определенных контекстах, когда предмет сравнивается с типичным признаком другого предмета или с типичным признаком обобщенных предметов, формы компаратива и суперлатива выражают соответствующие превышения по отношению к мере признака положительной степени. Хотя в формально-морфологическом плане большинство форм компаратива и суперлатива как будто образуется от основы положительной степени (ср. сухой - суше, важный - важнейший), на самом же деле они формально соотносительны не с формой положительной степени, совпадающей с формами рода, числа и падежа, а с чистой основой прилагательного. Следовательно, изменение прилагательных по степеням сравнения носит не морфолого-деривационный, а словоизменительный характер, подобный изменению по формам

рода, падежа и числа. Это подтверждается и тем, что ряд форм компаратива и суперлатива и формально, и семантически не соотносится с основами положительной степени: ср. 'высокий - выше' (компаратив соотносится со словом "высота", а не со словом "высокий", таковы же - 'глубокий - глубже', ср. глубина, 'дорогой - дороже' и др.).

Отношение абсолютного/относительного в степени проявления признака является отношением противоположности, и его члены взаимно предполагают друг друга. Внутри относительных степеней мы имеем дело с отношением градации. В этом заключается своеобразие и семантическая сложность категории степеней сравнения прилагательных.

Категория степеней сравнения в русском языке носит морфолого-синтетический и морфолого-аналитический характер. Аналитическими формами степеней сравнения являются сочетания прилагательных со служебными словами "более" и "самый". Они относятся к разряду служебных слов по следующим причинам:

1) Их значения не отличаются от значений синтетических форм компаратива и суперлатива: ср. 'красивее - более красивый, красивейший - самый красивый из всех';

2) Слово "более", считающееся сравнительной степенью наречия "много", семантически не соотносится с последним (не указывает на превышенную степень по отношению к "много") и самостоятельно, без прилагательных не употребляется в современном русском языке;

3) Слово "самый" в сочетании с прилагательными теряет местоименную функцию и только с ними выражает относительно предельную степень признака;

4) Слова "более" и "самый" имеют регулярный характер употребления для образования форм сравнительной и превосходной степени: в тех случаях, когда по структурным причинам нельзя образовать синтетические формы, выбираются сочетания прилагательных с этими словами, ср. внятный - более внятный - самый внятный (для превосходной степени они стали более обычными, чем синтетические формы);

5) Слова "более" и "самый" соотносительны между собой по значениям выражения относительной меры признака.

В заключение остановимся на определении общих и частных значений каждой формы степеней сравнения:

1) Общее значение формы положительной формы сводится к отнесению признака в типичной для него количественной определенности.

2) Общее значение компаратива заключается в выражении признака данного предмета в большей количественной определенности по сравнению с признаком другого предмета. Частными значениями сравнительной степени можно считать:

а) значение превышения признака по отношению к типичному признаку - нормативно-градуальное: ср. "Белей и чище покрывала был томный цвет ее чела" (Лермонтов), "Он не старался казаться себе более больным или слабым, чем был на самом деле";

б) Значение превышения релятивного признака - релятивно-градуальное. Оно отчетливо проявляется в предложениях соответствия, в которых выражается соответствие двух взаимосвязанных явлений по нарастающей степени их интенсивности (с союзом 'по мере того, как' и союзными сочетаниями 'чем, ... тем'): ср. "По мере того как ветер становился сильнее, сильнее шумели верхушки сосен"; "Чем значительнее победы советского народа, тем сильнее их вдохновляющая роль для трудящихся всего мира" (из газет). Ср. также другие предложения: "Когда меня зовут Тосей, я кажусь сама себе моложе. Мне ведь уже двадцать пять" (Горький), "Ну что же, - подумал Потапов, - с каждым днем делаешься взрослее, все строже смотришь вокруг" (Паустовский), "Не сробейте, братцы любезные! Вы моложе меня, свежей силою" (Лермонтов);

в) Значение ослабленного релятивного превышения (у префиксальных компаративов): "В другой группе были дети постарше", "Он постаршее ее лет на десять";

г) Значение обобщенного превышения: "На улице всем надо быть внимательнее", "Погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей" (Крылов).

3) Общее значение суперлатива заключается в выделении предмета по наличию предельной степени признака по сравнению со всем рядом (классом) однородных предметов. Частными значениями превосходной степени можно считать:

а) Суперлативно-относительное (или ограниченное): ср. "Среди нас она самая красивая девушка";

б) Суперлативно-нормативное (неограниченное): ср. "Ветер с океана - самый лютый из всех ветров" и под.;

в) Элативно-оценочное: ср. "Я знаю, что если я выйду за вас замуж, - продолжала Надя, - то я буду самая счастливая" (Чехов), "Правда, ярмарка была отличнейшая. Сами купцы говорят, что никогда не было такого съезда" (Гоголь).

Л и т е р а т у р а

1. Русская грамматика. Т. I, М., 1980.
2. Князев Ю.П. О семантике степеней сравнения прилагательных. УЗ Тартуского госуниверситета, вып. 524. Проблемы внутривидового и функционального описания языка. Труды по русской и славянской филологии. XXXIII, Тарту, 1980.

О НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ НЕУСТОЙЧИВОСТИ КАТЕГОРИИ РОДА В ЯЗЫКЕ РУСИН ЮГОСЛАВИИ

А.Д. Дуличенко

Язык русин Югославии формировался в сложных условиях взаимодействия двух диалектных стихий – закарпатскоукраинской и восточнословацкой и постоянного влияния на него окружающих языков – генетически родственных или неродственных вовсе. Первоначально это был венгерский, частично немецкий, а с ХУШ в., когда эта группа населения оказалась на территории нынешней Воеводины, также и сербско-хорватский. Именно эти два фактора – внутренний (диалектные стихии) и внешний (влияние окружающих языков) – являются основной причиной эволюционных процессов, которые переживает грамматическая система русинского языка в целом.

Не является исключением в этом плане и грамматическая категория рода имен существительных. Однако прежде чем указать на явления неустойчивости в родовом оформлении имен существительных русинского языка, скажем несколько слов о самой категории.

Все русинские существительные (за небольшим исключением) в единственном числе принадлежат к одному из трех родов – мужскому, женскому или среднему; во множественном числе родовая дифференциация отсутствует. Как и в ряде других языков, в русинском отнесение того или иного существительного к одному из трех родов в большинстве случаев семантически не обусловлено. Принадлежность русинского существительного к грамматическому роду определяется синтаксически и морфологически. В первом случае это происходит на основе: а) согласования существительного с прилагательным и некоторыми разрядами местоимений и числительных: вельки валал "большое село", велька драга "большая дорога", вельке приятельство "большая дружба"; б) координации родовых форм прошедшего времени ед.ч. глагола (исторически являющегося причастием на -л): оец принёсол "отец принес", мац гварела "мать говорила", дзивче чекало "девочка ожидала"; в) координации форм в составе сослагательного наклонения: швицел би мешачок "светил бы месяц", не плакало би дзивче "не плакала бы девочка", шестра би ше шмеляла "смеялась бы сестра".

Менее надежными оказываются морфологические признаки. Так, флексии им.п. ед.ч. не всегда могут быть ориентиром в определении рода, срав.: жена "женщина", но мац "мать", пустина "пустыня, пустырь", но жем "земля" и др. Однако большинству существительных в форме им.п. ед.ч. присущи родовые флексии: для жен. р. – -а (-я), для ср.р. – -о, -е (-е) и для муж.р. – нулевая флексия. Что же касается косвенных падежей, то здесь можно отметить, с одной стороны, флексии, индифферентные в ро-

довом отношении (особенно во мн.ч.), с другой стороны, некоторые падежные окончания могут стать дифференциаторами рода (особенно в ед.ч.). Так, противопоставленность муж и ср.р. женскому обнаруживается уже в род.п.: флексия -а, общая для существительных муж. и ср.р. (хлеба, щесца), противопоставлена флексии существительных жен.р. -и(-), например: сви́ні "свиньи". Исключение составляет лишь небольшая группа существительных муж.р. на -а(-я), имеющая в род.п. флексию -и: владики. В дат.п. существительные муж.р. имеют флексии -ови и -у(-ю), в ср.р. -у(-ю), например: селянови, валалу, полю; в то время как у существительных жен.р. та же флексия, что и в род.п.: швекри, т.е. -и. В вин.п. муж.р. представлен флексией -а (для одушевленных существительных) и нулевой флексией (для неодушевленных): же́ца "зятя", ве́чар; женский же - флексией -у(-ю): краву. Вин.п. ср.р. совпадает с им. п. Формы твор.п., совпадая в муж. и ср.р. (з краваром, з дзецком), также противопоставляются форме жен.р. (з руку "рукой").

Следует отметить также, что характерным признаком существительных жен.р. является совпадение форм род., дат. и предл. падежей, в то время как совпадение падежных форм у существительных ср.р. наблюдается только в им. и вин. падежах, а в муж.р. указанные два падежа совпадают только у неодушевленных существительных.

Говоря о явлениях родовой неустойчивости русинских существительных, мы прежде всего имеем ввиду случаи развития а) родовой противопоставленности, б) двойного рода и в) дублетных форм одного и того же рода.

1. Родовая противопоставленность. В русинском, как и вообще в славянских языках, существительные не изменяются по родам; родовая принадлежность их закреплена изначально. Род, таким образом, является несловоизменятельной категорией. И все же в языке находятся внутренние факторы, которые пытаются нарушить этот фундаментальный принцип. Правда, нарушения эти остаются на периферии, в целом не затрагивая существа грамматической категории и не изменяя ее установившейся системы. К нарушениям такого типа относятся весьма редкие случаи родовой противопоставленности отдельных существительных. Так, среди русинских одушевленных имен существительных имеется несколько примеров изменения существительных по родам. К таким существительным относятся, например, унук "внук" и сусед "сосед". На их основе образовались существительные жен.р. со значением лиц женского пола: унука "внучка", суседа "соседка", т.е. то, что в других славянских языках, например, в русском, выражается словообразовательными средствами. При этом ярко выраженная принадлежность этих существительных к жен.р. объясняется не только наличием в им.п. ед.ч. "женской" флексии -а, но и флексий всех косвенных падежей, совпадающих с основным типом склонения существительных жен.р. (т.е. на -а и -я). Вот несколько примеров контекста, подкрепляющих наличие родовой противопоставленности унук - унука, сусед - суседа: И тот мой унук єдного дня прешлого

мешаца пришол дому (Руске слово, 1966, 28.Х); Мам уну-ку - гвари мацери братняк - и дац би ю до школох. Бистра є, а жада буц учителька... (Е. Кочиш, Ляд на Га-радицох); Гинто бул знова мой сусед Ферко у нас (Руске слово, 1966, 2.ХІІ); Суседа, иста Ката, та достала на чуванє ниа, скаран'ка, шветского, пиян'цу пияного... (Шветлосц, 1970, 2, 95).

Существительные типа унука, суседа являются образованиями вторичного порядка и их появление может быть объяснено факторами внутреннего характера: с одной стороны, действием диалектных стихий, на основе которых формировался русинский язык, с другой - возможно допустить наличие аналогии с одушевленными существительными женского (естественного) рода со значением лица, срав.: шестра "сестра", жена "женщина", "жена", швекра "свекровь" и т.д. Подобного рода случаи противопоставленности наблюдаются и в других славянских языках, охватывая, правда, иной лексический материал, срав. в русском, например, неодушевленные существительные типа ставень - ставня (и заимствования типа плацкарта - плацкарт). В русинском, однако, речь идет о противопоставленности и грамматического, и естественного рода.

2. Двойной род. Отдельные русинские существительные могут выступать в формах муж. и жен. рода. К ним относятся существительные боль, циль, "цель", цинь "тень", которые согласуются с определяющими словами муж. р. и входят в ту же парадигму склонения, что и существительные муж. р. на согласный: А чи ши сам на шведце з больом? (Шветлосц, 1971, 1, 18); Залїване своїх родох Омилена ци робота, а надїя до успиху - то єдини циль живота (Антологія поезії, 59); А вон сцекол од тих гласох и од того страшного чарного чловекого циню (М.Кочиш, Крочаї). Эти же существительные выступают и в форме жен. рода: велька боль, перша циль (срав. мнение Г. Костельника в его книге "Грамматика бачваньско-русской бешеди", Срем. Карловци, 1923, с. 47).

У существительных миш и миша "мышь" и формально выражена родовая противопоставленность: Оцец го знял и положел г'у дружтву, а Яни ше такой спратал г'у Меланки як миш (Одгук з ровніни, 123); Миша ше видрапала на орманчик (Шветлосц, 1971, 1, 20).

Число существительных двойного рода в русинском языке имеет тенденцию к увеличению главным образом за счет заимствования лексики научного, общественно-политического и культурного назначения из сербско-хорватского языка, что накладывает отпечаток и на родовое оформление. Так, существительные "система", "телеграмма", "программа" и некоторые другие могут выступать в форме муж. рода, принимая вид "систем", "телеграм", "програм" и входя в парадигму склонения существительных муж. р. на согласный: Основни питаня у тим поглядзе тотї: рационалносц терашней організації система образования... (Руске слово, 1966, 25, П); - Телеграм - прегварел кед сом отворел облак и дал ми ко-

верту зоз телеграмом (Е. Кочиш, Ляд на Гарадичох).

Эти же существительные употребляются и в жен. роде; тогда они принимают вид система, телеграма, програма и склоняются, как существительные жен. рода на -а(-я), например: Прилапени тиж так и принципи котри ше находза у материяле "Система и политика ценох..." (Руске слово, 1971, 2, IV); культурней часци програми наступели госци (Руске слово, 1968, 5, IV); Медзи иншим, у телеграми стої же Югославия вше була думаня же сотрудництво арабских жемох од виталного значеня за нїх (Руске слово, 1969, 26 XII).

В последние годы в связи с активным вниманием к вопросу дальнейшего развития и совершенствования русинского литературного языка формы жен. рода этих существительных начинают преобладать, их использование рекомендуется и грамматиками литературного языка (см., например: М.М. Кочиш. Мадеринска бешед. Граматика за УШ класу основней школы. Нови Сад, 1968, с. 24, и др.).

3. Дублетные формы одного рода. Некоторые русинские существительные муж. рода по-разному оформлены в им.п. ед.ч. — нулевой флексией и флексией -а и относятся соответственно к различным типам склонения. Это существительные иноязычного происхождения, проникающие в русинский через посредство сербско-хорватского. Русинский здесь как бы повторяет ситуацию дублетности сербско-хорватского языка. Примером может служить существительное "поэт", выступающее одновременно и в форме "поет", и в форме "поета", причем вторая форма, по нашим наблюдениям, используется чаще и охотнее (как в сербско-хорватском): Я не поет, я син народу (Антология поэзии, 143); но: Винай як поета потвердзел же на його поезию мал найвекши уплїв Г. Костельник (Шветлосц, 1967, 2, 86) и т.д.

В последние годы количество дублетных форм одного и того же рода начинает увеличиваться в связи с тем, что суффиксальные существительные муж. рода на -а (типа "публициста", "тракториста" и под.) постепенно уступают в литературном языке место этим же существительным, но уже без флексии -а, т.е. с нулевой флексией: публицист, тракторист. В частности, рекомендацию такой замены дает автор упоминавшегося нами учебного пособия по родному языку М.М. Кочиш (с. 24). Само собой разумеется, что эти новейшие дублетные формы (без флексии -а) входят и в иное склонение. Несмотря на то, что в текстах художественной литературы и в периодике продолжаетеся использование форм на -а, новый родовой дублет начинает занимать свое место: Вон бул не лем трезби реалист и горуци революционер, але, насампредз, человек з високу интелектуалну культуру (Шветлосц, 1971, 1, 70); добри специалист, вельки ентузијаст, познати публицист и под.

К рассмотренным случаям неустойчивости родовой оформленности существительных русинского языка примыкает наблюдающаяся тенденция к утрате родовой дифференциации русинских фамилий. Некогда у русин существ-

вовала стройная и последовательная система дифференциации фамилий по роду, о чем свидетельствуют факты особенно разговорной речи, где фамилии употребляются небезразлично по отношению к мужскому или женскому полу; это подкрепляют также и примеры из периодической печати и художественной литературы на русинском языке. Женские фамилии в большинстве своем являются притяжательными прилагательными с суффиксом -ов-, к которому присоединяется родовая флексия -а: Вира Югасова (Югас), Мария Канюхова (Канюх), Ангела Колесарова (Колесар), Мара Паленкашова (Паленкаш) и т.д.

Нерусинские по происхождению фамилии, в которых отсутствует родовое различие, также могут дифференцироваться с помощью -ов(а), например, часто встречающиеся фамилии венгерского типа на -и (-i'): Мария Гарди - Гардийова, Любка Рагај - Рагајова, Любица Медеш - Медешова, Мария Няради - Нярадийова и под. Этому же процессу подвергаются и сербско-хорватские фамилии: Ирена Бишлич, председатель комисии за питање народносцох. И здесь же: Тиж так товаришка Бишличова ... (Руске слово, 1968, 10.У). Примечательно, что родовой дифференциации подвергаются и фамилии на -ски/-цки - с помощью тех же средств, т.е. суффикса -ов- и родового показателя -а, срав.: Мария Будински - Будинскова, Гелена Гаднянски - Гаднянскова, Нада Виславски - Виславскова, срав. в контексте: Юла Загорянскова бивала на концу валала (Е. Кочиш, Осушени слизи, 98).

Длительное историческое соседство югославских русин с сербами и хорватами отразилось на родовом оформлении русинских фамилий: возникла постепенная, но все более прогрессирующая тенденция, при которой фамилия теряет родовой признак, начинает осознаваться как нечто общее и равноправное по отношению к носителям мужского и женского пола. Эта тенденция, конечно, еще далека до своего завершения. Однако она находит благодатную почву в официально-деловой сфере, проникает в художественную литературу и периодическую печать. Сейчас, например, нередко можно обнаружить в одном и том же контексте женскую фамилию, употребленную с родовым показателем и без него, срав.: Наступел млади колектив, початници, помедзи хторих Михал Биндас, и Марча Кочиш заслужу найвекши припознања, а ле не вельо заостали за нима ани Любка Саламун, Ирина Страценски, Ганча Сивч... Медзитим, и Ганча Сивчова, а окреме Любка Саламунова, достали заслужени припознања (Руске слово, 1968, 9.Уш) и под.

Этот материал дает возможность сделать заключение о том, что в настоящее время родовая дифференциация русинских фамилий подвержена воздействию двух прямо противоположных тенденций. С одной стороны, грамматическая система русинского языка и языковое сознание его носителей стремится к сохранению специфики - способности различать фамилии по признаку мужского и женского пола; с другой стороны, неуклонно проявляется

тенденция к утрате этой дифференциации. Последнее, как мы уже указали, вызвано мощным односторонним воздействием сербско-хорватского языка.

В целом материал свидетельствует о достаточно большой неустойчивости в родовом оформлении русинских существительных. В литературном языке эта неустойчивость постепенно устраняется, поскольку кодифицирующие руководства стремятся рекомендовать для употребления какой-либо один тип родового оформления. При этом кодификаторы, как правило, учитывают не только соотношение с внутренней грамматической природой родного языка, но и ориентацию на тот или иной литературный язык-опору, как в случае с заимствованными существительными двойного рода и дублетными формами одного и того же рода, которые систематизируются с учетом ситуации в украинском литературном языке.

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

(на материале письменных памятников XIV - XVII вв.)

В.М. Свежинский

Польско-белорусские языковые контакты с переменной интенсивностью происходили на протяжении всего древнего периода белорусского языка. Они имели место в результате общения белорусов с поляками-переселенцами, использования польского языка на территории Белоруссии в качестве делового, литературно-художественного и литургического.

Формирование старобелорусского литературно-письменного языка за счёт использования польских элементов имело в целом положительный характер. Польский язык, который к тому времени достиг высокого уровня развития, служил для белорусского источником средств языкового выражения. Но чрезмерное в отдельных памятниках насыщение старобелорусского языка полонизмами вело к превращению последнего в белорусско-польский макаронический жаргон. Одним из таких памятников является известный "Дневник" новогрудского подсудка Ф.Евлашковского, в котором отдельные места представляют собой скорее записанную кириллицей польскую речь.

Интерференция двух языков имеет обычно разные результаты на разных уровнях языка, что зависит от степени системной организации того или иного уровня (8,81). По причине своей незамкнутости наиболее проницаемой для иноязычных элементов является лексика. Это подтверждается и результатами польско-белорусской языковой интерференции, выявленными в письменных памятниках XIV - XVII стст. (12).

Наибольшая необходимость в обогащении лексики новыми номинативными средствами возникает в периоды больших позитивных социальных изменений, когда общественные функции языка внезапно расширяются, а материальная основа его остаётся прежней, в результате чего образуется большой разрыв между потребностями в средствах общественной коммуникации и возможностями языка (9, 112). Возрастание количества лексических полонизмов в старобелорусской письменности в конце XIV-XVII стст. было обусловлено перестройкой государственного управления, судопроизводства на Белоруссии по польскому образцу в результате заключения Люблинской государственной унии, а также проникновением с Запада через польское посредничество католицизма и протестантизма. Эти обстоятельства вызвали возникновение массы новых понятий, для номинации которых собственных средств выражения в старобелорусском языке не хватало.

Однако прямое перенесение определённой последовательности фонем из одного языка в другой или лекси-

ческое заимствование - наиболее обычный тип лексической интерференции. Значительно реже встречается другой её тип - который представляет собой расширение употребления исконного слова в соответствии с моделью другого, воздействующего на него (13, 84). Этот тип в лингвистической литературе называется ещё семантическим сдвигом или семантической интерференцией (26, 21; 37, 227), а его результаты - семантическими заимствованиями (35).

Семантическое заимствование имеет место тогда, когда лексическое исключено по причине наличия в языке-рецепторе слова общего происхождения и словообразовательной структуры или только словообразовательной структуры с соответствующим словом воздействующего языка. Это особенно характерно для взаимодействия близкородственных языков, каковыми и являются польский и белорусский. Предшествующее сходство планов выражения таких слов распространяется на планы их содержания.

Результаты семантической интерференции зависят от того, какие слова контактирующих языков отождествляются в семантическом отношении - этимологически общие или межъязыковые словообразовательные омонимы. В первом случае за счёт семантических иноязычных инноваций происходит расширение семантического объёма исконного слова, во втором аналогичные омонимы возникают в языке-рецепторе. Разграничение этих двух типов семантических полонизмов производится путем установления наличия или отсутствия общих исходных семантем.

Большинство выявленных в старобелорусских письменных памятниках семантических полонизмов представляют собой отдельные значения в семантических структурах исконных слов. Этимологическая общность этих слов с соответствующими польскими иллюстрируется приведением их семантических структур полностью. Древнерусские параллели приводятся для иллюстрации отсутствия у них позднейших иноязычных семантических инноваций:

др.=русс. бѣгли 'беглец', старобелорусское - 'беглец': Алеѣнде^Р погна^Л с полко^М своимъ макидонски^М за бѣгльмъ войско^М бючи через все поле (6, 50); 'умелый, осведомлённый, развитый': абыхмо имъ чоловека добраго в праве земскомъ ма' деборьскомъ учоного и беглого ку довоженью справедливости прыдали (19, 206); сравн. польск. biegły 'беглец; умелый, осведомлённый, развитый';

др.=русс. выбити 'удалить ударом, выгнать вооружённой силой', старобелорусск. 'удалить ударом, выгнать вооружённой силой': подданыи господарскии Марковичи... трехъ дойлидовъ моихъ зъ гаю выбили и обрали (2, 26); 'вытоптать': тые броды вси отъ села Ляховець быдло выбило (7, 64); 'вырубить': сто^Л пъ... бы^Л поставлень, а

каза^Л на не^М той титуль литерами гре^Цкими и и^Ндѣйскими
выби^Т (5, 356); 'побить, отлупить': ѡнь... ча^Рнокниж-
ника такъ ба^Рзо выби^Л ихъ черезъ много годинъ бы^Л іакъ
уме^Рлы' (27, 1276); сран. польск. wybić 'выбить ударом,
пробить; вычеканить; перебить; отлупить';

др.=русск. добывати 'захватывать в виде добычи;
приобретать; находить, доставать; доживать; прижи-
вать; рожать детей; ст.-белорусск. - 'добиваться че-
го-н.': конѣдра^Т а доминака домѣ добыва^Л свидо^Чствомъ
(15, 20); 'захватывать в качестве добычи': а се пакъ
третіе с ким^Сь мы вожемъ с нѣмци а ѡни с ними полоцка
добывають (14, 440); 'искать': ѡни и тамъ его ѣ дру-
гомъ домѣ добывали али^Ж его люди посторо^Нни ретовали
(18, 135); 'взыскивать': таке дома кде тыи то звѣрта
наимоу^Т соу^Т королевскіи и земски^Х пано^В, иже с ни^Х
многіе дары добыва^Т (23, 436); 'вынимать, доставать,
выхватывать': ко^Рдовъ на мене добывали (18, 626); сран.
польск. dobywać 'длиться до определенного времени, ос-
таваться; добывать, брать; взыскивать что-н. по суду;
вынимать, доставать, выхватывать, вытягивать';

др.=русск. забѣчи 'спрятаться, убежать'; ст.-бе-
лорусск. - 'спрятаться, убежать': панъ едѣчы в ловы за-
бѣгль до ѡ^Дного гаю (27, 156); 'выбежать навстречу':
Входѣчи теды емѣ в' огородъ, забѣгъ емѣ діаволь з' ме-
чемъ голым' грозѣчисѣ на него (21, 156); 'помешать, вос-
препятствовать': моцны' троилу^С и пари^С и деебу^С з ве-
лико^{СТ}ю рыцере^В ты^М што хотели в мѣсто ѡвоити... за-
бегли (31, 286); 'предотвратить': и около того обмову
учинивши мѣлихмо ся старать, якобы того забѣчи могли (4,
114); сран. польск. zabić 'добежав, стать у цели; по-
бежав, посмотреть; с разгона забежать; выбежав, прегра-
дить путь; 'помешать, воспрепятствовать; заскочить на-
перед; начать бегать; перегонять';

др.=русск. заживати 'зарубцовываться (о ране)'; 'от-
рабатывать долг'; ст.-белорусск. - 'зарубцовываться (о
ране)': рана заживае^Т (33, 120); руки заживать мѣли (25,
325); 'пользоваться, употреблять': хто таки^Х сро^Дко^В

заживае^Т, пре^З іакие замазу мѣти хоче^Т греши^Т (28, 257); два способы еще зостаю^Т которы^Х маючы заживати, при ѡбжа^Рству (28, 996); 'ощущать': мѣщане наши сами трудности и обтяженья въ томъ немалого заживають (1, 148); 'употреблять внутрь': Вина венгерского не заживали передъ тымъ (26, 318); сравн. польск. zażywać 'употреблять, иметь в употреблении; употреблять, пробовать что-н.; пользоваться чем-н., обращаться к чему-н.; иметь пользу с чего-н., поступить с чем-н. надлежащим образом; употреблять, потреблять; зарубцовываться, заживать (о ранах)';

др.=русск. запирати 'закрывать на засов, замок'; др.-белорусск. 'закрывать на засов': и збираху бо и^Х и запираху ѳ свой^Х изба^Х и зажигахоу (14, 4496); 'отрекаться': оуже есмь повѣдѣль ижъ того не заперак (11, 1966); сравн. польск. zapierać 'задерживать; запирать на засов; отсекаться, отказываться';

др.=русск. сьволочи 'снять, сбросить, раздеть', ст.-белорусск. зьволочи 'стянуть, снять': зволокла есми сорочку мою (29, 84); они ухвативши мя съ коня зволокли (2, 190); 'раздеть': каза^Л его з ша^Т ѡны^Х зволочи (10, 3746); 'промедлить': неви^Н не часъ ѳникаючы права зволокли (19, 144); сравн. польск. zwlięc 'стянуть, сорвать, снять, раздеть, постыгивать, посдирать, поседевать, стянуть (вниз); стаскивая, сволокивая, собрать; стянуть в кучу; оттянуть, провозиться, затянуть, просрочить, задержать, продержать, промедлить, отложить';

др.-русск. карати 'каратъ, наказывать, казнить'; ст.-белорусск. - 'каратъ, наказывать, казнить': бгъ не ѡ^Зна^Лми^Л іаки^М кара^Немъ мае^Т кара^Т люде' за то^Т гре^Х (28, 2226); 'укорять, упрекать, критиковать': послалъ был по Аксютигу... которая, пришотшы, почѣбла сестру карат словы (2, 537); іамъ в ни^М кара^Л ѡбжа^Рство и пиа^Нство (30, 579); сравн. польск. karać 'учинять над кем-л. кару; предостерегать; поучать, уговаривать; удерживать, успокаивать, задерживать, укрощать; кусать, грызть';

др.-русск. общий 'общий': ст.-белорусск. общий, об-

чий, 'общий': хвалю общее воскресение члвческому родоу (33, 313); 'посторонний, чужой, иностранный': иосифъ... приказа^л абы вси во^н вышли, а жаде^н ѡбчы' не бы^л при по^зна^ню споле^чно^м (9, 326); сравн. польск. obcy 'общий; чужой, посторонний, иностранный';

др.-русск. остри 'заострённый, острый, остроко-
нечный, шершавый', ст.-белорусск. - 'заострённый, ост-
рый, остроконечный': просил есми бога, абыхъ не вмер
наглою смертью ѡ^т жестоких вдарцовъ твоихъ и ѡ^т стро-
го меча твоего (24, 111-112); 'суровый, жестокий': а
коли буде^т перва стража нocy, укинетъ витездъ на ѡстрые
муки (24, 113-114); сравн. польск. ostrzy ^б 'остроконеч-
ный, колючий, заострённый, рубящий; шершавый; быстрый,
подвижный, спешный, резкий, размашистый; мгновенный;
строгий, суровый';

др.-русск. отнести 'отнести', ст.-белорусск. 'от-
нести': до пана Скрутя, ревизора однесли кореня (17,93);
казаль панъ войть до господы однести фляшь две (17,101);
'подвергнуться, ощутить, перенести': кара^не ѡ^тнесе^ш (30,
96); сравн. польск. odnieść 'отнести;подвергнуться,по-
чувствовать, перенести';

др.-русск. рассказати 'рассказать, научить', ст.-
белорусск. - 'рассказать': росказа^л гама^н зереши женѣ
своеи и вси^м приателе^м свои^м все што приключило^с ему
(29, 131); 'загадать': мы рассказали тому служебнику на-
шому Митку послолу съ тобою, того Волоса въ тотъ домъ
оувязати (20, 22), сравн. польск. roskazać 'распоря-
диться, приказывая, отдать приказ, приказать; наказать;
поручить; обратиться с потребностью; передать, выделить,
ассигновать (деньги)';

Отождествление семантики польского и белорусско-
го словообразовательных омонимов привело к возникнове-
нию аналогичных омонимов в старобелорусском языке:

др.-русск. заступъ 'вид лопаты', ст.-белорусск. за-
ступъ I 'вид лопаты': не маючи заступа ани мотыкі сты'
зосимъ чи^м бы ме^л выкопа^т дльа тѣла стое маріи љаму (30,
1456); 'войско, застава, охрана, защита': Авенада^д ца^р сирі'ски'
собра^л вве^с заступъ свои^х люде' (10, 122); сравн. польск.

zaster 'нападение; оборона; оборонный вал; войско; бременность'. Сопоставление древнерусского и польского слов в приведённом случае не обнаруживает общности исходных значений, что свидетельствует о принадлежности указанных слов к межъязыковым словообразовательным омонимам. В результате семантической интерференции межъязыковые омонимы стали внутриязыковыми.

Польские семантические заимствования отмечаются в памятниках наряду с другими польскими элементами различных уровней языка. Они возникли в результате двуязычия авторов или перелисчиков соответствующих текстов. Следовательно, можно предположить, что они носили книжный характер и поэтому не сохранились в белорусском литературном языке до настоящего времени.

Выявление и анализ семантических полонизмов, правильное разграничение их типов имеет важное значение для практики составления "Исторического словаря белорусского языка". Иноязычные семантемы, появившиеся в результате отождествления этимологически общих слов двух языков даются, как правило, под одним заглавным словом. В отличие от этого семантические полонизмы, являющиеся результатом отождествления межъязыковых словообразовательных омонимов, даются в отдельных статьях под двумя заглавными словами, которые нумеруются римскими цифрами.

Условные сокращения

1. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, т. П. Вильна, 1867.
2. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, т. ХУП. Вильна, 1890.
3. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, т. XXXIX. Вильна, 1915.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России, т. IV. СПб., 1851.
5. Александрия начала ХУП ст. Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф. ХУП, 5, лл. 1-45.
6. Александрия 1697 года. Неполный список Александрии. Рукопись Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина.
7. Археографический сборник документов, относящихся к истории Западной Руси, издаваемый при Упр. Вилен. учеб. округа. т. I. Вильна, 1867.
8. Н.А. Баскаков. Двуязычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков. — Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1970.
9. А.Я. Баханькоў. Семантычнае асваенне беларускай мовай іншамоўнай лексікі. — Весці Акадэміі навук БССР, серыя грамадскіх навук, № 2, 1980.
10. М. Бельскі. Летопісець то есть кройнік з роз-

ных многих а досветочных авторов и историков диялектом руским есть зложона (нач. ХУП ст.). Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф. IV, 688.

11. С. Будный. Катехисисъ для детокъ хрїстианскихъ языка руского коротко выложена (Клецк, 1562).

12. А.М. Булыка. Лексїчныя запазычаннї ў беларускай мове XIV-XVIII стст. Мінск, 1980.

13. У. Вайнрайх. Языковые контакты. Киев, 1979.

14. Виленский список летописи конца ХУ ст. Рукопись Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР, ф. Вх, ед. хр. 49.

15. Вислицкий статут ХУ ст.

16. А.І. Жураўскі. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967.

17. Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской, т. 9. Витебск, 1878.

18. Книга Витебского земского суда 1503-1540. Рукопись ЦГАДА, ф. 38, кн. 225.

19. Книга Льва Сапеги 1596-1598 гг. Рукопись ЦГАДА, ф. 389, кн. 4.

20. Литовская метрика. Книга судных дел. - "Русская историческая библиотека", т. XX. СПб, 1903.

21. Макарий. Духовные беседы святого отца нашего Макария, пустелника египетского (Вильна, 1627).

22. В.В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.

23. Повесть о трёх королях-волхвах конца ХУ ст. Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, I. 391, лл. 38-966.

24. Повесть о Тристане и Изольде ок. 1580 г. Рукопись Библиотеки Рачинских в Познани, № 94.

25. Пролог XVII ст. Рукопись Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, ф. 256, № 325.

26. Речь Ивана Мелешки конца XVI ст. - Хрестаматя па гісторыі беларускай мовы, ч. I. Мінск, 1961, с. 316-319.

27. Сборник поучительных новелл религиозного содержания середины ХУП ст. Рукопись Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР, № 107.

28. Сборник поучений начала ХУП ст. Рукопись Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР, № 261.

29. Сборник библейских книг начала XVI ст. Рукопись Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР, № 262.

30. Сборник житий святых второй половины ХУП ст. Рукопись Государственного исторического музея СССР, Собр. синод. № 752.

31. Троянская история I-й половины XVI ст. Рукопись библиотеки Академии наук УССР, ДА Іп, 157.

32. E. Haugen. The Norwegian Language in America. Philadelphia, 1963, 2, 459.

33. Четья 1489 г. Рукопись библиотеки Академии наук СССР, ДА/415 л.

34. С. Эрвин. Семантический сдвиг при двуязычии: Новое в лингвистике, вып. VI. М., 1972.

ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ В ФОНОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Ю.С. Кудрявцев

Основными вопросами, возникающими при фонологическом описании¹ славянского падения редуцированных, являются следующие:

- а) какова причина данного звукового изменения;
- б) каково соотношение фонологического и фонетического изменений в общем процессе падения редуцированных;
- в) каким образом данное фонетическое изменение произошло, не прервав нормального функционирования языковой системы в языковом коллективе; это один из центральных вопросов теории фонетических изменений: как сочетаются в реальной языковой действительности функционирование системы и одновременное ее изменение?

Предлагались разные решения первого из этих вопросов. Традиционно как причина падения редуцированных рассматривается их особая краткость (ее называют сверхкраткостью, редуцированностью). Однако в любом языке существуют наиболее краткие гласные: это гласные верхнего подъема². Если язык обладает фонологической опозицией "долгота-краткость", то самыми короткими по звучанию в нем являются фонологически краткие гласные верхнего подъема. Именно такими были праславянские * *i*, *u*, давшие в дальнейшем [ь] и [ѣ]. Однако не во всяком языке и не во всякий момент происходит исчезновение из произношения наиболее коротких гласных. Сама сверхкраткость не могла вызвать исчезновения, как не может вообще быть причиной диахронического процесса синхроническое качество звука. Должна сложиться особая ситуация, чтобы максимально краткие гласные звуки перестали произноситься. Выяснение особенностей такой ситуации требует остановиться на характеристике звуковой системы праславянского языка с привлечением типологических материалов.

В последние годы вопрос о причине падения редуцированных вновь поднимается в ряде работ. В.В. Иванов³ указывает на малую функциональную нагрузку противопоставлений [ь] и [ѣ] соответственно [o] и [e] в древнерусском языке. В.М. Марков⁴, с другой стороны, подчеркивает отсутствие противопоставленности редуцированных гласных нулю фонемы, воплощенному в речи в виде нефонематического гласного призвука. В.В. Колесов⁵ отмечает ряд своеобразных черт в статистическом распределении редуцированных по позициям; на его взгляд, эти черты могли повлиять на судьбу [ь] и [ѣ]. В.К. Журавлев⁶ связывает падение редуцированных с процессом распада группофонемного строя праславянского языка.

Наконец, В.Н. Чекман⁷ предпринимает попытку рассмотреть славянское падение редуцированных на фоне сходных фонологических изменений в других языках.

В названных работах содержатся ценные идеи и большой фактический материал, позволяющие в комплексе удовлетворительно описать интересующее нас звуковое изменение в причинно-следственном аспекте. Однако цельное более или менее подробное раскрытие этой проблемы в литературе отсутствует.

В праславянском языке выделяется группа процессов, которые принято объяснять законом открытого слога или тенденцией к восходящей звучности. Это: а) нафтонгизация дифтонгов; б) изменение дифтонгических сочетаний с носовыми согласными в носовые гласные; в) изменения дифтонгических сочетаний с плавными согласными; г) изменения праславянского конца слова (отпадение согласных). Если добавить сюда: д) изменения групп согласных с *j; е) упрощение других групп согласных; ж) стяжение гласных; з) появление протетических согласных; и) появление "неорганических глухих", впервые детально исследованное в указанном труде В.М. Маркова, то окажется, что большая часть праславянских фонетических изменений происходит в рамках тенденции к унификации структуры слога по типу согласный+гласный (СГ). Эту элементарную структуру Г.И. Климовская очень удачно назвала "идеальной" структурой или "идеальным слогом"⁸. От открытого слога "идеальный" отличается элементарным характером своей инициали (не более одного согласного). С точки зрения лингвистической типологии слог такого вида действительно является наиболее распространенным; отсюда можно сделать вывод, что он наиболее удобен для произношения и в этом смысле "идеален".

Характерной особенностью фонологической системы, в которой все слоги имеют структуру СГ, является некоторая функциональная избыточность в области гласных элементов. Именно, один из гласных может быть без ущерба для различения слов и словоформ заменен нулем звука - отсутствием фонемы. При наличии в системе других типов слогов это невозможно. Дело в том, что выпадение гласного в цепочке фонем, построенной по принципу строгого чередования согласных и гласных, создает новую цепочку, причем такую, какая была невозможна в исходной системе. Сочетания согласных или консонантные финали, возникающие в такой новой цепочке, не встречались в исходной цепочке. Следовательно, редукция гласного до нуля в конкретных словоформах, построенных по принципу чередования СГ, не может повести к совпадению этих словоформ с уже имеющимися в системе, т.е. к увеличению омонимии.

Таким образом, в системе позднего праславянского языка сложились функциональные предпосылки для устранения из нее (и из ее речевой реализации) одного из гласных.

Как известно, функциональная нагруженность фонологических оппозиций (т.е. наличие минимальных пар по

данному противопоставлению) не обязательно служит препятствием для нейтрализации оппозиции. Современный русский язык содержит немалое количество омонимов (и особенно омоформ), возникших вследствие подобных звуковых процессов. Однако естественно ожидать, что функциональная нагрузка влияет на судьбу фонемных противопоставлений, делая более устойчивыми из них те, по которым противопоставляется большее число словоформ. Верно, очевидно, и обратное: минимальная нагрузка способствует нейтрализации. В системе, где все слоги имеют структуру СГ, функциональная нагрузка противопоставления одной из гласных фонем отсутствию фонемы, как мы показали, равна нулю. Такая ситуация провоцирует фонематическое изменение.

Еще одна особенность описанной фонологической ситуации состояла в том, что устранение из системы одного из гласных вело к экономии (функциональной) одновременно в двух планах: парадигматическом и синтагматическом. С одной стороны, уменьшалось количество фонем в системе, с другой стороны, число фонем в слове также уменьшалось. Обычно парадигматическая и синтагматическая экономия связаны обратной зависимостью: экономия в линейном плане вызывает увеличение числа единиц в системе (ср. изменение групп согласных с *j в праславянском языке, создавшее новые фонемы - мягкие согласные⁹) и наоборот (ср. распад дифтонгов перед гласными в праславянском: *ro₁op-вместо 1 единицы *o₁ появляются две - o + j). Положение, сложившееся в позднем праславянском языке по отношению к редуцированным гласным, встречается редко и так же, как и функциональная ненагруженность, "работает" на фонетическое изменение.

На роль функциональных отношений в подготовке падения редуцированных впервые было указано В.М. Марковым.¹⁰ Однако В.М. Марков в характеристике структуры слога праславянского языка остается на позициях закона открытого слога, что, на наш взгляд, не позволяет раскрыть функциональную перспективу изменения во всей широте. Как мы видели, предпосылкой падения редуцированных было однообразное устройство инициали, а не финали слога. Естественно поэтому, что В.Н. Чекману¹¹, исследовавшему это звуковое изменение в типологическом плане, не удалось установить причинной связи между законом открытого слога и падением редуцированных. В то же время В.Н. Чекман установил важную закономерность: в языках с законом идеального слога "падение редуцированных" не происходит, если в инициали слога возможны геминаты. В свете вышесказанного понятно, чем объясняется такое правило: стяжение одинаковых согласных в цепочке СГСГ после выпадения интерконсонантного гласного давало бы геминаты и их совпадение со старыми геминатами вызывало бы увеличение омонимии.

Историко-типологические сопоставления указывают на несомненную связь закона идеального слога и изменений типа падения редуцированных. Такая связь наблюдается в истории латинского, индоиранских, французского, новогреческого¹² и других языков. Более подробно о типологии падения редуцированных мы высказывались в рецензии на книгу В.Н. Чекмана¹³. Здесь хотелось бы отметить только почти идеальное соответствие древнеславянскому изменению в падении "новых" редуцированных, которое сочетается с широким процессом появления гласных эпентез и наблюдается в отдельных южнорусских говорах в настоящее время.¹⁴

Такое объяснение причин падения редуцированных выдвигает новый вопрос. Почему в процессе падения утратились две гласных фонемы, а не одна, как это должно следовало из вышесказанного?

Для объяснения рассмотрим сначала ситуацию, сложившуюся перед падением редуцированных в древнерусском языке. В результате вторичного смягчения полумягких согласных древнерусский слог окончательно превратился в фонологическую единицу с тесно спаянными между собой гласным и согласным элементами. Объединяющим началом в этой фонологической единице оказался суперсегментный ДП, который мог принимать в конкретном слове два противоположенных друг другу значения: 1) твердость согласного + задний ряд гласного; 2) мягкость согласного + передний ряд гласного. Данное обстоятельство позволило Р.И. Аванесову¹⁵ заключить, что в древнерусском языке после вторичного смягчения полумягких согласных образовались особые фонологические единицы, по функции равнозначные фонеме, т.е. являющиеся различителями слов и их форм, но по своей протяженности превышающие фонему и включающие в себя в качестве материального репрезентанта целый слог.

Р.И. Аванесов назвал их силлабемами. Его анализ особенностей древнерусской фонологической системы оказался убедительным для большинства исследователей. Вслед за Р.И. Аванесовым В.К. Журавлев счел возможным рассматривать как фонологическое единство также и праславянский слог (назвав его группофонемой).¹⁶

Образование комплексного, суперсегментного ДП слога древнерусского языка произошло вследствие установления обязательной, облигаторной связи между прежде факультативно зависимыми дифференциальными признаками "мягкость-твердость" у согласных и "передний - задний ряд" у гласных. Облигаторность этой связи в древнерусском языке эпохи, непосредственно предшествующей падению редуцированных, выражалась во взаимно дополнительном распределении значений названных ДП у гласных и согласных в слове. За твердыми согласными всегда следо-

вали гласные заднего ряда, за мягкими - гласные переднего ряда. Поскольку вследствие закона идеального слога не существовало позиций, где гласный или согласный выступали бы изолированно, вне связи с элементом противоположной природы, постольку в данной системе не существовало односторонней обусловленности признака ряда гласного признаком "твердость-мягкость" согласного (как это обстоит в современном русском языке), так же как не существовало и противоположной обусловленности. Тем не менее названные признаки продолжали осуществлять различение слов и словоформ и, следовательно, сохраняли фонологический характер, поэтому неизбежен вывод о функциональной природе суммы этих ДП, приобретшей в системе роль суперсегментного фонологического признака.

Что касается праславянского языка, то в нем связь названных дифференциальных признаков была факультативной, не обязательной, хотя большинство слогов реализовало эту связь. Зависимость ДП здесь имела поэтому статистический характер. После мягких (палатальных, первичного смягчения) согласных могли встречаться только гласные переднего ряда¹⁷. Что касается сочетаний твердых согласных с гласными переднего ряда, то они были возможны (*biti, b'eliti и т.д.). Поэтому слоговые единицы праславянского языка не носили фонологического характера. Название "группофонемы" подчеркивает их составную природу - они представляют собой группы фонем, объединенных в слог и связанных между собой фонематическими предпочтениями (гласные переднего ряда чаще сочетаются с мягкими согласными, гласные заднего ряда - только с твердыми).

Тем не менее роль группофонем как предпосылки для развития силлабемного строя в славянских языках очень велика. После их возникновения оставался лишь один шаг к окончательному утверждению силлабемного строя. Русский язык сделал этот шаг в форме вторичного смягчения полумягких, когда факультативная связь ДП "передний - задний ряд" и "мягкость-твердость" превратилась в обязательную. Вторичное смягчение - еще одно проявление тесной связи между элементами слога, характерной для позднего праславянского языка и являвшейся следствием "закона идеального слога". В результате этого смягчения все твердые (фонологически, а фонетически - полумягкие) согласные перед гласными переднего ряда перешли в мягкие ([b'it'i > b'it'i; b'el'it'i > b'el'it'i] и т.д.). Из системы древнерусского языка исчезли сочетания твердых согласных с гласными переднего ряда, односторонняя зависимость, существовавшая в праславянском языке, превратилась в двустороннюю. Группофонема стала силлабемой.

Фонологи, не принимающие теорию древнерусских сил-

лабем, обычно указывают на сочетаемость в древнерусском языке мягких согласных с гласными [u], [a]: земл'ю, волю¹⁸. На наш взгляд, эти гласные, этимологически действительно принадлежавшие заднему ряду, в расматриваемый период в положении после мягких согласных были уже гласными переднего ряда. В праславянском языке они должны были пережить передвижение в передний ряд аккомодирующего характера (подобное передвижению *u > i; *ь > ъ; *o > е в той же позиции): *u > ï; *a > ä. Доказательством этого изменения является раннее смещение в древнерусских памятниках букв Ѣ и Ю, а также употребление в некоторых из них буквы V, по мнению В.В. Колесова, служащее указанием на наличие в древнерусской фонетической системе лабиализованной гласной фонемы верхнего подъема переднего ряда¹⁹.

Образование в древнерусском языке силлабем оказало свое влияние на функциональные отношения в системах вокализма и консонантизма древнерусского языка. Из каждой гласной и согласной фонемы был как бы "вычтен" один из признаков, вошедший в состав комплексного ДП; этот признак теперь характеризовал слог в целом. В результате установились отношения функциональной эквивалентности между: а) твердыми и мягкими согласными; б) гласными переднего и заднего ряда. В области вокализма такими отношениями связывались: [i] - [y], [o] - [e], [ъ] - [ь], [a] - [ä], [u] - [ü]. Члены этих пар оказались в дополнительном распределении по отношению друг к другу.

Эта функциональная эквивалентность не осталась без последствий для судьбы данных гласных фонем. Она привела: к совпадению /i + y/, /a + ä/, /u + ü/ в одну фонему²⁰; к сложной на русской почве истории отношений [o] и [e]²¹ (переход e > o; объединение их в одну фонему в диалектах); к тождеству судьбы [ъ] и [ь] - падению редуцированных.

Таким образом, падение редуцированных не противоречило функциональным отношениям в области гласных древнерусского языка. В период непосредственно перед этим фонетическим изменением [ъ] и [ь] представляли собой, по сути дела, единую фонему²², аллофоны которой были связаны между собой дополнительным распределением, общностью ДП и в ряде случаев фонетическим чередованием в пределах одной морфемы (конь - столъ).

Эта фонема противопоставлялась пяти другим гласным фонемам системы (/i + y/, /u + ü/, /o + e/, /a + ä/, /ѣ + ѡ?/, но не была противопоставлена нулю фонемы, что и привело к ее "падению".

Итак, прежде чем произошло падение редуцированных, звуки [ъ] и [ь] слились в одну фонему в древнерусском языке. Общая судьба названных звуков во всех славянских языках подсказывает, что не только в древнерусском перед

падением произошло слияние редуцированных в одну фонему. Это не значит, что в каждом славянском языке произошло вторичное смягчение полумягких. В одних оно действительно произошло (нпр., польский), в других его не было (нпр., сербохорватский). Но для создания силлабемного строя был и иной путь, кроме вторичного смягчения.

В позднем праславянском языке имелось три типа слогов; в одном из них твердый согласный сочетался с гласным заднего ряда; общим признаком такого слога являлась лабиовеллярность, или лабиовеллярный комплекс; противоположным ему по качеству выступал признак палатальности (у т.н. "исконно мягких согласных"), который распространялся также на весь слог, вызывая передвижку гласного в передний ряд. Средним членом этого противопоставления выступал слог, сочетающий согласный элемент палатализованной (полумягкой) природы и гласный элемент переднего ряда. Как показывает вторичное смягчение, градуальная оппозиция слогов: $t^{\circ}y - ti - t^{\circ}i$ (здесь t - любой согласный, y/i - условное обозначение гласных, различающихся только по ряду) была неустойчивой; ее крайний член $t^{\circ}i$ стремился совпасть в звуковом облике со средним (немаркированным как по признаку палатальности, так и по признаку лабиовеллярности), что приводило к нейтрализации противопоставления слогов $ti - t^{\circ}i$. Для этой нейтрализации в праславянском существовали благоприятные функциональные предпосылки: большинство палатальных согласных не имело твердых пар; будучи рефlekсами твердых согласных, палатальные как правило отличались от них местом и/или способом образования (k/\acute{k} , g/\acute{g} , ch/\acute{s} , k/c , $g/d^{\circ}z^{\circ} > z^{\circ}$, ch/s° , $t/\acute{s}t^{\circ}$, $d/\acute{z}d^{\circ}$ и нек. другие пары). Поэтому нейтрализация ДП палатальности, затронув большое количество слогов и будучи весьма существенной в системном плане, привела к относительно небольшому увеличению омонимии (совпадение слогов типа $si/s^{\circ}i$, $zi/z^{\circ}i$, $ri/r^{\circ}i$, $li/l^{\circ}i$, $ni/n^{\circ}i$; для славянских диалектов, знавших $d^{\circ}z^{\circ}$, следует исключить из этого списка тип $zi/z^{\circ}i$). Фонетическим результатом такой нейтрализации было устранение из произношения палатальных согласных. Поэтому, нпр., в русском языке отсутствуют согласные такой степени смягчения, какая имеется в сербохорватском (если таковыми не являются согласные в сочетании с j : белье, старье; недавно Ж. Дюрен²³ поставил вопрос о различении в русском языке трех степеней твердости-мягкости: он видит в составе твердых согласных дополнительную артикуляцию отвердения (ДАО), противопоставляя ей дополнительную артикуляцию смягчения (ДАС); в этой схеме обычные мягкие согласные оказываются немаркированными - типологически это отчасти совпадает с картиной в позднем праславян-

ском языке; см. выше о лабиовелярности и палатальности).

Однако слабость градуальной оппозиции праславянских слогов исторически могла найти другое выражение: в устранении противопоставления лабиовелярного члена среднему, ($t^{\circ}y - ti$). В этом случае слог $t^{\circ}y$ терял ДАО, согласные звуки $t^{\circ} - t$ совпадали в звучании; т.к. они и прежде были аллофонами одной фонемы, фонологическая нейтрализация происходила за счет гласных звуков, которые должны были совпадать попарно в одной фонеме. Эта нейтрализация была альтернативной вторичному смягчению; она сохраняла палатальные согласные, но устраняла веляризованные, а также упрощала систему вокализма. Данная нейтрализация имела худшие функциональные предпосылки, нежели вторичное смягчение. Противопоставление гласных по ряду различало, по-видимому, значительное число словоформ, хотя и было не вполне устойчивым в праславянском языке (на что указывает переход в передний ряд гласных после согласных первичного смягчения). Однако некоторые гласные противопоставлялись функционально по этому признаку слабо. Как показывает материал словаря И.И. Срезневского²⁴, исследованный В.В. Ивановым²⁵ (поскольку И.И. Срезневский не различал памятников древнерусского языка и церковно-славянского языка русского извода, значение этого материала шире рамок русского языка), функциональная нагрузка противопоставления [ъ] - [ь] была малой²⁶. Для нашей темы (редуцированные гласные) это имеет решающее значение. Утрата лабиовелярности в слогах типа $t^{\circ}ь$ могла произойти без особого ущерба для системы языка в целом.

Материал ряда славянских языков (сербохорватский, словенский) указывает на совпадение обоих редуцированных в одной фонеме, причем nelaбиализованной (а, е) - признак лабиализации был утрачен в составе слогового признака лабиовелярности. "Смещение еров" вплоть до наличия в рукописи одной гласной буквы для обоих редуцированных наблюдается уже в памятниках старославянского языка (Ассеманиево евангелие и др.). То и другое указывает на фактический характер нейтрализации признака лабиовелярности, возможность которой мы вывели теоретически.

Обе альтернативные нейтрализации имели одинаковые последствия для судьбы фонологического противопоставления редуцированных: оно включалось как синтагматический компонент в слоговую оппозицию по твердости-мягкости, реализуемую в разных славянских языках по-разному, но уже в качестве двучленной; сами редуцированные в рамках силлабемного строя выступали как одна фонема. Ее более передний аллофон выступал в сил-

лабемах с палатальной, маркированной первой частью (в языках с утратой лабиовелярности) или с мягкой, немаркированной первой частью / в языках со вторичным смягчением/.

В части славянских языков мы сейчас не находим следов ни совпадения редуцированных, ни вторичного смягчения. Сюда относятся болгарский и македонский. Однако можно показать, что отсутствие "смягчения полумягких" в этих языках явление вторичное (подобно тому, как это обычно принимается для языка украинского). Памятники старославянского языка более или менее широко отражают "перегласовку еров"²⁷, причем - что особенно характерно в аспекте нейтрализации палатальности - она систематически проводится после "исконно мягких". Среди современных болгарских говоров имеются такие (довольно большая группа вокруг Софии), где [ъ] и [ь] совпали благодаря различению перед ними твердых и мягких согласных. Если это остатки вторичного смягчения, то, как предполагает А. Вайан²⁸, в древности его территория могла быть значительно шире. Расхождения в судьбе сильных редуцированных, наблюдающиеся в македонском языке (ъ > е, ь > о) и в восточно-болгарских диалектах, а также в литературном болгарском (ь > е, ь > ъ), могут объясняться посторонними для нашей темы причинами (как рефонологизация противопоставления [е - о] в русском языке объясняется фонологизацией ДП лабиальности, имевшей место уже после падения редуцированных).

При изучении падения редуцированных важной проблемой является соотношение фонологического и фонетического компонентов изменения. Вопрос о соотношении фонетических и фонематических изменений является в языкознании практически неразработанным. Отдельные замечания содержатся в работах общего характера; конкретные изменения не анализируются с этой точки зрения. Обычно считают, что фонетические изменения имеют физиологически обусловленный характер и происходят без влияния фонологических отношений. Соответственно предметом исторической фонетики объявляются звуки, а не фонемы. Такова точка зрения Р.И. Аванесова, С.Б. Бернштейна, П.С. Кузнецова. П.С. Кузнецов писал: "Обычно чисто фонетические изменения, происходящие на протяжении истории языка и сами по себе не обусловленные фонологией, являются причиной перестройки фонологических отношений, а не наоборот"²⁹. Далее в качестве конкретного примера приводится именно падение редуцированных.

В действительности наш процесс представляет фактический материал, позволяющий иначе оценивать взаимные отношения функциональных и акустико-артикуляционных факторов в процессе фонетического изменения.

Картина падения редуцированных, как она была обрисована выше, свидетельствует о том, что данное конкретное изменение вызвано функциональными причинами и поэтому является функциональным, фонологическим по существу. Причина процесса заключалась в нейтрализации противопоставления фонемы /ъ + ь/ фонемному нулю. Редуцированные гласные оказывались "пустой" звуковой единицей, не имеющей функциональной нагрузки в области различения слов и словоформ, не несущей никакой полезной информации для такого различения. В связи с этим они перестали ощущаться как звуковые единицы фонологического, различительного уровня и приобрели статус нефонематических звуковых элементов, служащих для организации фонетического слога, но не входящих в фонемный состав слова.

Первое время после фонологического изменения редуцированные гласные звуки продолжали сохраняться в произношении. Однако утрата фонологического, функционального содержания не могла не сказаться на их судьбе. Началось фонетическое падение редуцированных, заключавшееся: а) в утрате редуцированных гласных звуков в одних позициях (называемых слабыми); б) в замещении их звуками полного образования (разными в различных славянских языках) в других положениях (т.н. сильных позициях). Первая сторона этого процесса - утрата слабых редуцированных, - как показали исследования Л.В. Златоустовой и Л.В. Бондарко³⁰, далеко не закончилась и в настоящее время. Отдельные этапы этого процесса можно хронологизовать по его последствиям (ассимиляции согласных, оглушение и отверждение их на конце слова). Важно отметить, что он не произошел "враз", в XII веке, а занял собой время значительно более длительное, чем ушло на фонологическое падение редуцированных. И до сих пор (прав был А.И. Томсон)³¹ редуцированные гласные - как нефонематические призвуки - существуют в русском языке.

Таким образом, функциональное объяснение падения редуцированных свидетельствует в пользу первоначальности фонологического изменения.

Фонологические методы, применяясь в диахроническом изучении языков, привлекают внимание исследователя к проблемам, которые не осознавались исторической фонетикой. К числу специфических именно для фонологического подхода проблем относится проблема противоречия между непрерывностью языкового функционирования и дискретным характером фонемного изменения. Как вообще может совершаться фонемное изменение, не нарушая нормальной работы языка в качестве средства общения, не создавая серьезных препятствий для выполнения фонетической системой своих функций в общем процессе функционирования языка?

Язык функционирует непрерывно, не существует особых "эпох для фонетических изменений", когда носители языка, прекратив нормальное пользование им, занялись бы "языковым строительством", komponюя фонологическую систему наново из остатков старой, отброшенной ими. Современники фонетического изменения, как правило, просто не замечают его, следовательно, оно никоим образом не мешает выполнению основной задачи языка - общению. Между тем звуковое изменение может означать перестройку системы, в каком-то смысле замену одной фонологической системы на другую. Вспомним, как болезненно всегда изменение орфографической системы, как противится ему общество. Фонетическое же изменение не создает значительных трудностей для общения. Иначе и не может быть: в противном случае оно просто не произошло бы. Ведь дистинктивный уровень, не будучи знаковым, целиком подчинен задачам удобства и отчетливости общения.

В дофонологический период проблема соотношения функционирования и изменения решалась просто. Звуковое изменение мыслилось как постепенный переход одного звука в другой, совершающийся одновременно во всем языковом коллективе под влиянием причин естественного, физиологического характера. Одним из фундаментальных фактов, выясненных фонологией, был факт дискретности звуковых единиц языка - фонем. Между фонемами существуют четкие границы; любой звук, если он вообще функциональная единица, "приписан" в данном языке ко вполне определенной, и только одной фонеме. Поэтому не существует "переходных" звуков, которые не принадлежали бы ни одной фонеме и в то же время регистрировались бы сознанием, отражались на письме, имели вполне определенные фонетические признаки. Нефонематические звуки (призвуки, пазвуки) просто не входят в систему и в фонемный облик слов языка, они никак не ощущаются его носителем. Из сказанного следует, что фонемное изменение должно иметь дискретный характер. Современное языкознание отвергло также представление о естественнонаучном характере "звуковых законов". Детерминация фонетических процессов носит иной характер, ее природа чисто функциональная. А раз звуковые законы не физиологичны, относительная одновременность фонетического изменения во всем языковом коллективе может объясняться также лишь функциональными причинами.

В истории фонологии известно компромиссное решение вопроса о дискретности звуковых изменений. Согласно влиятельной точке зрения, фонематическое изменение имеет дискретный характер, а фонетическое (все-таки) непрерывный. Это утверждает А. Мартине в своем труде "Принцип экономии в фонетических изменениях"³², так же,

видимо, следует понимать цитированное выше высказывание П.С. Кузнецова. При этом предполагается, что фонетическое изменение автономно и суверенно, оно предшествует в фило- и онтогенезе фонемному, фонемное же только регистрирует результаты первого.

Однако остается нерешенным вопрос о механизме одновременности изменения; проблема "перерыва постепенности", перехода количества в качество решается возвращением к дофонологическим взглядам на сущность "звуковых законов".

Возможен и другой взгляд на проблему. Он исходит из того, что при звуковом изменении совершается замена одной фонемной системы другой, отличающейся от нее какими-то элементами (элементом). Раз "перерыва постепенности" не существует, звуковое изменение принципиального характера может произойти только в такой ситуации, когда одной и той же фонетической реальности соответствуют сразу две фонемных системы, из которых одна является реально существующей в данный момент, а вторая по функциональным причинам выглядит более предпочтительной. На эту-то последнюю скрыто и переключается язык; в то же время его функционирование как средства общения продолжается без помех, т.к. фонетическая реальность соответствует сразу обоим системам и, следовательно, первое время после фонемного изменения не претерпевает никаких сдвигов.

Следует подчеркнуть, что проблема неединственности фонологических описаний³³ в диахронии вовсе не носит субъективного характера, какой многими ощущается в синхронии. Речь здесь не идет о том, какая фонемная интерпретация симметричнее или "красивее". Раз изменение произошло в действительности, обе реально существуют. Предпочтение же одной из них оказано не исследователем, а самим языком, т.е. имеет объективный характер. Исследователю в данном случае остается лишь выяснить причины, по которым одна из двух реально существовавших фонематик является функционально более удобной и одерживает в языке победу.

Предложенное решение объясняет относительную одновременность фонетического изменения для всего языкового коллектива без обращения к физиологическим факторам. Названная одновременность оказывается возможной благодаря наличию скрытого периода изменения, когда фонетическая реальность сохраняет тождество самой себе, а фонологическая структура постепенно заменяется у все большего количества членов языкового коллектива на более выгодную в функциональном плане.

Такая схема хорошо применима к падению редуцированных. Данное изменение произошло в момент, когда фонетическая реальность славянской речи допускала двойную

фонематизацию: а) в терминах единиц слогового уровня; б) в терминах фонем.³⁴ Слоговая фонологическая структура (силлабемный строй) сложилась на протяжении развития праславянского языка: для падения редуцированных она оказалась исходной. Фонемная структура³⁵ была функционально вполне возможной, а в отношении экономности значительно выигрывала перед силлабемной: она позволяла устранить из системы и одновременно из синтагматической цепи одну фонему. Общим фонологическим структурам соответствовала одна и та же картина звукового потока, что позволяло скрыто произойти перефонологизации. Изменение заключалось в переосмыслении роли редуцированных гласных, их переводе с уровня фонем на уровень нефонологических призывков, выступающих теперь лишь как необходимый компонент фонетического отныне слога СГ. Что касается собственно фонетических изменений, то они осуществлялись позднее, когда фонологическая перестройка уже произошла и результаты ее были необратимы. Наличие скрытого периода /силлабемно-фонемного) позволяет назвать такой тип изменения л а т е н т н о й п е р е ф о н о л о г и з а ц и е й.

П р и м е ч а н и я

¹ Наше понимание задач историко-фонологического описания изложено в работе: Ю.С.Кудрявцев. Проблемы фонологического анализа в диахронии. - Вопросы исторического языкознания. История русского языка. Вып. 2. Среднерусский период. Л., 1982, с. 3-9.

² см. об этом O. von Essen. Allgemeine und angewandte Phonetik. Berlin, 1962, с. 118. Иначе Л.Р. Зиндер. Общая фонетика. М., 1979, с. 187.

³ В.В. Иванов. Историческая фонология русского языка. М., 1968.

⁴ В.М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.

⁵ В.В. Колесов. Падение редуцированных в статистической интерпретации. ВЯ, 1964, № 2, с. 30-44.

⁶ В.К. Журавлев. Правило Гавлика и механизм славянского падения редуцированных. ВЯ, 1977, с. 30-43.

- 7 В.Н. Чекман. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция Минск, 1979.
- 8 см. Г.И. Климовская. Историческая фонетика старославянского языка. Томск, 1974.
- 9 Разумеется, мягкие согласные фонемы возникли не вследствие палатализаций: результаты I и II палатализаций не могли фонологизоваться до тех пор, пока они не потеряли позиционной обусловленности.
- 10 см. В.М. Марков. Указ. соч.
- 11 в указанном сочинении.
- 12 о последнем см. Е.Ф. Папуш-Журавлева. Данные лингвистической географии о периодизации изменений в тавро-румейской фонологии (на материале новокараубского вокализма). - В кн.: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Баку, 21-24 октября 1975 г.). М., 1975, с.144-145.
- 13 см. Ю.С. Кудрявцев. [Рец.:] В.Н. Чекман. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. Минск, 1979. - ИДВШ. Филологические науки. 1982, 1, с. 81-83.
- 14 см. Р.Ф. Пауфошима. О структуре слога в некоторых русских говорах. - В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977, с. 185-230, особенно с. 213-218.
- 15 в работе: Р.И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки I и Y. - В кн.: Р.И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, с.238-259.
- 16 В.К. Журавлев. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. - Минск, 1963.
- 17 Гласные [ɔ̣, а, и] после мягких, видимо, испытывали продвижение вперед. Ср. совпадение [ě] и [ʼа] в том варианте старославянского языка, который лег в основу глаголицы.
- 18 см., например, В.В. Иванов. Указ. соч., с. 195-213.
- 19 см. В.В. Колесов. Праславянская фонема [ǫ̣] в ранних преобразованиях славянских вокалических систем. - В кн.: Славянское языкознание. УП Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 178.
- 20 употребляем здесь термин "фонема" за неимением альтернативного; подразумевается линейный компонент силагаемы.
- 21 см., например: К.В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии). М., 1968, с. 66 и след.

- 22 так же: В.В. Колесов. Падение..., с. 40; Р.И. Аванесов. Из истории..., с. 244; В.М. Марков. Указ. соч., с. 96-100.
- 23 Ж. Дюрэн. Мягкость, твердость, йотированность. ВЯ, 1977, № 2, с. 74-86.
- 24 И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1898-1903.
- 25 В.В. Иванов. Указ. соч.
- 26 там же, с. 101.
- 27 см.: Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, с. 140-141, 154-163; А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, с. 44, 65-67.
- 28 А. Вайан. Указ. соч., с. 45-46.
- 29 П.С. Кузнецов. К вопросу о происхождении аканья. ВЯ, 1964, № 1, с. 37.
- 30 Л.В. Златоустова. Научная деятельность В.А. Богородицкого. - В кн.: Памяти В.А. Богородицкого. Казань, 1960, с. 30-32; Л.В. Бондарко. Структура слога и характеристика фонем. ВЯ, 1967, № 1, с. 45.
- 31 А.И. Томсон. Исчезли ли звуки Ъ и Ь в русском языке? - Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарных наук, 2. Одесса, 1922.
- 32 А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, с. 70-73.
- 33 Впервые поставлена Чжао Юаньжэнем именно на материале языков, допускающих в качестве альтернативы фонемной силлабемную интерпретацию; см. Y.R. Chao. The nonuniqueness of phonemic solutions of phonetik systems. - Bulletin of the Institute of History and Philology. Academia sinica, V. IV, Part 4. Shanghai, 1934.
- 34 Составной ДП "твердость/мягкость + ряд" в таком случае, как суперсегментный, выносится за скобки фонологического содержания фонем, характеризуя собой целый слог.
- 35 С заменой редуцированных фонологическим нулем. Названный в предыдущем примечании составной ДП сосредоточивается в этом случае на согласном, превращаясь в обычный сегментный.

О СИСТЕМЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ
СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
(ПРЕДЛОГИ ВТОРОГО СЛОЯ)

В. А. Ямшанова

В статье исследуются так называемые предлоги второго слоя, развившиеся в основном в ранненовонемецкий период из немецких имен или заимствованные из латинского языка, которые участвуют в выражении инструментального отношения в современном немецком языке: *anhand, dank, mit Hilfe, mittels, per, vermittels, vermöge, via*. В отличие от предлогов первого слоя (*an, auf, aus, bei, für, gegen, in, nach, ohne, über, unter, von, zu, zwischen*), сочетающих выражаемые ими инструментальные значения с наглядно-образными пространственными представлениями, эти предлоги либо специализируются на выражении инструментальности, либо выражают инструментальное значение совмещенно с другим отвлеченным значением (например, причинным).¹

Всего нами выделено 24 предлога современного немецкого языка, так или иначе участвующих в выражении категории инструментальности. Столь "поражающее"² разнообразие предлогов объясняется очевидной важностью инструментальных отношений в жизни человека и, соответственно, в языке, ибо, по замечанию А. М. Пешковского, "чем важнее для языка какое-нибудь ... значение, тем более разнообразными и тем более многочисленными способами обозначается оно ..., как будто бы язык всеми доступными ему средствами стремится к поставленной себе цели - выразить данное значение".³ Многообразие формальных средств объясняется также содержательной сложностью категории инструментальности, которая, характеризуясь инвариантным семантическим признаком "посредничество в целенаправленной деятельности субъекта", реализуется в ряде субкатегорий: орудия, средства, орудия-средства (объединенных признаком предметного посредничества) и способа (процессуальное посредничество).⁴ Рассматриваемые здесь предлоги функционируют в основном в научно-технических текстах, для которых как раз важна тонкая дифференциация субкатегориальных инструментальных значений.

Предлог *anhand* возник на основе ослабления значений обеих частей предложно-субстантивного сочетания *an (der) Hand*. По данным словарей *anhand* (*an Hand*) соединяется с обозначениями таких предметов, которые являются "носителями информации" или с обозначениями видов информации как таковой. Глагольно-субстантивное сочетание с предлогом *anhand* указывает на факт использования некоторого предмета для достижения целей передачи, усвоения, извлечения и применения информации, знаний. При этом словари отмечают синонимию *anhand* и *mit Hilfe*: *anhand einer guten Landkarte fanden sie sich zurecht (= mit Hilfe... - Köst. 408; Dud. 45)*. Предложное со-

четание mit Hilfe выражает инструментальное значение в самом общем виде, входя в синонимические отношения с самыми разными инструментальными предлогами. Для предлога anhand характерна в первую очередь альтернатива с предлогом an. Ср.: Anhand eines Buches lernte er, daß... (Agr. 29). - ... geschult am Brockhaus - Führer, ob..., er eilt rastlos durch die Straßen (Z).

В сочетании с глаголами типа (auf)zeigen, demonstrieren, darstellen, erklären и т.п. существительные с предлогом anhand выступают в значении орудия-средства репрезентации сложного объекта и синонимичны предложно-субстантивному сочетаниям с предлогом an в аналогичном употреблении. Ср.: Im folgenden soll an Hand eines Beispiels die Programmierung ... gezeigt werden (K.78). - An einzelnen Beispielen wurde aufgezeigt, wie ... (K. 35).

Сочетание предлога anhand с процессуальным существительным может передавать значение способа осуществления действия: Die Zuverlässigkeit des Zeugen, die Fritzsche an der Hand seiner feineren Ermittlung hatte nachprüfen können, stand außer allem Zweifel (U. 202).

Исследователи предлога dank оценивают его значение либо как чисто инструментальное, либо как чисто причинное.⁵ С нашей точки зрения, предлог dank характеризуется виртуальной обобщенностью этих значений, попеременно проявляющихся в рамках конкретных речевых реализаций: Dank seines raschen Handelns wurde die Ertrinkende gerettet (Н.В. 379) - инструментальное значение способа; Ahntest du, daß dank meiner Schuld ich in Armut sank (D. 32) - значение причины. Исследованный материал показал, что причинное значение предлога dank реализуется чаще инструментального (примерно в 4 раза).

Закономерно частое употребление предлога dank с отглагольными существительными процессуальной семантики. Признак процессуальности является связующим звеном между причинным значением и инструментальным значением способа. Нередко, однако, указание на процессуальную сторону имплицировано. Так, немецкие грамматики отмечают, что чаще всего dank приобретает инструментальное значение в сочетании с существительными типа Fleiß, Energie, Vorsicht и т.п., входя в синонимические отношения с инструментальным предлогом durch: Dank seinem Fleiß/dank seines Fleißes bestand er die Prüfung (Н.В. 379). Употребление предлога dank с существительными, обозначающими свойство, качество, признак субъекта, при глаголах целенаправленных действий подразумевает актуализацию момента применения этих потенций в действии и, следовательно, выдвигает на передний план отношения способа осуществления действия: Er hat dank seiner Genialität die Situation gerettet (RH. 451 - благодаря не просто наличию, но проявлению в данной ситуации известных способностей).

Соединение предлога dank, равно как и русского предлога 'благодаря', с существительными конкретно-предметной семантики типа 'благодаря резу' можно было уве-

личить скорость резания' следует, с нашей точки зрения, толковать не как выражение значения "причины с оттенком орудийного",⁶ а как имплицитное выражение способа (иногда совмещенное со значением причины): = благодаря применению резака ...

За предложным сочетанием *mit Hilfe* не все исследователи признают статус предлога. В грамматиках, называющих *mit Hilfe* в числе инструментальных предлогов, приводятся примеры его употребления с существительными конкретно-предметной семантики в значении, синонимическом орудийному значению предлога *mit*: *Er öffnete die Kiste mit (Hilfe) einer Zange* (Jung. 71). Такая неоднозначность трактовки объясняется, видимо, тем, что в современном немецком языке наблюдается разная степень грамматикализации сочетания *mit Hilfe*. Не случайно о *mit Hilfe* иногда говорят как о "полупредлоге".⁷ На "шкале постепенных переходов" находятся и свободные словосочетания, и сочетания с высокой степенью грамматикализации. К первым относятся сочетания *mit Hilfe* с существительными, обозначающими лицо или совокупность лиц, организацию и т.п.: *Eigenhändig, aber auch mit Hilfe Augusts und des Dieners hob er ... Portefeuilles* (L. 369); ... *mit direkter Hilfe des imperialistischen Besatzungsmächte* (W.1.1457). Эти сочетания характеризуются известной свободой связи предлога *mit* и существительного *Hilfe*, о чем свидетельствует; в частности, возможность нарушения устойчивости предложно-субстантивной структуры, например, включением в нее определения. В них отсутствует грамматическая "идиоматичность" как основа неразложимости словосочетания; сохраняется не только значение предлога, но и основное лексическое значение существительного *Hilfe*, предполагающее активного субъекта этого действия. В приведенных выше примерах на передний план выступает социативное значение.

Большей степенью грамматикализации характеризуются сочетания типа *mit Hilfe* + предметное существительное: *Arbeitsinstrumente sind Maschinen, Ausrüstungen, Werkzeuge, mit deren Hilfe der Mensch unmittelbar auf den Arbeitsgegenstand einwirkt* (W.2.1762). Однако и в сочетаниях *mit Hilfe* с названиями собственно орудий и средств, где ярко проявляется инструментальное значение, социативность присутствует как фон, как возможность дифференцировать "прямое" и "вспомогательное" орудие, средство или орудие-средство. Особенно важную роль это играет в языке научно-технической литературы, в которой преимущественно и встречаются эти сочетания. При этом с *mit Hilfe* соединяются обычно названия не ручных орудий, а более сложных устройств, машин, приборов, установок, а также орудий-средств: *Mit Hilfe der letzten Formeln lassen sich die gesuchten Konstanten k und T folgendermaßen bestimmen* (Ph. 477). В последнем случае *mit Hilfe* входит в отношения синтаксического параллелизма с инструментальными предлогами *mit* и *durch*. Ср. также: *Rembrandt malt nur mit Hilfe des Lichtes - um Fromentin reden zu lassen - "er zeichnet nur durch*

Licht" (В. 8). Конкуренция с предлогом durch наблюдается и при обозначении способа осуществления действия: Die Konstanten wurden mit Hilfe einer Stichprobenuntersuchung festgelegt. - Die Größe der Zahnreder wird ... durch Berechnung ... festgelegt (Bg. 45). Значение способа, метода, приема реализуется также в сочетаниях типа mit Hilfe einer Methode, eines Verfahrens: Ferner hat Keibel ... DK und Leitfähigkeit von Fettgewebe und Muskel mit Hilfe einer optischen Methode bestimmt (Bi. 263).

Таким образом, предлог mit Hilfe широко употребляется для выражения всех субкатегориальных значений - орудия и средства, орудия-средства и способа осуществления действия, являясь одним из самых универсальных средств обозначения инструментального отношения. Такое положение предложного сочетания mit Hilfe среди прочих предложных средств выражения инструментальности связано и с тем, что mit Hilfe выражает инструментальное значение в общем весьма недифференцированно, в отвлечении от различных семантических оттенков, составляющих специфику, а вместе с тем и ограничивающих сферу употребления каждого из остальных инструментальных предлогов. Сочетание mit Hilfe может в широких пределах заменять другие инструментальные предлоги, поднимая выражение инструментального отношения на более абстрактный, более обобщенный уровень.

Предлоги mittels и vermittelt(t) относятся к числу так называемых канцелярских предлогов, против употребления которых за пределами письменной официально-деловой и отчасти научно-технической речи предпочитают современные нормативные грамматики. Ср. рекомендации о замене в обиходной речи mittels на mit, durch или mit Hilfe: nicht vermittelt ... eines Drahtes, sondern mit einem Draht; etw. mittels Dampf(es), Draht(es) ... (besser durch Dampf..., mit Hilfe von Dampf) in Bewegung setzen.⁸ Е. Форстройтер определяет семантику предлога mittels как "промежуточную" между семантикой mit и durch: подобно mit предлог mittels соединяется с существительными конкретно-предметной семантики со значением орудия, подобно durch, mittels сочетается с глаголами "процессуально-результативной" семантики.⁹

Как и в случае с mit Hilfe, существительные с предлогами mittels обозначают, как правило, не ручные орудия и конкретные средства, с названиями которых употребляется преимущественно предлог mit, а сложные устройства - приборы, установки, агрегаты, а также абстрактные орудия-средства: ... Signale, die mittels der Verständigungs-systeme ... übertragen werden (Ch.578); ... die zulässigen Werte..., die mittels der Wissmanischen Formel errechnet werden (Bg. 46). Еще в большей степени это относится к сочетаниям с предлогом vermittelt: ... Pedalen, die vermittelt eines sinnreichen Mechanismus viel höher angebracht sind als gewöhnlich (ТМ. 82); ... Austausch von Arbeitsprodukten vermittelt Arbeitspapiergeldes (W.I. 1567). Что касается семантической близости mittels, vermittelt с предлогом

durch, то здесь следует отметить не только "процессуально-результативную" семантику глаголов, на которую обращает внимание Е. Форстройтер, но и на процессуальную семантику существительных, сочетающихся с этими предложениями. В первую очередь это относится к предложению *vermittels*, который с процессуальными существительными употребляется чаще, чем с предметными, реализуя значение способа осуществления действия: *Aus der Analyse der vorliegenden Ermittlungsergebnisse kann mittels einfacher Rechenoperationen abgeleitet werden...* (W.I.1515). Некоторые примеры прямо указывают на потребность синонимического варьирования инструментальных предлогов в рамках узкого контекста: *... die Ausnutzung und Beeinflussung der subjektiven Nachfragekomponenten durch Warenzeichen. Die aktive Marktgestaltung mittels Warenzeichen muß vollzogen werden... Mit Hilfe von Warenzeichen kann...* (W.I.1501).

Предлоги *mittels* и *vermittels* отличаются от всех других инструментальных предлогов своей специализированностью на передаче значения посредничества, свойственного существительным, из которых образовались эти предлоги (*Mittel*, *Vermittlung*). Рассматриваемые предлоги в основном замкнуты в пределах особой жанрово-стилистической сферы употребления (приблизительно 85% примеров зарегистрированы в текстах научно-технической литературы). В связи с преимущественным употреблением этих предлогов в указанных жанрах текстов они в основном ассоциируются с утверждениями внеситуативного характера, причем такими, для формы выражения которых особое значение имеет четкое выявление логических связей. С этим хорошо согласуется специфический абстрактно-инструментальный тип предлогов *mittels*, *vermittels*.

Предлог *per* заимствован из латыни, где наряду с пространственным значением ("через", "сквозь") он передает инструментальное ("через посредство", "с помощью", "посредством") и причинное ("из-за", "вследствие") значения. Таким образом, семантически предлог *per* сближается с предлогом *durch* (ср.: "*per = durch*"¹⁰). Несмотря на то, что нормативные грамматики и словари рекомендуют заменять этот предлог собственно немецкими *mit*, *durch*: *etw. per (besser mit der) Bahn, Post befördern; einen Brief per (besser durch) Eilboten zustellen lassen* (Agr. 443), по некоторым данным отмечаются признаки расширения области его употребления в современном немецком языке.¹¹

Исследованный материал показал, что предлог *per* входит в синонимические отношения не только с предложениями *mit* и *durch*, но также с предложениями *über* и *zu* (в большинстве случаев в сочетаниях с существительными, обозначающими транспортные средства, средства связи): *... mit dem Wagen ist er nicht gekommen, per Bahn ist er nicht gekommen, vielleicht mit dem Hubschrauber* (WS.69); *... Dementis über den Funk* (St. 128). - *... daß er ... per Funk Alarm gegeben habe* (Z); *Freilich schafft es nicht jeder, alle Schönheiten des Landes per Pedes zu erreichen* (Z).

Предлог vermöge семантически приравняется некоторыми исследователями к предлогам *mittels* и *vermittels*.¹² В нашем материале этот предлог чаще отмечается со значением причины, однако при указании на целенаправленность действия он может приобретать и инструментальное значение: *Ich leugne nicht, daß die Frau mich einschüchterte und mich zugleich durch eben die Eigenschaften, vermöge deren sie es tat, außerordentlich anzog* (Kr. 295).

Предлог *via* в немецкий язык пришел из латыни, где существительное *via* обозначает "путь", "способ", "средство", "образ", а также "метод". В соответствии со своим пространственно-инструментальным значением предлог *via* сближается с предлогами *durch*, *über*, *per* и входит с ними в синонимические отношения; ср.: *Die Übersetzungsregeln ... werden dem Gehirn als Fertigprodukt aus den Interpretan-Wirkstoffdragees über den Magen-Darm-Kanal und den Blutkreislauf zugeführt* (A. 219). - ... *damit anschließend durch die Wirkungsstoffdragees der strukturierte fremdsprachige Gedächtnisinhalte dem Gehirn via Kreislauf zugeführt werden kann* (A. 463).

Исследованные 24 предлога, каждый из которых обладает своим набором инструментальных значений, можно рассматривать как конститuenty функционально-семантического макрополя инструментальности, которое распадается на два поля: поле предметного и поле процессуального посредничества (см. схему). В связи с большей сложностью поля предметного посредничества, которое делится на три сегмента, соответствующие микрополям орудия, средства и орудия-средства, различие частотности предлогов (по данным нашей выборки), распределяемых по микрополям, отображается только порядком их перечисления; это следует учитывать в аспекте положения каждого предлога относительно ядра и периферии поля. Этот же аспект взаимных отношений форм удается более наглядно представить в схеме поля процессуального посредничества в расположении кругов вокруг его ядра, т.к. это поле не подразделяется на микрополя. В целом, схематическое изображение, неизбежно несколько огрубляя действительную сложность общей картины, дает представление о системной организации предложных средств выражения категории инструментальности в современном немецком языке (ядерность - периферийность, наличие общих сегментов, частотность употребления, универсальность некоторых форм, специализация в выражении субкатегориальных значений, сочетаемость с определенными классами слов, синонимичность). Схема концентрированно представляет соотношения плана содержания и плана выражения в сфере инструментальных значений в немецком языке.

ПРЕДМЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО
(орудие, средство, орудие-средство)

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО
(способ)

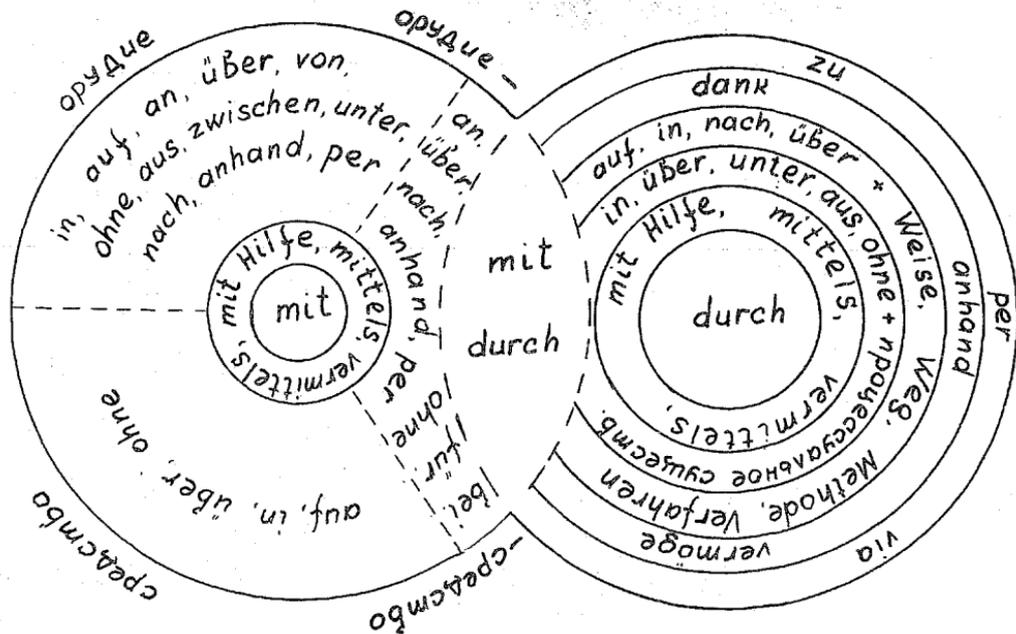

СХЕМА ПОЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Примечания

¹ Эта статья является продолжением работы: В.А. Ямшанова. О системе инструментальных предлогов современного немецкого языка (предлоги первого слоя). - В кн.: Семантические категории в лексике и грамматике немецкого языка. Уфа, 1983. Поскольку первообразные предлоги в целом более однотипны в передаче субкатегориальных инструментальных значений, их удобнее описывать по принципу "от значения к форме". Предлоги второго слоя, характеризующиеся большими различиями в наборе и содержании выражаемых субкатегориальных значений, рассматриваются здесь в направлении "от формы к значению".

² J. Erben. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin, 1965, S. 180 - сказано исследователем относительно большого разнообразия предлогов, служащих выражению модальных отношений, в качестве разновидности которых рассматривается инструментальное отношение.

³ А.М. Лешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 48-49.

⁴ Подробнее см.: В.А. Ямшанова. О системной организации функционально-семантического поля инструментальности. - В кн.: Лингвистические исследования 1980. Анализ синтаксических единиц. М., 1980, с. 213-223.

⁵ G. Helbig, J. Buscha. Deutsche Grammatik. Leipzig, 1974, S. 38; W. Jung. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1967, S. 179; Der große Duden. Bd. 4. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, 1973, S. 312.

⁶ Е.Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967, с. 229.

⁷ E. Beneš. Syntaktische Besonderheiten der deutschen wissenschaftlichen Fachsprache. DaF. 1966, N 3, S. 31.

⁸ Der große Duden. Op. cit., S. 315; W. Jung. Op. cit., S. 377; E. Agricola. Wörter und Wendungen. Leipzig, 1961, S. 403.

⁹ E. Forstreuter. Bedeutung und Anwendung einiger wichtigen Präpositionen unserer Gegenwartssprache. In: Sprachpflege. 1976, N 7, S. 146.

¹⁰ W. Jung. Op., cit., S. 370.

11 С.А. Суркова, А.В. Шишкина. Из наблюдений над структурно-семантическими особенностями глагольных неологизмов. - В кн.: Вопросы строя немецкой речи, вып.4. Владимир, 1975, с. 19.

12 J. Erben. Op. cit., S. 180.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- A. - E. Agricola. Tagungsbericht. Greifenverlag zu Rudolstadt. 1976.
Agr. - E. Agricola. Wörter und Wendungen. Leipzig, 1962.
B. - W.v.Bode. Die Meister der holländischen und flämischen Malerschulen. 1958.
Bg. - Ausrüstungen für Bergbau und Schwerindustrie. Bd. 3. 1955.
Bi. - Dielektrische Eigenschaften biologischer Substanzen. 1963.
Ch. - Die Naturwissenschaften. 1967, Hf. 22.
D. - Fr. Dürrenmatt. Zwei Dramen. Berlin, 1970.
Dud. - Der Große Duden. Bd. 10. Bedeutungswörterbuch. 1970.
H.B. - G. Helbig, J. Buscha. Deutsche Grammatik. 1974.
Jung - W. Jung. Grammatik der deutschen Sprache. 1967.
K. - Lehrmaschinen in kybernetischer und pädagogischer Sicht. 1964.
Köst. - E. Köster. Ullstein Lexikon der deutschen Sprache. 1969.
Kr. - Th. Mann. Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull. Leipzig, 1977.
L. - Th. Mann. Lotte in Weimar. Berlin und Weimar, 1975.
Ph. - Zeitschrift für Naturforschungen. 1954, Bd.96.
RH. - R. Hochhuth. Stücke. Berlin, 1975.
St. - R. Hochhuth. Der Stellvertreter. 1963.
TM. - Th. Mann. Erzählungen. 1975.
U. - H. Mann. Der Untertan. Leipzig, 1968.
W.1/2 - Wirtschaftswissenschaften. 1969, N 10; 1975, N 12.
WS. - W. Steinberg. Der Hut des Kommissars. 1967.
Z. - Neues Deutschland. 10, 1976.

СУФФИКСАЛЬНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
КАК СРЕДСТВО СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ
СУБСТАНТИВНЫХ ЛЕКСЕМ

Е.В. Нарустрэнг

Одной из отличительных черт словообразования является его двунаправленный характер, проявляющийся в одновременной связи как с лексическими, так и с синтаксическими аспектами функционирования языковых единиц. Лексическую сторону процесса словообразования составляет потребность в обозначении нового понятия: синтаксическая направленность словообразовательного акта, проявляется прежде всего в тех случаях, когда с его помощью тождественное лексическое значение получает категориально-грамматическую форму части речи в связи с потребностью использования соответствующей лексики во вторичной для нее синтаксической функции в предложении. При этом часто имеет место эффект экономии языковых средств. Анализ словообразовательных процессов может выявлять доминирующую роль одного из этих аспектов с учетом свойственных той или иной части речи особенностей.

Наблюдения над фактами современной немецкой речи свидетельствуют о том, что интенсивное образование новых отсубстантивных относительных прилагательных обусловлено преимущественно вторым из названных выше факторов. Субстантивная лексема переводится в другую грамматическую категорию - в категорию прилагательного, благодаря тому, что ее основа приобретает характерный для прилагательного морфологический признак - словообразовательный суффикс с общерелятивным значением *-isch* или *-lich*, сохраняя при этом в большинстве случаев свое предметное содержание, что подтверждает преимущественно синтаксический характер такой транспозиции, например: *die muttersprachliche Grammatik - die Grammatik der Muttersprache*.

Характерной для современного немецкого языка является корреляция атрибутивных словосочетаний с относительными прилагательными и субстантивных композитов, представляющих собой чрезвычайно распространенную разновидность атрибутивных комплексов. Однако между относительным прилагательным и определительным членом субстантивного композита имеется существенное различие, которое заключается в том, что в последнем случае языковой знак, выступая во вторичной для него атрибутивной функции, сохраняет свою субстантивную категориально-грамматическую принадлежность. Ср.: *das Streben zur Verdeutlichung führt zu sprachlichem Wandel* (M 52) - *die geistigen Ursachen des Sprachwandels* (M 52).

Транспонироваться могут как падежные, так и предлогные формы субстантивных атрибутов, например: Vielen Eltern fällt eine Fehlentwicklung der kindlichen Sprache nicht auf (FD 42) - die Sprache des Kindes; so hat sich Fichte in seiner Apellation an das Publikum und seiner gerichtlichen Verantwortung noch derber und greller ausgesprochen (НН 93) - seine Verantwortung vor Gericht; Wir haben seine berufliche Entwicklung überprüft (W 136) - seine Entwicklung im Beruf; Wir werden nämlich jeden Tag heftiger bedrängt von der Gegierung und ihren junkerlichen Auftraggebern (U 97) - ihren Auftraggebern, den Junkern (die Auftraggeber sind die Junker). Семантическое отношение между атрибутом - отсубстантивным относительным прилагательным и определяемым существительным (по сравнению с атрибутом-существительным в предложно-падежной форме) приобретает имплицитный характер, в рассматриваемом изолированно относительном прилагательном это отношение представляется в обобщенном виде как "относящийся к ...". При этом одна и та же лексема, обладающая категориально-грамматическими признаками атрибутивного слова и одновременно сохраняющая семантическую связь с исходным предметным понятием, выполняет в сочетании с разными определяемыми функции различных субстантивных атрибутов, что создает возможность определенной экономии языковых средств. Ср. следующие атрибутивные словосочетания с прилагательным medizinisch: die medizinische Wissenschaft, die medizinische Fakultät, medizinische Bäder, medizinische Geräte, medizinische Betreuung и т.п.

Использованию в качестве предметно-относительного атрибута именно прилагательного способствует наличие у определяемого существительного другого атрибута - субстантивного, а также сложная морфологическая структура определяемого. Ср. соответственно следующие примеры: Eigentümliche Verwicklungen in der lautlichen Beziehung eines Wortes auf ein tönendes Ding entstehen weiter dadurch,... (P 22) Sie wollte ihr noch erklären wie belanglos ein Seitensprung für das eheliche Zusammenleben zweier Menschen sein konnte (W 80-81). Относительное прилагательное может при этом обнаруживать семантическую связь с первым компонентом композита, например: Die Mundartforschung ..., die ... sich auch sprachsoziologisch im Sinne einer sprachlichen Schichtforschung orientiert (M47). В таких случаях предпочитается форма атрибута-прилагательного. Встречаются также примеры более сложных связей между компонентами атрибутивного словосочетания рассматриваемого типа, ср. Gelegentlich haben bedeutungsgeschichtliche Verschiebungen stattgefunden (Н 22), где речь идет о семантических сдвигах, возникающих в процессе исторического развития языка - Verschiebungen der Bedeutung im Laufe der Sprachgeschichte.

Атрибутивное слово, являющееся категориально-грамматически транспонированной субстантивной лексемой, иногда концентрирует в себе семантическое содержание,

которое выходит за пределы исходного значения производящей основы и может быть адекватно передано лишь с помощью более или менее пространных высказываний, включающих в свой состав дополнительную полнозначную лексику, в том числе с помощью определенных придаточных предложений. Например: In welchem Maße ist das Wiederaufleben der Bezugsadjektive mit solchen lehnwortlichen und übersetzungslehnwortlichen Anstößen verbunden? (H 24); Die Hauptaufgabe der Landwirtschaft besteht darin, die pflanzliche und tierische Produktion zu steigern (ND 1); Der Anteil weiblicher Leitungskader ist in den einzelnen Industriezweigen unterschiedlich (FD 18). Подобное "свертывание", т.е. возможность транспозиции высказывания в отсубстантивное прилагательное с предметно-относительным значением, отражает свойственную современному языку тенденцию к языковой экономии, стремление к максимальной насыщенности плана содержания при минимальном использовании единиц плана выражения.

Особенность рассматриваемой разновидности предметно-относительного атрибута состоит в том, что одно и то же относительное прилагательное способно в условиях одного контекста выступать в качестве эквивалента субстантивного атрибута в падежной или предложной форме, а в сочетании с другим определяемым выявлять более сложное семантическое содержание, которое можно передать лишь посредством описательных конструкций. Ср.: Doch in diesem Fall ist die Revision ein Teil der polizeilichen Ermittlungsarbeit (W 46) - die Ermittlungsarbeit der Polizei; die Fichte'sche Ansicht von Gott hätte also auf rationellem, aber nicht auf polizeilichem Wege wiederlegt werden müssen (HH 94) - в данном случае прилагательному polizeilich будет соответствовать целое высказывание.

С точки зрения словообразовательной структуры прилагательные, представляющие собой транспонированные с помощью адекативных словообразовательных суффиксов субстантивные лексемы, являются дериватами от простых (корневых) существительных, например: ärztliche Untersuchung, sprachliche Einheit, а также от существительных производных и сложных, ср. anwältliche Dinge, gesundheitliche Betreuung, das städtebauliche Ensemble, kunstsprachliche Bestrebungen и т.п. Среди производных композитного характера можно выделить наряду с адекативными образованиями от субстантивных сложных слов, например, das kriegsgerichtliche Verfahren: kriegsgerichtlich от Kriegsgericht, и дериваны, допускающие двойную соотнесенность - как с композитом, так и с сочетанием слов, ср. die überseeische Post: überseeisch от (die) Übersee или от "über die See", а также адекативные производные, возникшие на базе атрибутивных словосочетаний: der deutschsprachliche Unterricht (также der deutschsprachige Unterricht¹): deutschsprachlich от die deutsche Sprache. В некоторых прилагательных сложная морфологическая основа поддается членению, но не коррелирует со словосочетанием, в которое вводятся те же лексичес-

кие элементы, например: durch innersprachliche Lautentwicklung, либо выполняет возможность синонимичной замены одной из ее частей: das kunsthistorische Denkmal, где kunsthistorisch, по-видимому, следует считать производным от Kunstgeschichte, слово *Kunsthistorie в языке не зафиксировано.

В отдельных случаях отсубстантивные прилагательные, образованные от имен деятелей, в контексте семантически соотносятся не с лицом, а непосредственно с действием, процессом или состоянием, ср.: Im juristischen Sinne wohl nicht, aber ... (W 167) - juristisch с Jura через Jurist; daß es sich Frankreich noch nicht leisten konnte, einen kriegerischen Konflikt mit England heraufzubeschwören (FW 13) - kriegerisch с Krieger. Отсубстантивные относительные прилагательные могут образовывать сложные структуры, выявляющие либо сочинительную связь компонентов, например: gute mathematisch-naturwissenschaftliche Kenntnisse (FD 41), т.е. mathematische u n d naturwissenschaftliche Kenntnisse, либо совмещение разноаспектных признаков в одном и том же предмете мысли, ср. So suchten sie in großem Sammeleifer die Landschaften mit Erfolg nach Märchen ab und beachteten hier besonders bäuerlich-ländliche, aber auch kleinstädtisch-kleinbürgerliche und zum Teil auch plebejische Schichten (V 121).

Рост разряда отсубстантивных относительных прилагательных представляет собой заметное явление среди процессов, определяющих особенности немецкого языка на современном этапе его развития. Тенденция к языковой экономии переплетается здесь с тенденцией к развитию синонимических языковых средств выражения сходных или тождественных значений.² Следует полагать, что выражение предметно-относительного признака посредством отсубстантивного прилагательного, конкурирующее с субстантивным словосложением, создает возможность передавать специфический тип атрибутивной характеристики предметного понятия отдельным словом, тогда как композит в большей мере подчеркивает цельность обобщения, осуществляемого составной лексемой, как видového понятия.

П р и м е ч а н и я

¹ Прилагательное deutschsprachig представляет собой один из редких случаев, когда отсубстантивный де-ривант с общерелятивным значением образуется посредством прибавления суффикса -ig. Суффиксы -ig в общерелятивном значении выступают только в соединении со сложными основами (комполит или словосочетание).

² Ср. Адмони В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973, с. 170.

Список использованных текстов

1. FD - Zeitschrift "Für Dich", 36, 1979.
2. FW - L. Feuchtwanger. Die Füchse im Weinberg, Aufbau-Verlag Berlin, 1955.
3. H - R. Hotzenköcherle. Gegenwartsprobleme im deutschen Adjektivsystem - Neuphilologische Mitteilungen, LXIX. Jg., 1, Helsinki.
4. HH - H. Heines sämtliche Werke in vier Bänden, Bd. 3, Leipzig o.J.
5. M - H. Moser. Deutsche Sprachgeschichte, Tübingen, 1969.
6. ND - "Neues Deutschland", 8.XII.1955.
7. P - W. Porzig. Das Wunder der Sprache, München, 1967.
8. U - H. Mann. Der Untertan, Moskau, 1950.
9. V - Deutsche Volksdichtung. Leipzig, 1979.
10. W - T. Wittgen. Das sanfte Mädchen, Berlin, 1975.

О Г Л А В Л Е Н И Е

А.П. Володин, В.С. Храковский. Парадигма императивных форм (опыт исчисления).....	3
А.И. Пихлак. К вопросу об универсальности функционально-семантической категории аспектуальности	21
Н.А. Козинцева. Типы многократного действия в конструкциях с видо-временными формами армянского глагола (в сопоставлении с русским).....	33
М.А. Шелякин. Опыт семантике-синтаксического описания дательного падежа русского языка.....	43
И.П. Кюльмоя. О понятии кратно-соотносительных конструкций и их признаках	58
М.А. Шелякин. О семантической структуре категории степеней сравнения прилагательных, ее частных значениях и морфологических формах	70
А.Д. Дуличенко. О некоторых случаях неустойчивости категории рода в языке русин Югославии ..	75
В.М. Свезинский. К вопросу о польско-белорусской семантической интерференции (на материале письменных памятников XIV-XVII вв.).....	81
Ю.С. Кудрявцев. Падение редуцированных в фонологическом освещении.....	89
В.А. Ямшанова. О системе инструментальных предлогов современного немецкого языка (предлоги второго слоя).....	104
Е.В. Нарустранг. Суффиксальные словообразовательные модели прилагательных в современном немецком языке как средство синтаксической транспозиции субстантивных лексем.....	113

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Выпуск 651.

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА.**

Труды по русской и славянской филологии.

На русском языке.

Тартуский государственный университет.

ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Эликооли, 18.

Ответственный редактор М. Шелякин.

Подписано к печати 27.09.1983.

МВ 08519

Формат 60x90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 8,44.

Печатных листов 7,5.

Тираж 500.

Заказ № 1089.

Цена 1 руб. 30 коп.

Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.